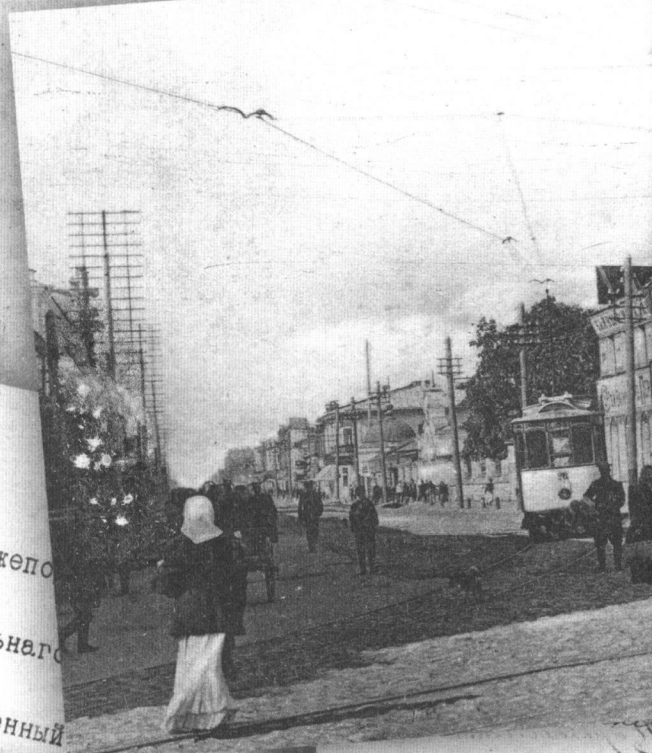


Убрана, усенна и квадратна
 дротонка, дучи, дучи, дучи
 отси, пост, дучи, дучи
 Кадимла 179 става
 гадка на 1790 год
 многа и става

Поучилим добри
 р-миди курца Ана
 мбурга, на завои, су
 Кайинного дучи-стас
 надборнима еуросна
 мурна, и зурочина
 олисено.

А К Т Ъ.
 1918 года октября 15 дня. Мы, нижепо
 тариусъ Ярославскаго Нотаріальнаго
 У м п и ц к і й и вновь назначенный



справляна
 Андрия
 бера со
 и Влади
 прав
 ит
 деини
 и не
 сенин
 а пр
 курма
 ибери



Ваше письмо
получил
и благодарю
вас за него.
Я очень
рад, что
вы пишете
мне.
Я очень
люблю
вашу
мать.
Я очень
люблю
вашу
сестру.
Я очень
люблю
вашу
мать.
Я очень
люблю
вашу
сестру.
Я очень
люблю
вашу
мать.
Я очень
люблю
вашу
сестру.

[illegible]

Александр Евгеньевич Коняев

ИСТОРИЯ НОТАРИАТА ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ

Рыбинск
2013

УДК
ББК
К65

Серия «Золотые страницы российского нотариата»

Издание книги осуществлено при активном содействии
Комиссии по исследованию исторического наследия российского нотариата
Федеральной нотариальной палаты.

Автор благодарит за огромную помощь, оказанную при написании книги,
Государственный архив Ярославской области и лично начальника Управления
по делам архивов правительства Ярославской области Е. Л. Гузанова.

Редакционная коллегия:

Карпизина С. Н., Ладанова В. И., Губина Н. А., Штыкова О. П., Власова Л. Д.,
Цветкова С. С., Волкова Г. И., Шпагин А. В., Бондаренко Н. В.

Рецензенты:

Благов Е. В.,

доктор юридических наук, профессор Ярославского государственного университета
им. П. Г. Демидова, член квалификационной комиссии
Ярославской областной палаты адвокатов;

Иерусалимский Ю. Ю.,

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной средневеко-
вой и новой истории Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова;

Бородкин А. В.,

кандидат исторических наук, доцент, директор Ярославского филиала Московского инсти-
тута комплексной безопасности.

Коняев А. Е.

К65 История нотариата Ярославского края: Монография. – Рыбинск: Изд-во
ОАО «Рыбинский Дом печати», 2013. – 177 с.: ил. Библиография в сносках.
ISBN

В монографии кандидата исторических наук, специалиста по истории правоохранительных
институтов Ярославского края А. Е. Коняева рассмотрены, в тесной связи с региональной истори-
ей Ярославской области и историей России в целом, становление и развитие нотариата в этом ре-
гионе вплоть до возрождения в России небюджетного нотариата в 1993 году.

УДК
ББК

ISBN

© Коняев А. Е., 2013
© Федеральная нотариальная палата, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ярославль – один из древнейших русских городов, носитель и хранитель культурных традиций Русского государства. Есть среди этих традиций и та, из которой вырос российский нотариат – уважение к письменному слову, правильно оформленному соглашению. «Что написано пером – не вырубишь топором», как говорит русская пословица.

В этом отношении история ярославского нотариата особенно примечательна. К концу XIX в. слово «ярославец» обозначало в России не столько принадлежность к определённому региону страны, откуда человек происходил родом, а вполне определённый социокультурный тип: «Ярославец – умник и грамотей. И ум его – это ум не теоретизирующий, далёкий от схоластики, насквозь практический ум. Это народ ухватистый, предприимчивый, наделённый немалым здравым смыслом. Сообразительность ярославца направлена на достижение практических результатов»¹.

В то же время предприимчивость и сообразительность ярославцев почти всегда сочетались с исключительной порядочностью и верностью данному слову, когда речь шла о деловых отношениях. Житель Ярославщины мог долго торговаться, выбивая для себя множество уступок, но когда всё было оговорено – в ход шли самые лучшие деловые качества, сохранившиеся и до наших дней. Авторитетный экономический журнал «Эксперт» в 2004 г. так описывал особенности бизнеса по-ярославски: «К москвичам здесь относятся настороженно. Поскольку, по мнению ярославцев, у москвичей другой взгляд на жизнь. И, мол, „кинуть“ для них – это запросто. Ярославцы – другие. Поскольку живут почти в деревне, где все всё про всех знают. И кризис – не кризис, если ты взял в долг, так и отдай. А не отдашь – никто с тобой дел вести не станет. Иным здешним бизнесменам столичные банки деньги перечисляют по телефону, под честное слово. Как в те времена, когда купеческое слово ценилось не ниже письменного соглашения. Помните сцену в комедии А. Н. Островского „Лес“, где актёр Несчастливцев укоряет купца Восмибратова, обманувшего помещицу на 1000 рублей, и говорит: „Честь бесконечна. И её-то у тебя нет!“ А купец в ответ на это произносит золотые слова: „Нет уж, барин, ты что хочешь говори, уж насчёт там чего другого я не хвалюсь, а насчёт чести я вот что скажу, барин: я не человек, я – правило“. Примерно так ярославцы и живут»².

В немалой степени это заслуга и нотариусов Ярославского края – от «площадных подьячих» XVII в., регистрировавших сделки именитых местных купцов (лидеров по представительству в «государевой сотне» ведущих торговцев и предпринимателей страны) до сотрудников современной Ярославской областной нотариальной палаты. «Ограничивайся законом», – гласит одна из заповедей нотариуса.

¹ Ермолин Е. А. Ярославец как культурный тип (опыт реконструкции культурного мифа) // Ярославская старина. 1997. Вып. 4. С. 24, 28.

² Борисова Е. В 200 километрах от Шереметьево // Эксперт. 2004. № 5. С. 25.

«Помни, что твоя миссия в том, чтобы не было споров между людьми», – говорит другая. Именно люди, исповедующие подобные принципы, и оказались наиболее востребованными на Ярославской земле, когда в XVII в. началось становление российского нотариата. Наш край к тому времени на собственном опыте пережил и беззаконие (чего стоила одна только опричнина Ивана Грозного, обернувшаяся массовыми репрессиями против ярославских и ростовских «именитых людей»), и «прелести» обособленности и внутренней вражды (пожалуй, не было на Руси второго региона, расколовшегося бы во время феодальной раздробленности на столь огромное количество уделов).

Помимо этого, история ярославского нотариата – это ещё и одно из «белых пятен» в региональной истории Ярославской земли. Краеведческая школа сложилась здесь к концу XIX в. и не успела заняться историей регулирования в крае имущественных отношений между людьми. В советской же России опыт нотариусов предыдущей эпохи был «образцово-показательно» отвергнут, а весь период 1917–1991 гг. стал одним большим экспериментом над нотариальной деятельностью, из которой пытались изъять её сущность – организацию защиты права частной собственности.

В данной монографии предпринята, пожалуй, первая попытка целостного освещения истории ярославского нотариата от его возникновения до наших дней. Книга рассказывает об истории нотариальных институтов Ярославского края от их возникновения до самораспада СССР в 1991 г. Кроме того, нам показалось необходимым предварить рассказ об истории ярославского нотариата кратким очерком о возникновении этого правоохранительного института как такового: для того, чтобы у читателя сложилась более чёткая и ясная картина местной нотариальной истории – неотъемлемой части истории не только российского, но и мирового нотариата и производной от неё.

ИЗ МРАЧНОЙ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ»

Возникновение нотариальных отношений

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определяет нотариат как «правовой институт, носители которого – нотариусы – уполномочены государством совершать и свидетельствовать юридические акты, придавая тем значение актов публичных»³.

Точного ответа на вопрос, когда «вообще» появился нотариат, нет, и вряд ли стоит ожидать, что однажды такой ответ будет дан. «Появление института нотариа-



К. Массейс. Портрет нотариуса. Начало XVI в.

³ Нотариат // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – П/том 41. С. 390.

та связывают с появлением частной собственности и необходимостью её защиты. Поскольку государство стало основываться не на устоях семейного или родственного союза, встал закономерный вопрос о новых путях разрешения споров между отдельными личностями, не прибегая к силе. Подобный процесс привёл к возникновению так называемых правоохранительных органов, частью которых и является институт нотариата»⁴.

Государство («организация оседлого населения, занимающего определённую территорию и подчиняющегося одной и той же власти»⁵) возникает у различных народов в разное время «неизбежно, на известной степени развития»⁶. Но и его создание ещё не означает «автоматического» возникновения нотариата, поскольку для функционирования этого правоохранительного института необходимы как минимум два условия.

1. Наличие развитой *системы* правоохранительных органов, в которой нотариат как особый правовой институт («осуществляющий от имени государства защиту прав и интересов участников имущественного оборота и выполняющий тем самым правоохранительные функции в гражданском обороте, что способствует сокращению конфликтных ситуаций и уменьшению количества обращений в судебные органы»⁷) мог бы занять своё особенное место.

2. Наличие письменности, т. е. нотариат предполагает работу с документами, т. е. с текстовыми материалами.

* * *

Впервые подобное сочетание условий зафиксировано в Конституции римского императора Константина, датируемой 316 годом н. э. Там говорится о «табеллионах» – не состоящих на государственной службе, но контролируемых государством лицах, осуществляющих за вознаграждение составление юридических актов разного рода. Все эти акты объединяло то, что они касались гражданского делопроизводства: это были проекты сделок купли-продажи, прошений в суды, разбиравшие имущественные споры, актов дарения, завещаний и т. п. документов. Черновики этих бумаг табеллионы записывали, используя стенографию, т. е. не собственно словами, а знаками, пометками; по-латыни такая пометка называлась *nota*. Поэтому с течением времени термин «табеллион» уступил место более краткому «нотариус»⁸.

Характерно требование, предъявлявшееся к табеллиону: это должен был быть человек лично свободный (т. е. полноправный гражданин, а не вольноотпущенник или раб), не состоявший на службе не только у государства, но и у каких-либо

⁴ Ахrameева О. В., Звонок С. О. Гражданско-правовые и нравственно-религиозные аспекты исторического становления и развития нотариата как института государства и права (www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2214_23.aspx).

⁵ Государство // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1893. – П/том 17. С. 419.

⁶ Власть // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1892. – П/том 12. С. 673.

⁷ Олейнова А. Г. История становления законодательства о нотариате в России: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. С. 11.

⁸ Шаповалова Л. Л. Становление и развитие института нотариата в России (историко-правовой аспект): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2000. – С. 12.

частных лиц⁹. Ведение табеллионами дел могло осуществляться только в специальных помещениях – конторах, а для придания документам, составляемым ими, характера публичных актов эти бумаги надлежало вносить в судебный протокол, т. е. официально регистрировать в органах государственной власти. В известной мере эта традиция сохранится и в дальнейшем: например, в России конца XIX в. обязательной будет регистрация нотариальных актов у «старшего нотариуса» – чиновника окружного суда.



Император Константин Великий. Фрагмент византийской мозаики

Однако вести историю нотариата с 316 г. было бы некорректно: Конституция Константина лишь закрепила достижения предыдущих эпох, пренебрегать которыми не решился бы ни один серьезный исследователь. Поэтому историки права

⁹ История нотариата (www.notariat.ru/section28834).

обычно говорят о периоде, предшествующем возникновению нотариата латинского типа – эпохе *протонотариата*. В том же Древнем Риме ещё в период республики (509–45 гг. до н. э.)¹⁰ существовали особые чиновники при магистратах (этим термином тогда обозначались не государственные учреждения, а избираемые народными собраниями сроком на год должностные лица) – писцы, регистрировавшие решения управленцев, делавшие выписки и копии с этих решений, готовившие черновики декретов и распоряжений для своего руководителя. Они назывались *scribae* и назначались магистратом на свои должности пожизненно. Важно отметить требование, предъявлявшееся к государственному писцу: для поступления на должность требовалось подтверждение того, что кандидат не лишён гражданской чести¹¹ (в Риме существовало такое наказание).

Здесь нужно отметить особенности деятельности тогдашних управленцев, из которой чуть позже вырос институт нотариата. Высшим магистратам (диктатору, консулам и преторам) принадлежала военная, судебная и в известной мере законодательная (исключительное право созывать народные собрания, председательствовать в них и прерывать и (или) переносить их на другой день) власть – *imperium*. Остальным магистратам принадлежала так называемая общая власть – *potestas*: они имели право решать частные вопросы разного рода, отдавать по ним распоряжения и наказывать за неисполнение этих распоряжений наложением на виновного денежного штрафа. Так постепенно сложилось представление о *гражданском* праве, отличном от военного, уголовного и др. Состоявшие при магистратах писцы *scribae* в основном оформляли решения именно по вопросам гражданского права.

Очень рано возникла и классификация самих гражданских прав; более того: римский гражданский иск мог подаваться только с целью возмещения ущерба, причинённого нарушением какого-либо одного права. В случае, например, если один римлянин наносил другому имущественный ущерб с одновременным оскорблением на словах, то потерпевший должен был подавать в суд два иска: один о взыскании причинённого материального вреда, а второй, отдельный – о компенсации морального ущерба, нанесённого оскорблениями. Создание подобной классификации прав также способствовало выделению «в отдельное производство» нотариальных актов.

Ещё до конца республиканского периода истории Древнего Рима трудами выдающихся юристов были созданы основы современного имущественного права. Вошли в обиход и стали типовыми такие документы, как контракт, поручительство по долгам, наём личный и имущественный, поручение (доверенность). Создаются торговые товарищества; появляется понятие неустойки; в семейном праве регулируется порядок владения имуществом после развода и возникает юридически закреплённый институт приданого.

Тогда же возникает и институт частных писцов – *exscriptores et notarii*¹². Как правило, это были грамотные рабы или вольноотпущенники, работавшие секретарями у своего хозяина (по выходе на волю – нанимателя). Фактически, они исполняли те

¹⁰ Подробнее см.: Рим // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1899. – П/том 52. С. 734–798.

¹¹ История нотариата (www.notariat.ru/section28834).

¹² Там же.

же функции при своём владельце (работодателе), что и *scribae* при магистрате. Существуют известные основания считать, что создание профессиональной прослойки *exscriptores et notarii* послужило одним из шагов на пути создания современного – негосударственного – нотариата.

* * *

Однако и римляне не были первопроходцами в нотариальном деле. Их цивилизация в известной мере базировалась на принципах и ценностях эллинизма (который, в свою очередь, сам явился синтезом древнегреческой культуры с культурами Древнего Востока), многие достижения которого были взяты уже «в готовом виде». В интересующем нас аспекте это прежде всего касается традиций делопроизводства и правил работы писца.

Профессия делопроизводителя, регистратора законодательных актов и правовых решений считалась наиболее почётной и уважаемой из всех возможных. Древнеегипетский писец Хети, автор знаменитого «Поучения своему сыну», в своём сочинении последовательно сравнивает свою профессию со всеми другими (каменщика, садовника, пахаря, ткача, оружейника, сапожника и др.) и приходит к выводу, что «нет ничего выше письма». «Что касается писца, который имеет какую-либо должность – то не будет в ней бедным»; «Нет профессии без руководителя, кроме профессии писца, ибо он сам руководитель», – поучал Хети своего сына, отданного в школу. Главное, на что указывал чиновник, – писец является представителем власти, от чего и получает основные блага: «Нет писца, который не имел бы продовольствия и вещей из дома царёва»¹³.

Аналогичным было отношение к профессии делопроизводителя и в других древних цивилизациях. Сохранилось, например, шумерское наставление для учеников школ, написанное стихами:

*Мудрые люди, что средь нас живут,
С тех пор как Энки¹⁴ всему название дал,
Столь искусной работы, как дело писца, что я избрал,
Не могут назвать!*

Тут же будущих делопроизводителей предупреждали в иносказательной форме и о высокой ответственности за их работу, которую необходимо делать тщательно и всегда доводить до конца:

*Коль не умеешь петь
До середины песни, как до морского берега,
Не добредёшь! Так и дело писца!*¹⁵

О том, что власть, даваемая делопроизводителю, прежде всего является его ответственностью, говорят нам афоризмы писца Ахикара, приближённого ассирийского царя. Созданные на рубеже VIII–VII вв. до н. э., они в известной мере трансформировались в принципы современного нотариата.

¹³ Поучение Хети, сына Дуафа, своему сыну Пепи. (www.riafiana.narod.ru/heti.html).

¹⁴ Верховное божество шумерского пантеона.

¹⁵ Шумерская литература. (www.sveta-artemenkova.narod.ru/kurs/page_17.html).

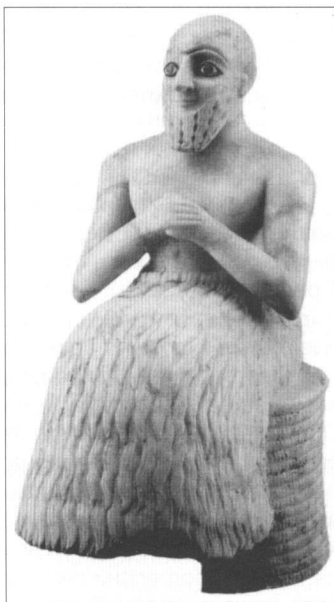
Так, Ахикар предостерегает делопроизводителя от фиксации в документах непроверенных «фактов», основанных на лжи: «Я поднимал железо и свинец, но не нашёл ничего тяжелее хулы и клеветы»; «Если доведётся тебе услышать дурное слово – закопай его в землю на глубину в семь локтей». Писцу порой доверяют самое сокровенное, поэтому умудрённый опытом придворный чиновник наставлял своих учеников: «Если услышишь слово секретное – пусть в твоей душе оно и умрёт. Никому не открывай того секрета, дабы он не стал пылающим углём во рту твоём, не обжёт языка твоего, не причинил страданий душе твоей и не заставил поступить тебя против Бога». «Чи одевания великолепны, того и слова весомы, но кто бедно одет, словам того не придают значения», – в этом иносказании делопроизводитель ассирийского царя указывал писцам на необходимость строго соблюдать принципы чести и личного достоинства в работе. Вольно или невольно, Ахикар даже обозначил одно из коренных отличий нотариата от суда, предупреждая последователей: «Спеши бежать из того места, где спорят»¹⁶.

В наши дни подобные идеи (в несколько изменённом виде) стали заповедями нотариата и вошли в афоризмы о нём: «Воздержись, даже если малейшее сомнение делает неясными твои действия»; «Работай с достоинством»; «Миссия нотариуса – предотвращать споры» и т. д.

* * *

Развитие нотариата шло рука об руку с общим развитием цивилизации и в известной мере способствовало росту культуры человечества. Создание точного календаря, науки о землемерии и т. п. открытия вызывались в первую очередь насущными потребностями людей: нужно было точно фиксировать сроки возврата долгов и ссуд, границы и площадь земельных участков и т. д. А подтверждением факта наличия/отсутствия задолженности, права на владение земельным участком и пр. служили письменные правоустанавливающие документы. Поэтому неудивительно, что, например, в Египте именно писцы выступали в качестве математиков и землемеров, а учебный курс писцовых школ включал арифметику и геометрию; необученный этим наукам делопроизводитель высмеивается в древнеегипетской литературе.

В той же стране было положено начало культуре делового общения. Один из важнейших элементов деловой переписки – уважительное обращение к адресату – также зафиксирован в папирусах. Вот пример первых строк одного из таких актов: «Писец Паухем приветствует своего господина, писца Инхеррех – да будешь ты жив, благополучен, здоров! Ещё приветствие моему господину!». Изложив суть во-



Чиновник. Шумерская статуэтка. XXV в. до н. э.

¹⁶ Поучения писца Ахикара. (www.rosdom.ru/filo/?cat=79).

проса, в конце Паухем пишет: «Послано это, чтобы известить моего господина»¹⁷. Хотя фактически речь идёт о переписке двух чиновников равного ранга, являющихся лично свободными людьми.

Государства высокой правовой культуры были наиболее успешны в Античном мире и лучше переносили кризисы. Самым ярким примером является Финикия. Эта держава возникла ещё в IV тысячелетии до н. э. и долгое время занималась преимущественно морской торговлей. Однако в I тыс. до н. э. это относительно небольшое и слабое в отношении обороны государство последовательно завоёвывали великие военные державы: сначала Ассирия, затем Вавилон и Персия. Морская торговля пришла в упадок, «требовалось найти новую сферу деятельности, в которой финикийцы пока ещё не имели соперников. Ею стали обмен денег и кредит. Тир и Сидон»¹⁸ превратились в важнейшие финансовые центры Древнего мира».



Финикийцы ведут приморскую торговлю. Рисунок XIX века

¹⁷ Древний Восток / Под ред. акад. В. В. Струве. – М., 1953. С. 54.

¹⁸ Крупнейшие города Финикии.

В составе Персидской державы «финикийцы смогли изучить традиции банковского дела. Они предоставляли купцам кредиты для отдельных коммерческих сделок, принимали и выдавали вклады и проводили безналичные расчёты между вкладчиками». Такие операции тщательно фиксировались в актовых материалах, финикийские дельцы использовали даже специфические банковские документы – «кожаные чеки, на которых была вытиснена печать того или иного банка». Надёжное закрепление финансовых операций в письменном виде порождало высокое доверие к финикийским банкам и позволило впервые в истории человечества придать банковскому делу международный характер¹⁹.

* * *

Таким образом, мы видим, что нотариат возник в ходе естественной эволюции и совершенствования правовой культуры античных цивилизаций. Обладание этой культурой в конечном итоге выводило державу в мировые лидеры, т. к. давало ей внутреннюю стабильность и достойную репутацию за границей. «Нотариат удовлетворяет потребность людей в надёжном закреплении прав, в стабильности и предсказуемости имущественных отношений»²⁰, – резюмируется в наши дни. Однако необходимость в такой стабильности и предсказуемости была осознана ещё в период т. н. протонотариата – без которого, однако, невозможно представить историю современных, развитых нотариальных отношений.

¹⁹ Деньги мира. – М., 2007. С. 34–35.

²⁰ История нотариата. (www.notariat.ru/section28834).

«ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ»

Протонотариат Древней Руси

Для возникновения нотариальных отношений, как мы уже установили, были необходимы два условия:

1. Наличие государства (главным образом в смысле наличия единого управленческого аппарата и системы законов).

2. Наличие письменности.

Если о дате и о способе возникновения Русского государства по сей день не утихают споры, то о возникновении славянской грамоты можно говорить весьма определённо. Её создателями считаются братья Кирилл и Мефодий, по определению энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, «святые равноапостольные просветители славян». Труды по созданию языка, в наши дни именуемого старославянским, были начаты братьями в 862 г., а после смерти Кирилла (869 г.) Мефодий и его ученики активно распространяли новую письменность²¹.

Деятельность этих просветителей носила в основном религиозный характер (Кирилл и Мефодий переводили на новый язык с латыни христианскую литературу), однако преимущества обладания письменностью весьма быстро были усвоены славянами, а сама письменность была приспособлена ими для повседневных нужд. А. Е. Пресняков, один из крупнейших специалистов по вопросам древнерусского права, отмечает, что в чешских землях (где и начали в 862 г. свои труды братья-просветители) быстро сложилась традиция письменного оформления важнейших имущественных сделок.

«Исходным пунктом истории гражданского права славянских народов надо признать семейное право задружного типа», — отмечал учёный и разъяснял суть такого права: древние славяне жили большими семьями или родами, по несколько поколений в роду. Всё имущество находилось в совместном владении членов семьи-«задружи», в частности, «отец, живущий в общине со взрослыми сыновьями, не имеет права располагать семейным имуществом без согласия сыновей, и это не только по отношению к распоряжению при жизни, но и по отношению к распоряжению на случай смерти, так что и завещания отец не может сделать без согласия сыновей. ...Отец семьи в имущественном отношении только старейшина семейной общины и может как старейшина быть заменён одним из своих сыновей, если по какой-либо причине не способен исполнять должность старейшины»²².

Такое положение вещей (в наши дни известное как принцип «колхозного двора») далеко не всегда устраивало повзрослевших и женившихся сыновей старей-

²¹ Кирилл и Мефодий // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1895. — П/том 29. С. 116–118.

²² Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. — М., 1993. С. 12–13.



Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий. Икона

шины, которые имели право выхода из общины и получения при этом определённой части совместно нажитого имущества. С возникновением славянской письменности очень быстро возникла и традиция фиксировать столь важное имущественное решение документально: «Для законности сделки на отчуждение требовалось письменное согласие всех братьев, кто „владеет нераздельно“, без представительства старейшины за других»²³.

По сути, так возник древнерусский протонотариат; произошло это не позднее середины X века.

Любопытно отметить и то, что возникновение письменно зафиксированных правовых отношений стало мощнейшим толчком к развитию права как такового. А. Е. Пресняков отмечает, что «полный раздел (имущества при выходе одного из сыновей из общины отца. – А. К.) представляет значительный интерес. Характерно, прежде всего, довольно большое разнообразие условий, на каких он происходит». Так, очень быстро возникли представления о наследственном (доставшемся от умершего предшественника) и совместно нажитом (полученном при собственной жизни) имуществе, которое делилось по-разному; о вознаграждении старейшине за управление общим хозяйством (при разделе он получал больше,

²³ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. – М., 1993. С. 18.

чем прочие члены распадающейся семьи-общины), и т. д.²⁴. Постепенно развивались институт завещания (первоначально не предусмотренный, т. к. наличие завещательного права предполагало и возможность передачи имущества лицам, не связанным с данным родом узами крови) и имущественное право женщин.

Ну и, конечно же, правовые отношения, зафиксированные письменно, очень быстро распространились на межгосударственные контакты. Первым известным нам русским международным соглашением, оформленным «на бумаге», стал договор князя Олега с Византией (около 911–912 гг.). Любопытно, что подписание этого документа предшествовала долгая и тщательная подготовка – договор стал итогом успешного завоевательного похода Олега на Византию, предпринятого ещё в 907 г. В итоге получился многостатейный документ, регулировавший самые разнообразные аспекты взаимоотношений Руси и Византии, в т. ч. и многие частноправовые вопросы, позже полностью перешедшие в компетенцию нотариата. Например, оговаривалось, что виновный в убийстве (которое в те времена каралось значительным денежным штрафом) отвечает не всем своим имуществом, а только тем, что останется «за выделом из него части, следующей, по закону, жене»²⁵.

«В X веке, при Владимире Святom (княжил с 969 г. в Новгороде, а с 980 г. до смерти в 1015 г. – в Киеве. – А. К.), упоминается уже о ворах и денежном откупе за убийство. Эти первые законы Руси стали предвестниками будущего российского нотариата»²⁶.

При Ярославе Мудром начинает создаваться первый свод русских законов – «Русская Правда». Первые 17 статей этого кодекса были обнародованы в 1016 г., в дальнейшем «Русская Правда» постоянно дополнялась новыми положениями. В итоге был создан фундаментальный свод законов, включивший в себя целый ряд более мелких и частных кодексов: «Закон Русский», «Правда Ярослава», «Правда Ярославичей», «Устав Владимира Мономаха». Для изучения истории российского нотариата наиболее интересна т. н. «Пространная Правда» – наиболее систематизированный кодекс. Его составитель, опираясь на «Правду Ярослава» и дополнявшие этот документ частные узаконения Ярославичей (князей Изяслава, Всеволода и Святослава), составил единый свод правовых норм; «все казуистические нормы здесь обобщены, сходные сгруппированы в одну и т. д.»²⁷.

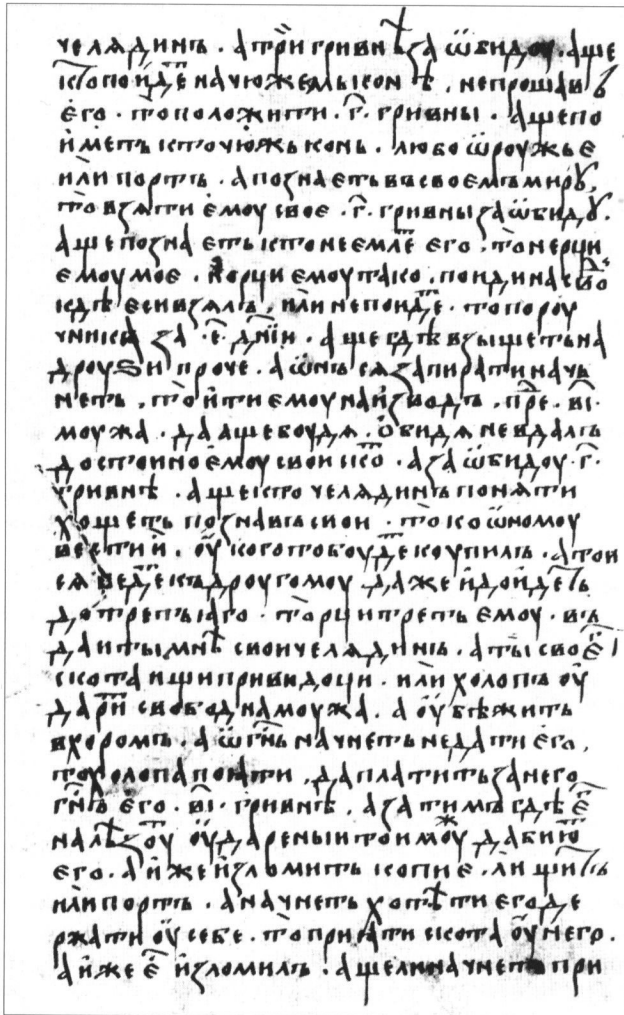
«Пространная Правда» наглядно демонстрирует нам, что Киевская Русь по уровню развития гражданского права входила в число передовых европейских государств того времени. Так, 20 статей этого кодекса (ст. 90–109) регулируют наследственное право. Киевская Русь знала обе формы наследования – и по завещанию, и по закону; наследниками по закону, как и в наши дни, становились близкие родственники – сначала только дети, а чуть позднее – также жена и братья наследодателя. Существовала раздельная собственность супругов; собственность несовершеннолетних, за сохранность и сбережение которой опекуны отвечали собственным имуществом; право владения и свободного распоряжения частной собственностью закреплялось за женщинами, а в отдельных случаях женщина

²⁴ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. – М., 1993. С. 19.

²⁵ Олег // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – П/том 42. С. 855–856.

²⁶ История нотариата. (<http://www.notariat.ru/section28834>).

²⁷ Русская Правда // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1899. – П/том 53. С. 308.



Фрагмент новгородского списка «Русской Правды». XV в.

даже оказывалась в привилегированном положении по сравнению с мужчиной (так, сыновья смерда не имели права наследовать имущество отца, а дочерям в обязательном порядке доставалась доля на приданое)²⁸.

А вот сама процедура оформления права и в целом отправления правосудия ещё не была урегулирована: из 108-й ст. «Пространной Правды» следует, что решением имущественных споров занимался княжеский суд, но только в тех случаях,

²⁸ См.: Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. д-р ист. н., проф. В. Л. Янин. – М., 1984. С. 114–122.

если спорщики решат идти именно туда. Правоведы полагают, что ряд вопросов, относившихся к оформлению имущества и тяжбам по нему, решали церковные суды или даже отдельные священники²⁹.

По мнению ряда правоведов, первым упоминанием о нотариате на Руси следует считать Псковскую судную грамоту (1467 г.), одним из ключевых положений которой было: при принятии судебного решения предпочтение должно отдаваться доказательствам, представленным в письменной форме, устные же свидетельства менее значимы. В 14-й статье Грамоты излагались требования к правильному оформлению завещания: этот документ нужно было не только составить письменно, но и отправить на хранение в архив Кремля (княжеского дворца). Ст. 50 указывала, что составлять завещание, а также фиксировать иные имущественные права, составлять договоры купли-продажи имущества и т. п. акты должен был только княжеский писец. Удостоверять дарственные и завещания могли также и священники, но правоустанавливающим документом любой акт становился только после наложения на него княжеской печати³⁰.

К писцам предъявлялись строгие профессиональные требования – так, княжеские чиновники должны были даже уметь сличать почерк, чтобы устанавливать истинные и подложные документы. Такой случай имел место, например, в 1508 г.: дальние родственники князя Фёдора Кемского купили у него несколько деревень, но князь вскоре умер, а его вдова отказалась отдать покупателям их собственность под предлогом того, что купчая поддельная. Те обратились в суд, который затребовал «деловую грамоту» и «запись», собственноручно написанные покойным князем Фёдором, и сличил их с купчей, представленной истцами. В суде документы были предъявлены дьякам великого князя, «и диаки, смотрев, сказали, что та купчая и деловая и запись все трое рука одна» – т. е. подтвердили подлинность документа³¹.

Впрочем, подобные аферы были исключением, а не правилом. В период феодальной раздробленности на Руси те князья, которые задумывались не только о себе, но и о своих потомках, с большим уважением относились к письменному договору. Ярким примером этого может служить политика основателя первой династии ярославских князей, сына Всеволода Большое Гнездо, князя Константина Всеволодовича.

Получив по смерти отца во владение Ростов, Ярославль и Углич, князь Константин не успокоился и начал борьбу за великое Владимирское княжение со своим братом Юрием (Георгием) и даже одержал победу. Однако здоровье князя резко ухудшилось, а сыновья были ещё младенцами – Константин понимал, что после его смерти они не смогут удержать его владений. И тогда князь принял парадоксальное, на первый взгляд, решение – он вызвал к себе свергнутого им с великокняжеского престола брата Юрия и «урядился с ним на том: по моём животе Владимир тебе, а ныне пойдя в Суздаль», т. е. гарантировал брату возврат великого княжения сразу же после своей смерти. В обмен Константин выдвинул условие, что новый великий князь не тронет его удела. И действительно, после кончины Константина 6 февраля 1218 г. Юрий вновь вокняжился во Владимире, не тронув ростовских земель (удела, выделенного Константину Всеволодом Большое Гнездо).

²⁹ См.: Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. д-р ист. н., проф. В. Л. Янин. – М., 1984. С. 121–122.

³⁰ Возникновение и история нотариата. (<http://www.moslaws.ru/articles/detail/26/>).

³¹ Белкин Р. Приметы почерка // Родина. Российский исторический журнал. 1998. № 9. С. 61.

до) и оставив их наследникам покойного брата³². Во многом благодаря этой сделке и появилось самостоятельное Ярославское княжество (1218 г.) с собственной правящей династией.

Ярославские князья с большим уважением относились к воле умерших предков и почти всегда строго выполняли их «духовные» (завещания). Так, после смерти Константина Всеволодовича абсолютно мирно и в полном соответствии с волей покойного произошло отделение от Ростовского княжества (которое получил старший сын Константина – Василько) Ярославского и Угличского княжеств, доставшихся, соответственно, среднему и младшему сыновьям покойного. В дальнейшем произошло ещё большее дробление: к 1238 г. бывшая Ростовская земля оказалась поделенной между Константиновичами уже на 5 княжеств (Ростовское, Ярославское, Угличское, Переяславское и Белозерское)³³. К началу



Бегство великого князя Георгия после славной Липецкой битвы 1216 г. Литография 1836 г.

³² Козлов С. А., Анкудинова А. М., Иерусалимский Ю. Ю. Ярославская земля в древности. – Ярославль, 2001. С. 61–62.

³³ История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века / А. М. Пономарёв, В. М. Марасанова, В. П. Федюк и др.; отв. ред. А. М. Селиванов. – Ярославль, 2000. С. 31–32.



*Ярославские святые благоверные князя Фёдор, Давид
и Константин. Икона XVI в.*

XV в. на Ярославской земле существовало уже несколько десятков «княжеств», микроскопических по своей территории. Так, например, в 1408 г. после смерти одного из ростовских «княжат» (примечателен уже сам этот термин, фигурирующий в источниках для обозначения владельцев таких «княжеств») его сыновья провели очередное размежевание, в результате которого возникло Прозоровское удельное княжество, «центром» которого стало село Прозорово³⁴.

Не менее широкое распространение, чем завещания и иные акты, фиксировавшие, в современных терминах, «гражданское состояние» «княжат», получили в Ярославском крае и торговые документы разного рода. Уже к концу XIII в. Яро-

³⁴ Гордиться своим селом // Заря коммунизма (Брейтово, Ярославская обл.). 1983. 14 июля. С. 1.

славль вполне оправился от последствий татаро-монгольского нашествия и ряда карательных экспедиций ордынцев. Это стало возможным благодаря утверждению на престоле Ярославского княжества основателя второй династии Ярославских князей Фёдора Ростиславовича Чёрного. Удачная женитьба этого князя на дочери хана Ногая принесла Ярославской земле несколько десятилетий покоя и успешного восстановления после татарских погромов прежних лет. Как писал церковный историк митрополит Иоанн (Вендланд), «во всё время правления Фёдора княжество благоденствовало. На его территории не велись феодальные войны, сюда не заходили грабительские татарские рати. Так же спокойно чувствовало себя соседнее княжество Ростова Великого. ...Главнейшими добродетелями князя в мирные времена правления считались в Древней Руси правосудие, благотворительность, благочестие. Этими качествами Фёдор отличался в полной мере»³⁵. (Не позднее 1501 г. благодарные ярославцы объявили Фёдора «святим благоверным князем», а его останки и останки его сыновей Давида и Константина почитались ими как чудотворные мощи.)³⁶

С середины XIV в. начинается стабильный экономический рост на Ярославской земле; в Ростове было налажено, в современных терминах, высокотехнологичное колокольное производство, одной из крупнейших на Руси была Ростовская ярмарка; город чеканил собственную монету (что примечательно – по стандартам московской)³⁷. Не отставали в развитии и вновь образовывавшиеся удельные княжества – так, всего несколько десятилетий понадобилось созданному в 1321 г. Мологскому княжеству, чтобы стать мощным центром ярмарочной торговли, имевшим общерусское значение, одним из крупнейших пунктов международной торговли Древней Руси³⁸.

Весьма точные описания процесса оформления сделок разного рода донесли до нас новгородские документы XIV–XVI вв.

В Новгородской феодальной республике «защищалось право обладать недвижимостью, присутствовала практика покупки имущества у государства через мытника (чиновника), совершение сделки при свидетелях, что гарантировало защиту от посягательства других лиц. В то время устанавливался запрет на совершение сделок с несовершеннолетними и недееспособными»³⁹. Документы разного рода удостоверяли особые писцы – площадные подьячие. Нотариальные действия совершались публично в самом прямом смысле этого слова: местом создания и удостоверения документов было «Иваново сто» – площадь общины богатейших новгородских купцов («купеческой сотни») близ храма св. Иоанна на Петрятином дворе; тут же хранился «нотариальный архив» – ларь с записями купеческих сделок.

Договорные грамоты составлялись от имени должника (покупателя, который обязывался расплатиться за получаемый товар, или кредитополучателя, который брал обязанность вернуть взятую ссуду). Обязательным при совершении сделки

³⁵ Иоанн, митр. (Вендланд К. Н.). Князь Фёдор: Исторический очерк. – Ярославль, 1990. С. 29.

³⁶ Масленицын С. И. Ярославская иконопись. – М., 1983. С. 29.

³⁷ См.: Фёдоров-Давыдов Г. А. Об изображениях на некоторых ростовских монетах конца XIV – начала XV вв. // Древняя Русь и славяне. – М., 1978. С. 420–424.

³⁸ Нестеров Ю. Молога – память и боль. – Ярославль, 1991. С. 7–8.

³⁹ Ахrameева О. В., Звонок С. О. Гражданско-правовые и нравственно-религиозные аспекты исторического становления и развития нотариата как института государства и права. (http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2214_23.aspx).

было участие «послухов» (свидетелей) или «сторонних людей», под которыми понимались лица, не состоявшие с участниками договора в родстве и не подчинённые им по роду деятельности или службы. Весь текст договора, с самыми мелкими подробностями, зачитывался вслух и только потом подписывался контрагентами. В грамоте указывалось имя писца, повышая тем самым статус и бесспорность сделки. Показателем согласия сторон было приложение ими своих печатей к грамоте; если стороны не имели печати, то она скреплялась печатями послухов или людей сторонних. В тексте отмечалось, что обе стороны или одна из них «стояла у печати». Причём продавец «стоял у печати» всегда, в отличие от покупателя, являясь, таким образом, важнейшим символическим подтверждением согласия на утрату собственности⁴⁰.



А. Янов. Монастырский привратник. Гравюра на дереве

Продажа земли завершалась ещё одной церемонией, своеобразным вводом во владение – «заводом» земли, когда продавец и покупатель обходили участок. Уже в первой половине XV в. в Новгородской республике мы встречаем в качестве обязательного элемента сделки с недвижимостью, помимо её совершения на Ивановой площади специальным площадным дьяком, ещё и административную регистрацию. Например, купчая Никольского и Островского монастырей и Назара

⁴⁰ Ахмеева О. В., Звонок С. О. Гражданско-правовые и нравственно-религиозные аспекты исторического становления и развития нотариата как института государства и права. (http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2214_23.aspx).

Васильева на двор с хоромами и огородом констатирует, что сделка совершена «доложа старейших людей и старост уличких»⁴¹. Кроме того, как отмечают исследователи, государственная регистрация сделок республиканской администрацией говорит о раннем возникновении в Новгороде особого правового положения недвижимой собственности, в отличие от Московской Руси, в которой подобное встречается только с XVI–XVII в.⁴²

Не менее тщательно на Руси подходили и к юридической стороне обустройства личной жизни. Бракосочетание в эпоху Русского Средневековья уже значительно более напоминало сделку, чем семейный союз любящих, «заключаемый на небесах». Решающее значение имела родительская воля, а молодые зачастую даже не видели друг друга до окончания брачной церемонии. Свататься приезжали старшие родственники жениха, а принимал их отец невесты, отчим, дядя или иной старший родственник, заменявший отца. Главным предметом переговоров при сватовстве являлось приданое; если соглашение на этот счёт достигалось удачно, то устраивали смотрины невесты; если и они проходили успешно, то по их итогам оформлялся «сговор» или «сговорная запись» – брачный контракт. В нём точно определялись сроки свадьбы, неустойка в случае нарушения договора, размеры приданого невесты и имущества жениха – что было необходимой мерой на случай развода (который мог состояться, например, ввиду бесплодия жены)⁴³. («Демократизация» брака произошла только в годы правления Петра Великого: в 1702 г. он специальным указом запретил составление «сговорных записей», заменив их процедурой обручения (помолвки), совершавшейся за 6 недель до свадьбы; помолвка могла быть аннулирована, если жених или невеста не хотели вступать в брак. Обязательным стало личное знакомство молодых до свадьбы, а с 1722 г. родители и опекуны молодых были обязаны давать письменную клятву, что «не неволей женят своих детей».)⁴⁴

⁴¹ Мартышин О. В. Великий Новгород: общественно-политический строй и право феодальной республики. – М., 1992. С. 312–314.

⁴² Ахrameева О. В., Звонок С. О. Указ. соч.

⁴³ Семёнова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. – Л., 1982. С. 15.

⁴⁴ Там же. С. 21, 25.

«СЮ ГРАМОТУ ПОДПИСАТИ НА ЦАРЁВО ИМЯ»

Протонотариат Московского государства

Татаро-монгольское нашествие на много десятилетий остановило правовое, экономическое и государственное развитие Руси, а также оказало сильнейшее влияние на культуру (в т. ч. и правовую) русского народа.

В XIII в. по сути произошёл раскол русских земель на Западную (с центром в Новгороде) и Восточную Русь; первая продолжала идти по европейскому пути развития, а вторая, пережив глубочайший экономический, демографический и политический кризис, попала под сильное ордынское влияние. Однако именно здесь началось «собрание русских земель» вокруг Московского княжества, управленческие традиции которого распространялись на все присоединяемые к нему территории.

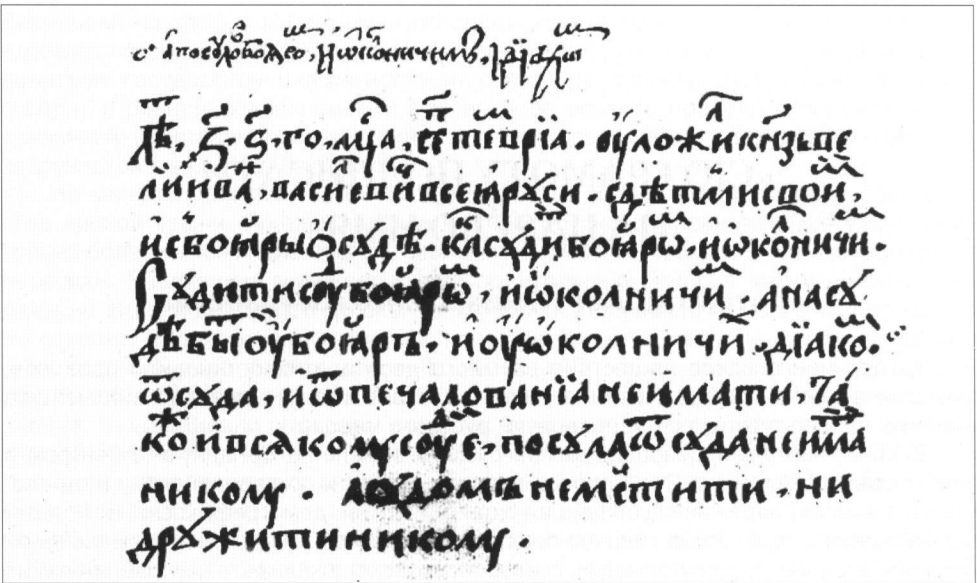
Было бы некорректно противопоставлять правовую культуру Москвы и Новгорода, «демократические» традиции которого на поверку оказываются властью группы олигархов – знатнейших и богатейших бояр, передававших свои статус и влияние по наследству. Однако следует признать, что в своём правовом развитии Москва минимум на полвека отставала от Новгорода (пример с особенностями регистрации недвижимости и отношения к ней мы уже рассматривали выше). Так, первый акт, регулирующий нотариальные функции, был создан в Московском государстве только в 1497 г. – это была т. н. Белозерская таможенная грамота, в 9-й статье которой оговаривался состав органов, исполнявших юридические обязанности. Например, при покупке лошади обязательно должен был присутствовать чиновник, удостоверявший договор купли-продажи и бравший за это особую денежную плату⁴⁵.

В том же году был принят «Судебник» Ивана III, где впервые была установлена обязательность заключения письменного соглашения при совершении сделок, однако этот «первый опыт московского законодательства нельзя назвать удачным: «Судебник» очень краток и беден содержанием даже по сравнению с «Русской Правдой», не говоря уж о «Псковской судной грамоте». Его содержание почти исключительно процессуальное: наметить основные начала отправления правосудия и поставить их под контроль центральной власти – вот главнейшая цель законодателя»⁴⁶.

Кроме того, в 1525–1553 гг. на Руси происходила т. н. «Большая феодальная война» за московский престол; положение наследников трона было шатким, зато чрезмерно усилились боярские группировки. В этих условиях произошёл факти-

⁴⁵ Возникновение и история нотариата. (<http://www.moslaws.ru/articles/detail/26/>).

⁴⁶ Судебники 1497 и 1550 гг. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1901. – П/том 62. С. 915.



Заглавный лист «Судебника» Ивана III 1497 г.

ческий отказ от какого бы то ни было письменного закона, вместо которого вернулось «право сильного», заимствованное из Орды.

Яркие «образцы» применения этого «права» наблюдались на Ярославской земле ещё в XIV в. Так, на рубеже 20–30-х гг. XIV в. Московский князь Иван Калита получил в Орде особый ярлык на управление Угличским княжеством. Угличане были втянуты в войну Москвы с Тверью; после победы москвичей Углич как бы «сам собой» стал владением Дмитрия Донского – победителя в междоусобице⁴⁷.

В 1463 г. в состав Московского княжества вошло Ярославское; правовые особенности этого объединения весьма ехидно описывает «Ермолинская летопись». Прибывший для управления новой территорией московский наместник Иван Агафонович Сущев иронически назван в ней «чудотворцем»: «У кого село добро – он отнял, а у кого деревня добра – он отнял да записал на великого князя, а кто будет сам добр – он его самого записал, а иных его чудес множество не можно ни исписать, ни счесть»⁴⁸. (Впрочем, ярославский князь вёл себя не лучше: «Князь Александр Брюхатый продал Ярославль московскому князю», – сообщает путеводитель начала XX века⁴⁹. Эта формулировка кажется очень примечательной.)

Когда к середине XVI в. в России установилась твёрдая власть (на престол взойшёл Иван IV, позднее прозванный Грозным), одной из важнейших внутривнутриполитических задач, вставших перед новым государем, стало правовое урегулирова-

⁴⁷ Козлов С. А., Анкудинова А. М., Иерусалимский Ю. Ю. Ярославская земля в древности. – Ярославль, 2001. С. 104.

⁴⁸ Ермолинская летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб., 1910. – Т. 23. С. 157–158.

⁴⁹ Путеводитель-справочник по Ярославлю на 1916 год / Сост. П. Критский. – Ярославль, б. г. С. 5.

ние владения крупной недвижимой собственностью. Готовя материалы к «Стоглавому собору» 1551 г., молодой правитель составил список т. н. «первых царских вопросов». Всего их было 12, из них 6 посвящались владению земельной и иной недвижимой собственностью.

Прежде всего, царь отметил, что справедливое распределение земель за службу имело место «только по книгам»; в реальности же более сильные и ловкие владельцы по непонятным причинам «утроили отцовские поместья», а собственник, не нашедший силовой поддержки, оставался без всего и «ино голоден». «Царь говорил, что его бояре и вельможи впали во многие корысти и хищения, называл их лихоимцами, хищниками, творящими несправедливый суд, но в то же время он признал, что всех обид и разорений, происшедших от бессудства и лихоимания властей, исправить невозможно»⁵⁰.

Предлагалось также ограничить крупное землевладение в городах; ликвидировать поборы, взимаемые собственниками земли с проезжающих по дорогам, расположенным на этой земле («дорожные мыты»); поместья надлежало раздавать «строго и в меру», а для их учёта «устроить вотчинные книги»; провести всеобщую перепись земель. Отдельному рассмотрению подвергся вопрос «о вдовых боярынях»: молодым вдовам предписывалось как можно скорее выходить повторно замуж (в этом случае у земель появлялся новый хозяин-мужчина), а старым и одиноким – «устроиться в монастырь», причём земельное владение при этом после смерти женщины отходило не монастырю, а «на государя»⁵¹.

На «Стоглавом соборе» фактически был принят и вступил в действие новый «Судебник», составленный царём и его ближайшим окружением в 1550 г. «по старине». В новом кодексе было уже 100 статей (против 68 в «Судебнике» 1497 г.), однако и «после всех этих дополнений «Судебник» сохранил значение сборника правил судопроизводства со сравнительно бедным содержанием норм материального (имущественного – А. К.) права. Восполнением этого недостатка по-прежнему мог быть живой обычай». Вместе с тем, в новом кодексе появилась и правовая норма, призванная изжить этот недостаток: решения по делам, «которые в сём Судебнике не написаны», должны были принимать царь и боярская дума, после чего надлежало «те дела в Судебнике приписывать». «Это правило породило своеобразную законодательную практику, которая нашла своё выражение в дополнительных к „Судебнику“ указах и в указных книгах приказов»⁵². В первоначальный же текст нового кодекса вошли только наиболее значимые на тот момент положения, касающиеся оформления договоров: только «на письме» допускалось совершение сделок с недвижимостью всех видов и продажа в холопство или выкуп из него.

К сожалению, для преодоления негативных тенденций прошлого потребовалось не одно десятилетие. Около 1565 г. период успешных реформ Ивана Грозного сменился введением опричнины, когда царь, фактически, сам же растоптал все введённые им правовые нормы, вернувшись к «праву сильного». Так, после бегства в Литву князя Андрея Курбского, жесточайшим репрессиям подверглись не только его ближайшие родственники, жившие в Москве, но и дальняя родня, про-

⁵⁰ Судебники 1497 и 1550 гг. // Энциклопедический словарь... С. 916.

⁵¹ Подробнее см.: Носов Н. Е. Собор «примирения» 1549 года и вопросы местного управления (на перепутье к земским реформам) // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.). – Л., 1967. С. 16–21.

⁵² Судебники 1497 и 1550 гг. // Энциклопедический словарь... С. 916.

живавшая в Ростовском и Ярославском уездах. Имущество этих людей было конфисковано, а сами они подверглись жестокой расправе; как писал сам Курбский, «убиты были братии мои, княжата ярославские». По подозрению в сочувствии Курбскому были казнены ростовский боярин Василий Тёмкин и «княжата» Семён, Андрей и Василий, а их имущество было «забрано на государя»⁵³.



А. Янов. Приказ в Москве в XVII в. Гравюра на дереве

И тем не менее: с изданием «Судебника» 1550 г., предоставившего возможность вводить в жизнь новые законодательные нормы без чрезмерных проволочек, в России начинают активно развиваться нотариальные отношения. Их развитие шло по древнеримскому пути, т. е. осознанно или неосознанно, но Россия изначально выбрала для регистрации правовых отношений нотариат латинского образца.

В Московской Руси обязанностями, аналогичными работе римских табеллионов, занимались представители духовенства: церковный причт и приказные люди (дьяки, подьячие), а если не хватало писцов из этого круга лиц, то набирали из «всенародства»⁵⁴. «В состав подьячих поступали люди различных, даже тяглых (податных. — А. К.) классов, причём площадной подьячий из тяглых освобождался от тягла, но они не считались служилыми людьми»⁵⁵. Фактически, повторялась

⁵³ История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века / А. М. Пономарёв, В. М. Марасанова, В. П. Федюк и др.; отв. ред. А. М. Селиванов. — Ярославль, 2000. С. 60.

⁵⁴ Злотников М. Подьячие Ивановской площади // Нотариальный вестник. 1998. № 1. С. 52.

⁵⁵ Подьячие площадные // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1898. — П/том 47. С. 142.

практика Великого Новгорода: «Аналогично даже место совершения сделок – главная контора площадных подьячих располагалась на Ивановской площади в Кремле, близ колокольни Ивана Великого»⁵⁶.

Площадные подьячие «составляли особый род вольных письменных дельцов, действовавших, под надзором правительства, на городских площадях». Первое письменное упоминание о них относится к 1589–1590 гг. Изначально понятие «площадь» обозначало просто «место, где совершались всякие частные акты, писались челобитные, купчие, меновые и т. п.». Однако вскоре оно утратило буквальный смысл и стало обозначать корпорацию подьячих, которые объединялись в артели со взаимной круговой порукой. Как в разговорной речи, так и в официальных документах появляются термины «промышлять площадью» и «кормиться пером» – т. е. работать в корпорации площадных подьячих. Такие корпорации включали в крупных городах (например, в Ярославле) до 12 членов, а в Москве к концу XVII в. их число составляло 24 человека⁵⁷.

Документы из весьма хорошо сохранившегося архива церкви Святителя Димитрия Солунского в Ярославле донесли до нас имена некоторых из городских «площадных подьячих».

Древнейшие акты из этого храма, содержащие имена их составителей и регистраторов в органах власти, относятся к 1579 и 1580 годам: «Купчую запись вдовы Акулины Ивановой на её дом и двор» писал «Дружинка Сидоров сын Плотников» (Дружина Сидорович Плотников), а «Променную на деревню Гремячее запись княгини Ульяны Алабышевой» – «Федко Леонтьев сын» (Фёдор Леонтьев). «Купчую запись, выданную Аксёном Чичериным Юрию Лыткину» 1584 года составил и оформил должным порядком «Первун, Максимов сын, Переславец» (Первун Максимович Переславец)⁵⁸.

Документы из церковного архива, относящиеся к XVII столетию, донесли до нас имена «ярославских площадных подьячих» Постника Максимовича Петрова (документ 1602 года), Осипа Третьяковича Павлова (1642), Ивана Гриденкова (1653), Михаила Антипьева (1659), Данилы Домертиянова (1659), Ивана Сусальмова (1686), Андрея Горшкова (1687), Фёдора Иванова (документы 1690 и 1691 гг.)⁵⁹.

В XVII в. из писцов постарались создать однородную по социальному происхождению прослойку, но из-за их нехватки это было возможно не всегда. В то же время площадные подьячие получали свою должность «на откуп» или «на поруку», так что к концу XVII в. «кормиться пером» стали почти исключительно дети подьячих, писцов и церковного притча, которым родители передавали профессию по наследству. «Поступавший на службу обязан был представить о себе поручную запись, без которой его не принимали. Внутренняя жизнь каждой «площади» отличалась самостоятельностью. Её члены могли исключить кого-либо за нарушения, предварительно ходатайствуя перед властями. Но причину они устанавливали сами, т. к. внутренние правила были приняты этой организацией. Численность каж-

⁵⁶ Ахрамеева О. В., Звонок С. О. Гражданско-правовые и нравственно-религиозные аспекты исторического становления и развития нотариата как института государства и права (http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2214_23.aspx).

⁵⁷ Подьячие площадные... С. 142.

⁵⁸ Ярославские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1894. 10 мая. № 19. Стлб. 301, 302; Там же. 1894. 24 мая. № 21. Стлб. 329.

⁵⁹ Там же. 1894. 10 мая. № 19. Стлб. 303–304; 1894. 17 мая. № 20. Стлб. 307–308, 309, 311, 312–313; 1894. 24 мая. № 21. Стлб. 330, 332–333, 333–334; 1894. 19 июля. № 29. Стлб. 460–461.



Б. М. Ольшанский. Посольский двор.

дой такой организации была определена правительством, но допускались и так называемые лишние»⁶⁰.

С конца 1620-х гг. в актах стала указываться принадлежность к «площади», например «Ивановской площади подъячий»⁶¹. Подобная форма стала обычной и вошла в «Соборное Уложение» 1649 г. В период до Уложения всё ещё сохранялась практика написания юридических актов писцами, не принадлежавшими к какой-либо «площади»-корпорации, а акты, создаваемые ими, не отличались от составленных площадными подьячими. После же принятия «Соборного Уложения» положение «площади» приравнивалось к органу, исполняющему нотариальные функции. Это находило подтверждение в том, что если возникал спор с необходимым привлечением подьячего, то «писец и послухи брались из одной артели»⁶². Такой порядок просуществовал до 1686 г., когда этот институт претерпел изменения: в состав подьячих стали входить стрельцы.

Одновременно существовало разделение труда по «площадям» – подьячим Посольской площади запрещалось составлять те акты, которые совершались на Ивановской площади, а разрешалось готовить только судебные акты. А также до конца XVII в. только подьячие Ивановской площади могли совершать акты по всем возможным делам, в то время как на иных площадях существовал строго определённый перечень «нотариальных услуг». «В Москве была, так сказать, главная контора; она помещалась на Ивановской площади в Кремле», – очень точно и образно подметил энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона по этому поводу⁶³.

⁶⁰ Ахrameева О. В., Звонок С. О. Указ. соч.

⁶¹ Злотников М. Указ. соч. С. 51.

⁶² Ахrameева О. В., Звонок С. О. Указ. соч.

⁶³ Подьячие площадные... С. 142.

«Договор как способ приобретения права собственности всё больше терял сопутствующие символические действия (например свидетельские показания послушников или произнесение определённых формул), заменяя их „рукоприкладством“, а вместо подписи ставились знаки и символы. Само „рукоприкладство“ утрачивало сакральный смысл, превращаясь в простое свидетельство о согласии сторон в договоре. Для правового мышления той эпохи утрата сакрального смысла замещалась усилением формализма (отработанная логика обязательства) и обязательно-го подтверждения договора органами власти»⁶⁴.

Документы писались от первого лица; в акт записывали также имя писца и присутствовавших при составлении «послухов» (свидетелей сделки). Договорная грамота приобретала законную силу только после её регистрации в официальной инстанции представителем власти, что выражалось в постановке на грамоте печати. Контроль государства значительно усилился после введения писцовых книг. Первым известным законом о государственной регистрации договоров стал царский указ 1558 г., изданный в дополнение к «Судебнику» 1550 г.⁶⁵ Однако уже в то время наметилась практика, когда государство брало на себя в основном только контролирующую функцию, а жизнеобеспечение корпораций площадных подьячих в Москве зависело «от Оружейной палаты, а в городах – от местной дворянской корпорации, так как там большей частью площадным подьячим приходилось писать поземельные служилые акты»⁶⁶.

Это утверждение не совсем верно применительно к Ярославлю. Здесь наибольший доход регистраторам правоустанавливающих документов приносили купцы.

«В XVI–XVII веках Ярославль играл большую роль в политической и экономической жизни централизованного Русского государства, являлся крупным центром торговли и ремесленного производства. По описи 1630 года в Ярославле имелось: 670 торговых лавок, 29 дворов принадлежало иностранным купцам. Ремесленная промышленность была представлена 98 ремёслами. Многие товары ярославских умельцев – серебряная и медная посуда, зеркала, изделия из кожи, набивные ткани, замки – находили широкий сбыт на всероссийском рынке. Город был важным узлом торговых связей со странами Ближнего и Среднего Востока (по волжскому пути) и Западной Европы (через Архангельск – единственный в то время русский морской порт). Особенно была развита торговля с Англией и Голландией, купцы этих стран через Ярославль направляли товары в Москву и по Волге – в Кострому, Нижний Новгород и дальше в Персию (Иран). По количеству посадских дворов и населению город находился на втором месте после Москвы»⁶⁷.

Не менее важным был и «земельный вопрос». Уже в 30-е гг. XVI в. «Замосковский край, в который входили Переславль-Залесский и Ростовский уезды, был основной житницей России. Здесь, как и в Ярославском уезде, сеяли овёс, рожь, пшеницу и лён. Переславский уезд славился своим садоводством. С земледелием было тесно связано скотоводство, особенно в Ярославском и Угличском уездах»⁶⁸.

⁶⁴ Ахrameева О. В., Звонок С. О. Указ. соч.

⁶⁵ Развитие русского права в XV – первой половине XVII вв. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. – М., 1986. С. 123–124.

⁶⁶ Подьячие площадные... С. 142.

⁶⁷ Козлов П. И., Маров В. Ф. Ярославль. Путеводитель-справочник. – Ярославль, 1988. С. 6–7.

⁶⁸ История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века... С. 52–53.

Таким образом, мы можем смело утверждать, что работы для площадных подъячих в Ярославле и Ярославском крае находилось много.

«Акты, учиняемые на „площадях“, имели больший вес, чем все иные. В то же время хотя власть не вручила им нотариальной функции, она осуществлялась именно ими, как наиболее подготовленными лицами. Площадные подъячие не только занимались совершением актов на площади, но и заканчивали уже начатые акты. В их обязанности входило совершение крепостей, свидетельствование подписи лиц, являвшихся сторонами в сделке»⁶⁹.

Развитость правового института удостоверения сделок подтверждается наличием аппарата, который осуществлял контрольные функции – «артель писцов с круговой порукой»⁷⁰. А повсеместное применение регистрации сделок засвидетельствовано в закрепившемся в русском языке на века понятии «магарыч» – плата за услуги площадному писцу.

Смутное время во многом перечеркнуло достижения, полученные благодаря «собираению» русских земель во 2-й половине XV–XVI в.: государство оказалось значительно децентрализованным, а новая династия, первый представитель которой, Михаил Фёдорович Романов, был избран царём, имела значительно меньший авторитет, чем Рюриковичи. (Это ярко проявилось, например, в ходе знаменитого «Медного бунта» 1626 г., когда толпа агрессивно настроенных москвичей пришла в село Коломенское, резиденцию царя, и там говорила с монархом «сердито и невежа», а царь был вынужден «бить по рукам» с простыми горожанами). С другой стороны, необходимость постоянно укреплять авторитет власти и усиливать централизацию государства подталкивала правительство к развитию правовых институтов, в т. ч. и института нотариата.

В 1635 г. вышел указ Михаила Фёдоровича, согласно которому все договоры «займа, поклажи (отдачи имущества в залог – А. К.) и ссуды должны были совершаться непременно письменно под страхом их полной недействительности»⁷¹. Чуть позже вышел другой примечательный указ – акты покупки дворов в Москве должны были записываться в Земском приказе: фактически, это был прообраз современных служб, ведущих кадастровый учёт земель и бюро технической инвентаризации, свидетельствующих в наши дни дома и квартиры при совершении с ними нотариальных действий.

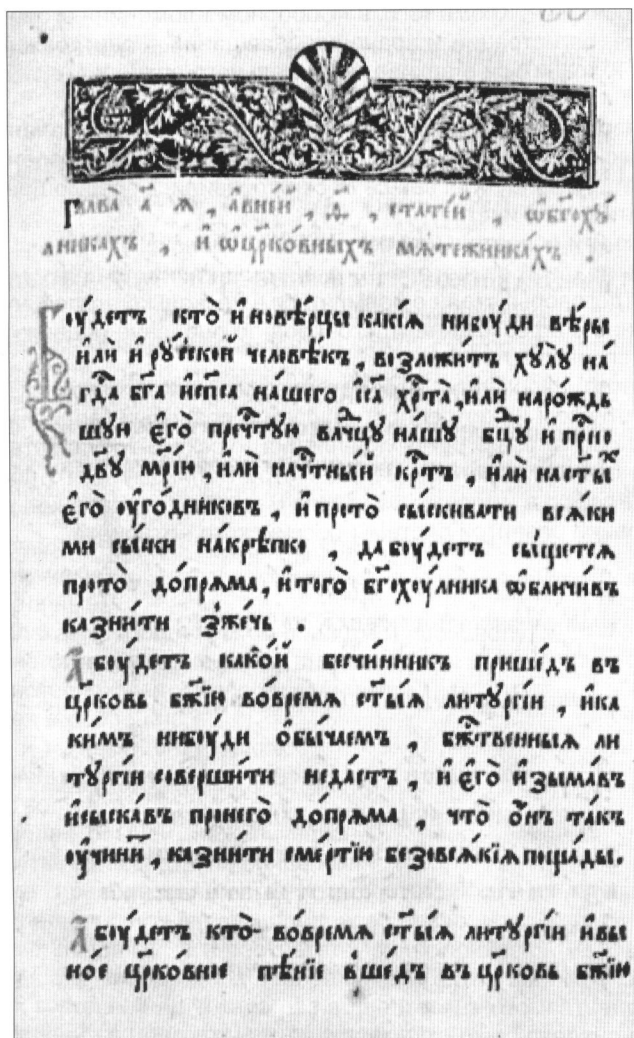
Важным шагом на пути развития нотариата стало опубликованное в 1649 г. «Соборное Уложение» Алексея Михайловича, которое «создало целую эпоху в развитии российского нотариального института. Оно упорядочило и систематизировало действовавшие до его появления отдельные отрывочные указы, создало ту основу, на которой впоследствии вырос твёрдый порядок укрепления прав на имущество».

«Уложение» разделило все «крепости» (сделки) по способу их совершения на 2 разряда в зависимости от суммы акта на «дела большие» и «дела малые». «Большими» считались все сделки на сумму от 10 рублей (действительно огромная сумма для XVII в.) и выше. Акты о таких сделках разрешалось писать только в Москве и крупных городах, не иначе как через площадных подъячих и в присут-

⁶⁹ Ахrameева О. В., Звонок С. О. Указ. соч.

⁷⁰ Скрипилев Е. А. История российского нотариата // Вестник нотариальной палаты Ставропольского края. 1998. № 4. С. 9–10.

⁷¹ История нотариата (<http://www.notariat.ru/section28834>).



Начало 1-й главы «Соборного уложения» 1649 г.

ствии «послухов» (свидетелей). Акты на «дела малые» дозволялось писать и в деревнях. Усилились и контролирующие функции государства: отныне в Земском приказе было необходимо регистрировать вообще все сделки с недвижимостью, а в Холопьем приказе – все акты купли-продажи крепостных. Перечень документов, которые разрешалось писать не на «площади», резко сократился – «в деревне» разрешалось писать только духовные (завещания) и «сговорные свадебные записи». При составлении бумаг площадными подьячими «взималась пошлина и предьявлялась в Печатный приказ, где к ним (бумагам. – А. К.) прикладывалась го-

сударственная печать»⁷². Кроме того, в «Соборном Уложении» оговаривается порядок составления, регистрации и хранения завещаний – они должны были свидетельствоваться и храниться в архиве епархиального архиерея⁷³.

Таким образом, есть все основания говорить о том, что к началу реформ Петра Великого Россия в общем и целом уже догнала Европу по степени развития института нотариата. К концу XVII века в России появились следующие атрибуты этого правоохранительного института:

- введены книги обязательной регистрации сделок;
- ставились подписи свидетелей;
- крепости (договоры) стали оформляться в несколько этапов, что можно сравнить с современным оформлением договоров по передаче недвижимости;
- широко использовались печати⁷⁴.

Здесь уместно напомнить, что нотариат «в целом» возник естественным путём: он стал ответом на потребности людей в правовых гарантиях их собственности. По мере роста, развития и укрепления Русского государства не могли не развиваться и нотариальные отношения. Петру Великому и его последователям, превратившим Россию в империю мирового масштаба и значения, предстояло завершить построение развитой системы российского нотариата.

⁷² Нотариат // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – П/том 41. С. 391.

⁷³ Подробнее см.: Уложение Соборное царя Алексея Михайловича 1649 г. // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1902. – П/том 68. С. 682–686.

⁷⁴ Ахrameева О. В., Звонок С. О. Указ. соч.

«ВСЕ БУМАГИ ЗЕЛО ИСПРАВНЫ БЫТЬ ДОЛЖНЫ»

Становление нотариата в России (1699–1775)

После смерти Алексея Михайловича (1676 г.) Россия надолго осталась без твёрдого государственного управления. У власти несколько раз менялись правящие группировки временщиков, серьёзное влияние на принятие решений оказывали стрельцы, устроившие ряд бунтов в Москве. А. С. Пушкин, который был не только великим поэтом, но и талантливым историком, в набросках к своей «Истории Петра» так описывает (тезисами) ситуацию в России накануне утверждения монарха-реформатора на троне:

«Россия разделена на воеводства, управляемые боярами.

Бояре беспечные.

Их дьяки алчные.

Народ, облагаемый оброком по прихоти и произволу.

Правосудие отдалённое, в руках дьяков.

Подати многосложные и неопределённые.

Беспорядок в сборе оных.

Пошлины и таможи внутренние:

а) притеснения;

б) воровство.

Законы, более обычаи, нежели законы, — неопределённые, судьи безграмотные. Дьяки плуты. Нравы дикие, свирепые»⁷⁵.

Петровские преобразования в нотариальной сфере начались 9 декабря 1699 г., когда царь особым указом предписал совершать «крепости» всякого рода не у площадных подьячих, а в соответствующих приказах (Земском, Холопьем и др. — в зависимости от характера совершаемого акта); все «крепости», совершаемые в крупных городах, надлежало раз в два месяца отсылать в столицу для проверки и утверждения в центральных приказах. Это было сделано «в видах уничтожения злоупотреблений при совершении актов площадными подьячими, а также и в фискальных целях»⁷⁶.

1 января 1700 г. «совершение всех крепостей между лицами городского сословия в Москве передано во владение московской ратуше, а торговых крепостей — Московской большой таможне. Полной централизацией нотариального дела Пётр Великий предполагал устранить беспорядки и злоупотребления, которые часто

⁷⁵ Пушкин А. С. История Петра. Подготовительные тексты. (http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/istoriya-petra/petr_32.htm).

⁷⁶ Нотариат // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1897. — П/том 41. С. 391.

происходили при совершении правовых актов подьячими на Ивановской площади. Но этот порядок оказался неудобным, поэтому 30 января 1701 г. „было повелено писать крепости по прежнему указу в палатке Ивановской площади“, а надзор за деятельностью площадных подьячих был поручен Оружейной палате. Впоследствии „для ближайшего заведывания крепостным делом учрежден особый приказ крепостных дел, состоявший из нескольких судей”⁷⁷.



Пётр I Великий и европеизированная Россия. Аллегорическое изображение на дензнаке в 500 рублей образца 1912 г.

Но и этот орган управления (как, впрочем, и вся система приказов) не справлялся с возложенными на него функциями. «Мысль о реформе центральных учреждений явилась у Петра под влиянием насущной потребности времени. Старая система „приказов“ была расшатана уже в первые годы Северной войны; передача областного управления губернаторам в 1708–1712 гг. повела к окончательному упразднению значительной части приказов; только что созданный Сенат не мог заменить собою целой системы учреждений и был завален работой». Реформа началась в октябре 1717 г., а уже в декабре «окончательно установлен был состав коллегий, составлены списки персонала и произведены первые назначения президентов и вице-президентов»⁷⁸. В числе первых была образована и Юстиц-коллегия – центральное государственное учреждение, контролировавшее местные суды и служившее высшим апелляционным судом по уголовным и гражданским делам. Она была образована путём объединения старых судебных приказов и начала свою работу с 1718 г. В 1719–1740 гг. в состав коллегии входила крепостная контора, оформлявшая акты на владение землей и крепостными; в губерниях были образованы самостоятельные особые конто-

⁷⁷ История нотариата. (<http://www.notariat.ru/section28834>).

⁷⁸ Коллегии // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1895. – П/том 30. С. 692–693.

ры крепостных дел, состоявшие из писцов и надсмотрщиков⁷⁹. Надзор за деятельностью главных контор поручен особому секретарю или комиссару, который назначался Юстиц-коллегией.

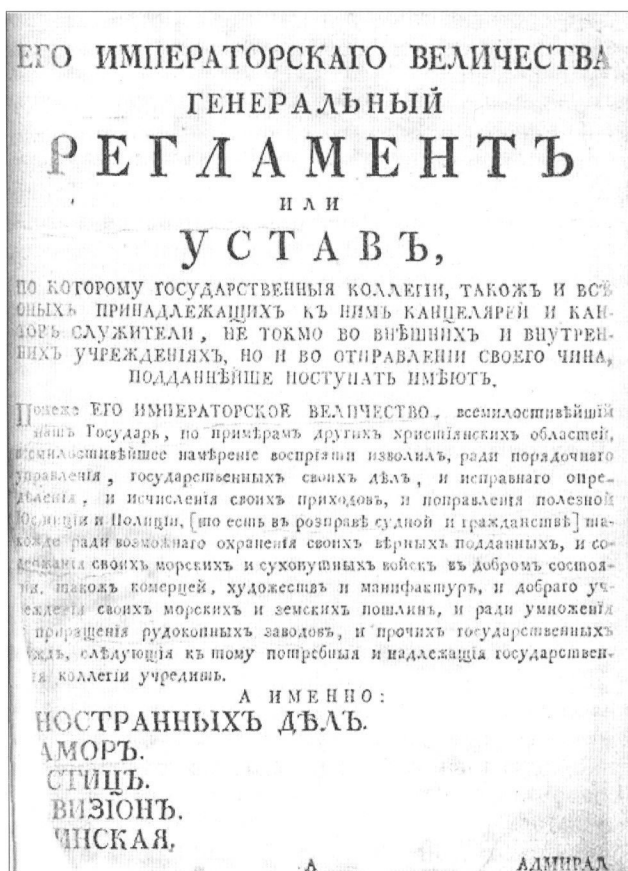
Учреждение коллегий само по себе внесло принципиально новый, строгий порядок ведения юридических дел, описываемый в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона так: «Для рассмотрения дел коллегии должны были заседать по генеральному регламенту ежедневно, кроме праздничных дней, в течение пяти часов. На одном конце стола садился президент коллегии, справа и слева от него размещались по старшинству советники и ассессоры. За особым столом в той же комнате сидели секретарь и нотариус. Секретарь был начальником канцелярии и докладчиком в заседаниях коллегии. Всякая поступившая бумага записывалась актуариусом во входящий журнал; изготовленное в канцелярии дело докладывалось секретарём. Присутствующие большинством голосов постановляли по докладу решение, которое тут же вносилось нотариусом в протокол, подписываемый всеми членами. Нотариус вёл реестр и нерешённым делам, находившийся постоянно на столе присутствия перед президентским местом. Дела, которые не могли быть решены коллегией, представлялись с мнением коллегии в Сенат. С другой стороны, коллегия имела права не исполнять сенатского указа, если находила в нём что-либо противное государственным интересам или существующим указам; если Сенат подтверждал свой указ, коллегия должна была его исполнить и в то же время донести государю. Для исполнения дело опять поступало в канцелярию. Краткое содержание всех входящих и исходящих бумаг записывалось регистратором в одну из четырёх книг регистратуры, смотря по тому, была ли бумага входящая или исходящая, относилась ли она к учреждению, стоящему выше коллегии (Сенат и государь) или ниже её. За ходом дел в коллегии наблюдал особый прокурор, сама коллегия наблюдала за исполнением своих распоряжений с помощью фискалов. Как современники, так и позднейшие исследователи указывали на три черты, как на особенно выгодно отличавшие новое коллежское устройство от старого приказного: его коллегиальную форму, систематическое распределение дел между центральными ведомствами и стройный бюрократический порядок течения дел в коллегии. Коллегиальную форму сам Пётр очень ценил и придавал ей большое значение, как средству уничтожить личный произвол администраторов»⁸⁰.

Употребление термина «нотариус» кажется нам в данном случае не вполне корректным – это был обычный канцелярист или секретарь в современном значении этого слова (в отличие от секретаря – руководителя канцелярии, как в описании, приводимом словарём), в чьи функции входило только ведение протокола заседания. Употребление именно такого термина скорее следует отнести, по определению доктора права Н. С. Таганцева, на «испещрённый германскими слог петровских указов»⁸¹.

⁷⁹ Юстиц-коллегия // Юридический словарь. (http://mirslovari.com/content_yur/JUSTIC-KOLLEGIJA-6738.html).

⁸⁰ Коллегии // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1895. – П/том 30. С. 693.

⁸¹ Лекции по русскому уголовному праву, читанные Н. С. Таганцевым. Часть общая. – СПб., 1887. – Вып. 1. С. 143.



Титульный лист «Генерального регламента» 1720 г.

Реформа документооборота была продолжена введением 28 февраля 1720 г. «Генерального регламента»⁸².

Согласно этому документу вся делопроизводственная деятельность закреплялась за канцеляриями — самостоятельными подразделениями государственных учреждений. Центральной фигурой канцелярии был секретарь, на котором лежала ответственность за организацию делопроизводства, подготовку дел к рассмотрению, докладывание дел руководству учреждения, ведение справочной работы по делам, оформление решений и контроль за их исполнением, хранение печати учреждения. Оформление бумаг стало гораздо более строгим: «Генеральный регламент» определял, что «должность чина секретарского в том состоит, что ему на всех приходящих письмах и доношениях номера подписывать, и на них числа, ког-

⁸² Подробнее см.: Генеральный регламент // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1892. — П/том 15. С. 323.

да поданы, приписывать, и об оных без всякого подлога или пристрастия, по номерам и числам доносить, разве когда дела такие между прочими случатся, которые остановки иметь не могут, но вскоре отправлены быть имеют: и в таком случае порядок оной отставить, и об тех наперёд доносить надлежит, которые нужнее»⁸³.

Кроме секретаря в состав канцелярии входили: нотариус (в значении этого термина, оговоренном нами выше), регистратор, актуариус (архивист), канцеляристы, копиисты, переводчики (для письменного и устного перевода) и вахмистр, он же сторож для охраны учреждения. Все служащие канцелярии получали жалование за свою деятельность от казны, а разного рода подношения канцелярским служащим (денежные, товарные и пр.) стали рассматриваться как взятки.

Главное значение реформы состояло в том, что появились упорядоченные системы регистрации документов, которыми мы пользуемся и ныне. Например, именно «Генеральным регламентом» была введена регистрация документов в специальных журналах, которые отдельно заводились на входящие и отдельно – на исходящие бумаги.

«Регистратура (записка) состоит в следующих 4 книгах:

(А) В первой книге все от коллегии к Его Величеству во весь год посланные письма, реляции, доклады, следующим образом чрез копииста вписываются, а именно: перемечивает он в книге листы, и ставит на одной стороне число и месяц, на другой стороне год, и означивает потом кратко дело, к кому куда отправлено; после того вписывает он весь документ с числом и подписанием всех чинов, и потом из сей книги явно будет, какие отправления коллегий во весь год имел; и ежели что во оном приискать и посмотреть нужно, то может оное чрез журнал легко учинить.

(В) В другой книге надлежит все отправленные дела, которые от коллегии до других коллегий, губерний, служителей и прочих посланы, также инструкции, дипломы, патенты и прочее вписать таким образом, как в первой регистраторной книге упомянуто.

(С) Третья книга содержит в себе все во весь год от Царского Величества или от сената указы, в коллегий полученные рапорты и подлинные дела, которые по числам расположены, реестр учинён, листы числены и таким образом переплетены быть имеют.

(D) В четвёртой книге надлежат все прочие от других коллегий, губерний, от прочих служителей и подданных, також и прочие в коллегий полученные оригинальные письма, ведомости, мемориалы, требования, известия, по провинциям и числам собраны, листы перемечены и реестр учинён быть со означением коллегий и провинций, откуда какие дела присланы»⁸⁴.

Тогда же были заложены основы организации учёта и хранения документов, именно в этот период появилось название «архив».

Существенные изменения претерпевают и сами формы документов. Пётр Великий ввёл вместо столбцовой формы документов тетрадную, которой мы продолжаем пользоваться и сегодня. Тетрадь – это лист бумаги, сложенный вдвое. По мере необходимости тетради собирались вместе, переплетались и составлялись книги. В книгах велись списки, финансовые, учётные, регистрационные записи и др. Самостоятельными элементами формуляра становятся дата и наименова-

⁸³ Цит. по: Документооборот в прошлом. Делопроизводство при Петре I. (<http://www.government.nnov.ru/?id=33689>).

⁸⁴ Там же.

ние документа. Появляется ряд реквизитов, отражающих различные стадии процесса документирования или стадии обработки документов: подписи, отметки о согласовании, регистрационные индексы, отметка о контроле, отметка о направлении в дело и другие. Для многих типовых документов разрабатываются «генеральные формуляры» – образцы, по которым следовало составлять бумаги. Так, например, предлагалась единая форма ведомости для присылки сведений о произведенных сборах налогов и казённых расходах, состоящая из 22 пунктов.

Стремление сохранять в тайне государственные дела во все времена было присуще всем правителям, но только Пётр I вводит такое понятие, как «защита информации», именно при нём начинают действовать присяга для канцелярских чинов и запрет на хранение служебных документов дома.

«Повелевает Его Величество накрепко, чтоб всё, что при коллегиях чинится, а наипаче ежели такие дела, которые Его Царского Величества высокой службы и интереса касаются, тайно содержатся и весьма прежде времени явны не были, по которым наипаче оные себя предостерегать и от безвременных речей удержаться имеют, которым в канцеляриях отправления поверены, под наказанием»⁸⁵. Особо строго карались подделка документов, их хищение, неправильное составление, искажение смысла документов. Наказания предусматривались очень строгие: смертная казнь, ссылка на галеры с вырезанием ноздрей, конфискация имущества, денежные штрафы, лишение чина.

Чиновничество на местах нередко пыталось саботировать царские нововведения. «Воронежский надворный суд донёс Юстиц-коллегии в октябре 1721 г. о невозможности осуществить на практике главы „Генерального регламента“, почему „ныне дела в надворном суде исправляются по прежнему российскому обыкновению“, а не по новому регламенту»⁸⁶.

Исправлять подобные ситуации царю приходилось иногда «в ручном режиме». Так, Ярославский край Пётр Великий посетил 6 раз, что также было связано с коренными преобразованиями, происходившими в нашем регионе. В 1708 г. Россия была разделена на 8 губерний, причём традиционное территориальное устройство при этом было резко нарушено. В частности, Ярославский край оказался поделенным между Московской (к которой отошли Ростов, Переславль и Любим) и Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернией (к которой отошли Ярославль, Углич и Романов), а в 1719 г. произошло ещё более мелкое дробление нашего региона – на 4 провинции (2 в составе Московской губернии и 2 в составе Ингерманландской). Во главе провинций стояли воеводы с провинциальными канцеляриями. «Перестройка органов местного управления привела к созданию новых органов местной администрации – надворного суда, магистрата и т. д.»⁸⁷.

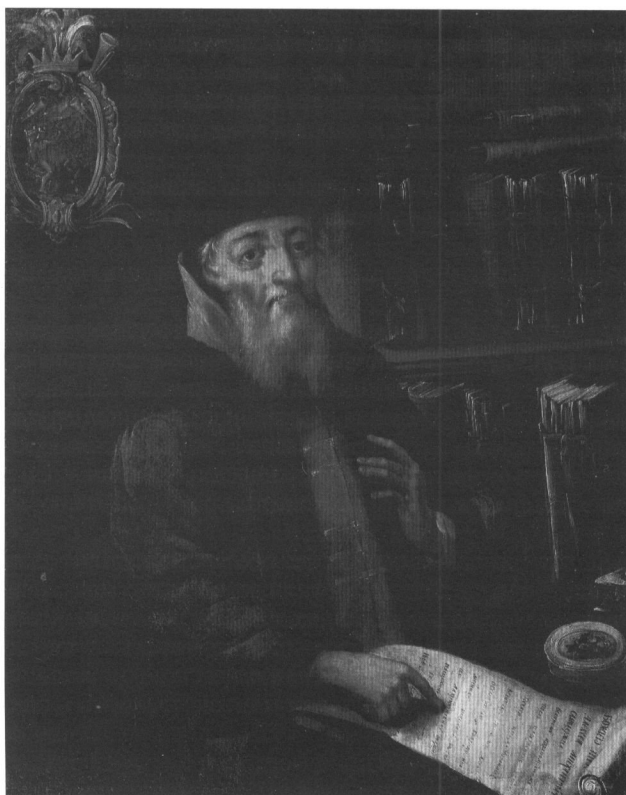
Номинально воеводы подчинялись губернаторам, но фактически при столь запутанном управлении в их руках оказывалась вся реальная местная власть. Сказывались и прежние властные традиции: «Воеводы иногда являлись совершенно самостоятельными правителями... ведали почти все отрасли местного управления. Почти бессильные для служения местным интересам, для удовлетворения нуждам

⁸⁵ Цит. по: Документооборот в прошлом. Делопроизводство при Петре I. (<http://www.government.nnov.ru/?id=33689>).

⁸⁶ Генеральный регламент... С. 323.

⁸⁷ История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века / А. М. Пономарёв, В. М. Марасанова, В. П. Федюк и др.; отв. ред. А. М. Селиванов. – Ярославль, 2000. С. 92.

местности и частных лиц, воеводы не были удовлетворительны и как исполнительные органы центрального правительства. Воевода всякий раз приводился, так сказать, в движение, указом из Москвы, в противном случае он бездействовал»⁸⁸.



Воевода А. Н. Ордин-Нащокин. Парсуна (портрет) XVIII в.

Даже столь великий реформатор, как Пётр, при всём желании зачастую не мог изменить ситуацию. «Злоупотребления воевод находили некоторую опору во взгляде самого правительства на воеводскую должность. Кормление местных правителей было отменено ещё при Иоанне Грозном, но оно продолжало жить в нравах. Правительство не только знало, что воеводы получают приношения, но и считало это в порядке вещей; оно преследовало только вымогательства, когда об этом поступали к нему жалобы. Реформа 1708 г., положившая начало разделению империи на губернии, мало коснулась существа воеводской должности. Во главе губерний встали губернаторы и вице-губернаторы, которые, однако, ограничива-

⁸⁸ Воевода // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. — СПб., 1892. — П/том 12. С. 828.

лись общим надзором преимущественно за военно-финансовой стороной управления; действительное же управление осталось по-прежнему в руках воевод, только переименованы они были в комендантов и обер-комендантов». После смерти Петра Великого, «в 1727 г. все новые должности и учреждения местного управления были упразднены; вместо того назначены были воеводы во все те города, где они были в московском периоде (т. е. до петровских реформ – А. К.)»⁸⁹.

Впрочем, некоторые плоды реформа Петра Великого всё же принесла: «Из власти губернаторов и воевод выделены были две самостоятельные ветви управления – финансы и суд»⁹⁰. Формально теперь эти сферы деятельности были отданы назначаемым царским правительством чиновникам, независимым от местной власти. Однако вновь пришлось преодолевать многие «обычаи», сложившиеся «благодаря» порочной управленческой практике предыдущих десятилетий и даже веков.

Так, торговая деятельность по-прежнему во многом оставалась нерегулируемой государством: множество сделок совершалось без надлежащей регистрации. В результате наблюдались парадоксальные случаи, один из которых был зафиксирован в петровское время в Ярославле.

С одной стороны, иностранные торговцы отдавали нашему городу должное: голландец Корнель де Бруин в книге «Путешествие через Московию» уверял, что Ярославль «можно принять за один из лучших городов России. Здесь живёт множество значительных купцов, изготавливается лучшая юфть, щетина и полотна». С другой – иностранные купцы неоднократно отмечали, что «у москвитов нет ни вексельного права, ни взаимного кредита, ни долговых обязательств» в том виде, как они существовали на Западе. Каждый русский купец торговлю считал «делом тонким», «и если при заключении сделки москвит не обманет или не обсчитает покупателя, то не будет почину и удачи в году, а кроме того, у русских существует ещё поговорка „не обманешь – не продашь“»⁹¹. Здесь уместно напомнить, что в Ярославском крае в начале XVIII в. проводилось множество ярмарок, «особой популярностью пользовалась двухнедельная всероссийская ярмарка в Ростове, оборот которой (ко 2-й половине XVIII в. – А. К.) достигал 3,4 млн руб. Волга содействовала развитию транзитной торговли»⁹².

Развивалась в Ярославле и промышленность. При Петре Великом «в промышленности края произошёл качественный скачок. За четверть века в России выросла мануфактурная промышленность и одним из её центров стал Ярославль»⁹³. В 1722 г. было основано одно из старейших предприятий г. Ярославля – ткацкая Ярославская Большая мануфактура. Любопытно, что заявка на открытие предприятия подали «купец ярославской Гостиной сотни Максим Затрапезнов с сыновьями и обрусевший голландец Иван Тамес» – в полном соответствии с пожеланиями государя создать промышленную и банковскую системы России «в виде „кумпанств“, „кумпаний“ и т. д., другими словами, объединить разрозненные капиталы русских купцов в некие финансовые корпорации»⁹⁴. «Затрапезнов и Тамес бесплатно полу-

⁸⁹ Воевода // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1892. – П/том 12. С. 828, 829.

⁹⁰ Там же. С. 829.

⁹¹ Бородин А. В. Быт и нравы ярославцев. Краткий словарь. – Ярославль, 2007. С. 23.

⁹² Ярославский край в XVIII веке // Энциклопедия Ярославского края с древнейших времён до 1917 года. Антология / Гл. ред. проф. Ю. Ю. Иерусалимский. – Ярославль, 2009. – С. 89.

⁹³ История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века... С. 93.

⁹⁴ Бородин А. В. Указ. соч. С. 23.

чили помещение, а также участок на правом берегу реки Которосли»⁹⁵. Однако вскоре русский купец стал единоличным хозяином предприятия, умело вытеснив голландского партнёра из бизнеса: «И. Тамес вскоре отошёл от дел, получив свою долю деньгами»⁹⁶. А Затрапезновы за очень короткое время развили производство и стали одними из богатейших и знаменитейших купцов России.

Однако, несмотря на все негативные тенденции и «традиции» прежней эпохи, петровские реформы управления и делопроизводства дали России мощный импульс для развития финансового и промышленного секторов, с одновременной нахodkaй массы новых способов пополнять госбюджет. Так, именно при Петре Великом в России появляются гербовая бумага и векселя.

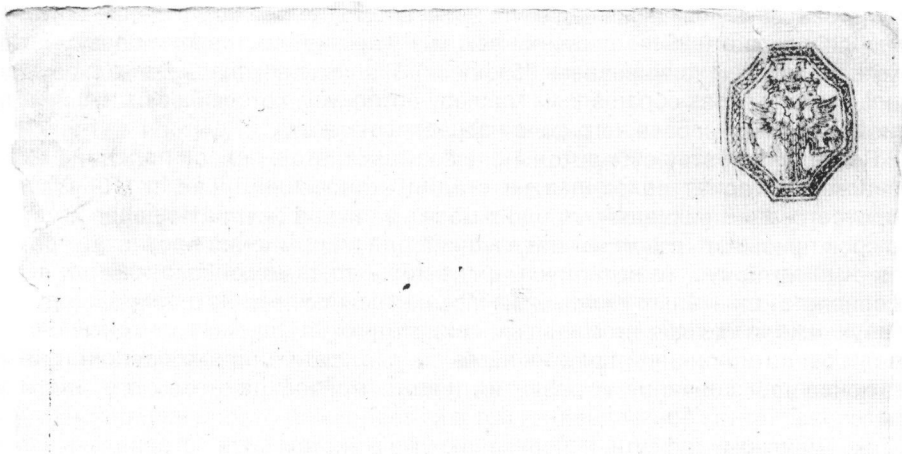
«Изготавливаемая государством клеймёная бумага, оплачиваемая гораздо выше действительной её стоимости» была введена в России указом 23 января 1699 г. «по мысли Курбатова, дворецкого графа Шереметева, бывавшего за границей». Гербовые листы изготавливались 3 видов:

1. Ценой в 10 копеек – «под большим орлом» – для «крепостей» ценой от 50 рублей;

2. Ценой в 1 копейку – «под гербом величиною против золотого» (т. е. размером с золотой червонец. – А. К.) или «клеимёная» – для «крепостей» на сумму до 50 рублей и для «челобитных мировых» (т. е. подаваемых коллективно. – А. К.);

3. Ценой в 1 деньгу (1/2 копейки. – А. К.) – «за печатью в половину золотого» или «орлёная» – для индивидуальных челобитных и выписок, даваемых в приказах.

Все акты, совершаемые не на гербовой бумаге, объявлялись недействительными, а при обнаружении такого документа с лица, объявлявшего его, было велено брать «пошлину вдвое»⁹⁷.



Фрагмент листа гербовой бумаги выпуска 1751 г. ценой в 1 копейку

⁹⁵ История Ярославского края с древнейших времён до конца 20-х гг. XX века... С. 94.

⁹⁶ Ярославский край в XVIII веке... С. 89.

⁹⁷ Гербовый сбор // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1892. – П/том 15. С. 457.

Фактически тогда же в России появились и векселя, т. к. понятие «крепость» подразумевало вообще любой акт, касающийся операций с недвижимостью и финансами. Нововведение, однако, не вызвало протеста и было воспринято как «необременительный для плательщика и выгодный для фиска налог»: пользы от нового порядка расчётов было гораздо больше. Очень быстро распространилась практика выдачи векселей при расчётах между купцами, избавившая их от необходимости возить с собой в самом прямом смысле телеги денег (основным средством расчётов была медная монета; в начале петровских преобразований из пуда⁹⁸ меди чеканили денег на 10 рублей, а к середине XVIII в. сложилась практика чеканки 16 рублей из пуда).

Однако законодательство не поспевало за жизненными реалиями – «Вексельный устав» появился в России только 16 мая 1729 г., уже после смерти Петра Великого.

Этот документ замечателен тем, что в нём впервые используется термин «нотариус» в привычном для нас смысле.

Согласно п. 1 «Устава» вексель провозглашался самостоятельным документом, не нуждающимся ни в регистрации в государственных учреждениях, ни в свидетелях при его написании. Однако векселя, написанные не на гербовой бумаге, не по утверждённым образцам и т. п. – объявлялись недействительными, поэтому «Устав» рекомендовал обращаться за их составлением к услугам «маклера» или «публичного нотариуса». Тот специально обучался правильному составлению векселей. В случае, когда вексель давал неграмотный – присутствие маклера-нотариуса было обязательным.

Нотариус регистрировал вексель в особой маклерской книге, выписка из которой являлась неопровержимым доказательством для суда, если возникала необходимость взыскать долг векселедателя принудительно. Вознаграждение нотариусу устанавливалось в 0,25 % от суммы векселя (т. е. при составлении документа на сумму в 100 рублей уплачивалось 25 копеек). В случае неуплаты долга в срок держатель векселя вновь обращался к маклеру-нотариусу, который за отдельную плату писал «протест», после чего дело направлялось в суд⁹⁹.

«Вексельный устав» убедительно показывает, что в первой половине XVIII в. российский нотариат находился на стадии становления. Так, п. 10 «Устава» «О протестовании векселей» предписывает в случае неуплаты денег по векселю в срок призывать в дом неплательщика для оформления протеста «где есть публичный нотариус, то нотариуса, а где нет – то таможенного или ратушного канцеляриста, а в малых уездных ярмарках, где таможен нет, земского дьячка, при двух, ежели больше не случится, свидетелей»¹⁰⁰. Однако то, что мы сегодня называли бы нотариальной практикой, было уже очень широко распространено, т. е. почва для создания и развития нового правоохранительного института была готова.

Так, «маклеры» (по сути, исполнявшие уже в чистом виде нотариальные функции) официально появились в России ещё в 1717 г., но известный историк А. Г. Тимофеев замечает, что имеет смысл говорить о «существовании маклеров вообще

⁹⁸ 16,38 кг.

⁹⁹ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / Отв. ред. д-р ист. н., проф. Е. И. Индова. – М., 1987. С. 474–475, 492.

¹⁰⁰ Там же. С. 428.

и до 1717 года»¹⁰¹. Регламент Главного магистрата (1721 г.) так определяет функции маклера: «Никакие договоры в торгах без оных не утверждаются».

С другой стороны, «публичный нотариус» в «Вексельном уставе» фигурирует как лицо, работающее в «знатном» городе при порту или бирже. На момент составления «Устава» биржа существовала в России только в Санкт-Петербурге, а биржевое дело развивалось чрезвычайно медленно. Только в конце XVIII в. «принимались меры к устройству биржи в Москве», а провинциальные биржи появляются в крупных торговых городах вообще лишь со 2-й трети XIX в. К примеру, всероссийский центр хлебной торговли город Рыбинск Ярославской губернии обзавёлся собственной биржей лишь в 1842 г.; его на 8 лет опередил Кременчуг (где биржа открылась в 1834 г.), а третьим провинциальным городом с собственной биржей стала Одесса (1848 г.). С того же 1848 г. на время знаменитой Нижегородской ярмарки начала работать биржа в Нижнем Новгороде. К тому времени за лицами, совершавшими торговые операции на бирже, уже прочно закрепились специальные наименования «посредников, маклеров и коммиссионеров»¹⁰². В Ярославле вопрос об открытии биржи был решён только в 1908 г.: «8 февраля в помещении Городской Думы состоялось собрание ярославского купечества. Разбирался важный для Ярославля вопрос об устройстве биржи. Собрание было весьма оживлённое, произносились речи, доказывающие необходимость устройства биржи в Ярославле. Среди купцов давно возникла эта мысль, ибо вопрос о бирже – больной вопрос, но мысль всё как-то не могла найти исхода»¹⁰³.

С целью скорейшего развития института регистрации и надлежащего оформления сделок 15 апреля 1762 г. был опубликован «Указ о маклерах», предусматривавший создание «в тех губерниях, провинциях и прописных городах, где знатные торги и вексели есть» маклерских контор и назначение маклеров из купцов¹⁰⁴. Здесь мы снова наблюдаем смешение терминов: «Вексельный устав» 1729 г. применительно к операциям, совершаемым с векселями, чаще оперировал термином «публичный нотариус».

Развитие института нотариата неуклонно продолжалось при Екатерине II. «В 1775 году в России нотариальные функции были возложены на суды. Крепостные акты того времени происходили и фиксировались в особых отделениях палат гражданских или уездных судов. Все сделки подразделялись на явочные и крепостные. Крепостной порядок предусматривал совершение сделок, связанных с куплей-продажей недвижимости и крепостных крестьян. Подобные сделки, для придания им значительности и важности, совершались и оформлялись в присутствии суда. Документы проверялись на правильность оформления, регистрировались в крепостной книге и с данного момента приобретали юридическую силу. Что же касалось явочных сделок, то церемониальность тут отсутствовала, факт сделки просто фиксировали в той же крепостной книге»¹⁰⁵. Этот поря-

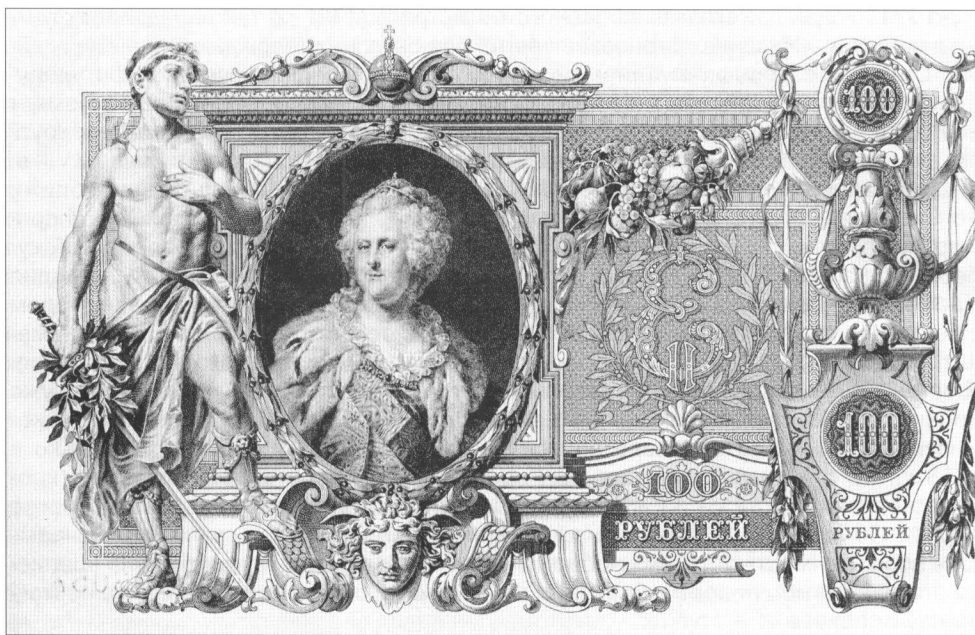
¹⁰¹ Тимофеев А. Г. История Санкт-Петербургской биржи. – СПб., 1903. С. 13.

¹⁰² Биржа // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1891. – П/том 6. С. 880, 881.

¹⁰³ Биржа в Ярославле / Смирнов Р. О чём писали «северяне» 100 лет назад // Северный край (Ярославль). 2008. 9 февраля.

¹⁰⁴ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 5. С. 475.

¹⁰⁵ Возникновение и история нотариата. (<http://www.moslaws.ru/articles/detail/26/>).



Екатерина II Великая – просветительница. Изображение на дензнаке в 100 рублей образца 1910 г.

док – заверение в суде нотариальных актов – сохранится в России и в дальнейшем.

Расширялся и перечень специализаций маклеров-нотариусов. В «Уставе благочиния или Полицейском» 1782 г. уже указаны отдельно «частный маклер» (в компетенцию которого входило оформление всех сделок с недвижимостью, включая сдачу в наём, а также регистрация строительства и сноса домов и иных построек) и «маклер слуг и рабочих людей» (занимавшийся составлением и регистрацией, в современных терминах, трудовых договоров). Все маклеры были обязаны вести «частные книги» для записи заключаемых у них договоров, ревизию книг «во всякое время» имел право осуществлять полицейский: частный пристав или квартальный надзиратель¹⁰⁶. Разрешалось нанимать слуг и рабочих и без регистрации у маклера, но в этом случае участники договора «при споре или ссоре между ними о служении, работе или платеже, не могут ожидать никакого пособия от управы благочиния и ей подчинённых и просьба о том да не приемлется в словесном суде», а «наёмного слугу или рабочего человека, не записанного в маклерскую книгу, городничий имеет право выслать из города, равномерно и исправник из уезда».

В целом к концу 1770-х гг. нотариальные функции выполняли 4 вида государственных органов:

1. Публичные (городовые) нотариусы;

¹⁰⁶ Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 5. С. 362.

2. Биржевые маклеры, гоф-маклеры, биржевые нотариусы, корабельные маклеры;

3. Узкоспециализированные маклеры: частные, цеховые, слуг и рабочих людей и т. д.;

4. При полном отсутствии в местности каких-либо маклеров или нотариусов – таможенные чиновники, становые приставы, словесные суды, ратуши, думы, магистраты, управы благочиния¹⁰⁷.

В этих условиях и началось становление и развитие ярославского нотариата.

¹⁰⁷ Смыкалин А. С. Нотариат Челябинской области. XVIII–XXI веков. – М., 2007. С. 9.

«ДАБЫ ГУБЕРНИЯ ПОРЯДОЧНО МОГЛА БЫТЬ УПРАВЛЯЕМА»

Становление ярославского нотариата (1777–1825)

К 1770-м годам Ярославль оставался одним из крупнейших, но вместе с тем сугубо провинциальным городом. Во время своего путешествия по Волге в 1768 г. Екатерина II заметила, что местные города «прекрасны по ситуации (месту расположения. – А. К.), но мерзостны по постройкам», а сопровождавший императрицу В. А. Орлов (младший брат фаворита Г. А. Орлова), заметил, что в Ярославле «строения дурны, все почти крестьянские дома, улицы тесны, вымощены досками»¹⁰⁸.

Ситуация с правопорядком в городе также была далеко не на высоте – ярославские власти не могли даже заставить местных жителей убрать с улиц города своих животных и птицу. Л. Н. Трефолев записал такую городскую бывальщину о тех временах: «По городу в летнее время бродил домашний скот – немощёные улицы и площади, покрытые травой, давали коровам и лошадям отличный подножный корм. Для преследования скота полицейское начальство установило специальную должность. Её занял капрал Василий Шишкин – грозный бич четвероногих врагов, особенно свиней и собак. От свиней народу, а паче малым детям опасность великая есть, негодовал магистрат, и подтвердил упомянутому капралу ловить скот, хозяев же сего скота вразумил, что они за сии предрезности и государственным правам провинности будут телесно истязаны в магистрате... но, несмотря на эту меру, грязные животные всё-таки чинили предрезности и противности, ибо им отлично жилось во грязях, которыми изобиловал богоспасаемый град Ярославль»¹⁰⁹.

Аналогичные нарушения происходили и в сфере имущественного права. «Рассказывают, что ярославцы серьёзно боролись с купцами других городов и старались не допускать их на ярославский рынок. Дело доходило до курьёзов. Один астраханский купец вознамерился торговать в Ярославле рыбой – рыба была арестована городскими властями»¹¹⁰.

Исправлять ситуацию в Ярославском крае Екатерина Великая поручила одному из наиболее талантливых администраторов своей эпохи – Алексею Петровичу Мельгунову. Именным рескриптом императрицы от 23 марта 1777 г. он был назначен руководить Ярославским наместничеством, созданным 28 февраля того же года. Примечательно, что, получив это назначение, А. П. Мельгунов первым делом

¹⁰⁸ Дутов Н. В. История Ярославского края в лицах: Пётр I, А. П. Мельгунов. – Ярославль, 2007. С. 47–48.

¹⁰⁹ Цит. по: Бородин А. В. Ярославские легенды, предания, бывальщины. – Ярославль, 2008. С. 28.

¹¹⁰ Там же. С. 74.

продал всю свою недвижимость в Петербурге и Москве, чем подал ясный сигнал, что окончательно переезжает в Ярославль¹¹¹.

За короткое время город был благоустроен как внешне («вместо кривых улиц и непроходимой грязи в центральных кварталах появились широкие прямые улицы и новые каменные здания»¹¹²), так и в плане организации местного управления. В частности, «А. П. Мельгунов смог внести некоторые улучшения в деятельность местных судов, прославившихся своим мздоимством и проволочками. Новые присутственные места уничтожили прежнюю обстановку воеводских канцелярий и лучше справлялись с задачами административного управления»¹¹³. Когда в 1785 г. была проведена сенатская ревизия Ярославского наместничества, то ревизоры в итоговом докладе императрице отметили: «Присутственные места все устроены и находятся в действии. Высочайшие учреждения (законы. — А. К.) исполняются и обряд канцелярский сохраняется во всех частях с лучшим успехом. ...Течение дел сохраняется во всех частях порядочно, так же, как спокойствие, тишина и видимое народное довольствие»¹¹⁴.



Д. Г. Левицкий. Портрет А. П. Мельгунова.
Около 1784 г.

¹¹¹ Дутов Н. В. Указ. соч. С. 47.

¹¹² Ярославские губернаторы. 1777–1917. Историко-биографические очерки / В. М. Марасанова, Г. П. Федюк; отв. ред. А. М. Селиванов. — Ярославль, 1998. С. 27.

¹¹³ Там же. С. 28.

¹¹⁴ Цит. по: Ярославские губернаторы... С. 96, 97.

15 мая 1783 г. в соответствии с «Уставом Благочиния или Полицейским» в Ярославле открылась местная Управа благочиния, а сам город был разделён на 3 т. н. «части» (района), каждая из которых, в свою очередь, разбивалась на 3 квартала. Деление происходило по числу жителей: в части должно было находиться от 200 до 700 домов, в квартале – 50–100 домов. Для управления этими территориально-административными единицами привлекли чиновников различных профилей деятельности, в т. ч. и специалистов по гражданскому праву: в частности, при Управе работали пристав гражданских дел и его заместитель. Что примечательно – заместителя пристава на 3 года избирали сами горожане, что ограничивало должностные злоупотребления¹¹⁵.

* * *

По всей видимости, именно с середины 1780-х гг. можно говорить и о ярославском нотариате. Самые ранние документы, относящиеся к нотариальной деятельности, сохранившиеся в ярославских архивах, относятся к середине 1790-х гг., но их анализ позволяет предположить, что именно с учреждением в Ярославле Управы благочиния появляется и институт нотариата в привычном нам виде.

После разбивки города на «части» оформился принцип закрепления за нотариусом определённой территории. В каждой «части» имелся свой маклер, регистрировавший сделки с недвижимостью, осуществлявшиеся в границах этой административно-территориальной единицы. Сохранилась, например, «Книга, данная из Ярославской городской общей Думы для записки, по силе Устава Благочиния 179-й статьи, 1-й части маклеру Николаю Мельникову»¹¹⁶.

С течением времени поменялось название контролирующего органа, а территория ответственности маклера сохранялась: об этом свидетельствует, например, «Книга, данная из Ярославской городской шестигласной Думы Ярославля 3-й части маклеру Семёну Дудову для записки, по силе Полицейского Устава 179-й статьи, по оной же части письменных договоров» за 1810 г.¹¹⁷.

Анализ текстов подобных книг позволяет говорить о том, что «частные маклеры» не только по Уставу Благочиния, но и на практике занимались исключительно составлением и фиксацией актов о купле-продаже и аренде недвижимости. Вот несколько выдержек из «Книги, данной из Ярославской городской шестигласной Думы 2-й части маклеру Фёдору Аршукову для записки письменных договоров» 1799 г.: «1799 года генваря (января. – А. К.) 1-го дня Ярославский посадский Иван Егоров Кононов отдал я Ярославскому купцу Ивану Андрееву сыну Рубцову собственно мне принадлежащую каменную свою лавку двухместную, состоящую в Ярославле подле стены Спасского монастыря под № 10-м и при оной имеющуюся позади кладовую палатку да под оной погреб – в содержание для торгопроизводства от сего числа впредь на четыре года. Ценою за каждый год по десяти рублей, которые получать мне, Кононову, от него, Рубцова, в начале каждого года, а в случае кто по чему-либо станет вступаться

¹¹⁵ Подробнее см.: Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 85. Оп. 1. Предисловие. С. 1–3.

¹¹⁶ См.: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 33.

¹¹⁷ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 260.

во оную (предлагать сдать лавку ему в аренду. – А. К.), то мне, Кононову, от вступщиков в то четырёхлетнее содержание до настоящего срока его, Рубцова, очищать (отказывать в аренде на срок действия договора с Рубцовым. – А. К.) и убытка в том ему никакого не доставлять»¹¹⁸.

Также из нотариального делопроизводства тех лет следует, что уже сложилась практика заключения договора аренды или купли-продажи недвижимого имущества строго по месту нахождения этого имущества. Так, тот же маклер Ф. Аршуков зафиксировал договор аренды «московским третьей гильдии купцом Иваном Фёдоровым сыном Исаевым» у «ярославского посадского Фёдора Иванова сына Сапегина» жилого дома, а «ярославской городской Никитской церкви священник Николай Иванов» продал свой старый дом «санкт-петербургскому купцу Николаю Петровичу Кувшинникову со товарищи»¹¹⁹.

Составляемый маклером договор, как правило, предусматривал все нюансы сделки и служил хорошей гарантией сохранности имущества. Так, например, в 1810 г. «ярославский посадский Игнатий Петров сын Бельшев» сдал «посадскому Прокофию Вавилову» в аренду на 5 лет участок «садовой земли» – «с тем, чтобы ему, Вавилову, на оной земле пашню во всё то время производить, а по прошествии того времени сдать оную землю в исправности, а не запустевшую»¹²⁰. В том же году «Ярославского уезда вотчины господина помещика Михаила Андреевича Власьева деревни Головина крестьянин Николай Иванов сын Горшков» взял в аренду у «ярославского посадского» П. В. Ерыкалова постоянный двор «в 3-й части в Троицкой слободе»: арендатор обязывался «во время содержания жительство иметь добропорядочно, иметь у себя работников с указными паспортами, а без паспортов или подозрительных людей у себя не держать». В случае, «если от неусмотрения моего или неосторожности моей что противное законам учинится, то мне всё самому собой ответствовать во всём, а его, Ерыкалова, не доводя ни до каких ответов»; по отношению к имуществу Ерыкалова «во время моего жительства всякую иметь чистоту и хранить от опасных случаев, паче же от огненного загорания»¹²¹.

В целом «частные маклеры» не сидели без работы: ярославцы достаточно активно покупали и продавали земельные участки и недвижимость и сдавали их в аренду. Например, в целом маклер Ф. Аршуков за 1799 г. оформил 82 договора – при том, что, как мы помним, в «части» находилось от 200 до 700 дворов. В 1796 г. в 1-й «части» Ярославля маклер Н. Мельников зафиксировал за год 128 сделок¹²². Впрочем, время от времени случались и значительные спады активности заключения сделок с недвижимостью: так, за весь 1805 г. маклер 3-й «части» г. Ярославля И. Абрамов оформил всего лишь 23 договора¹²³.

Вместе с тем, нетрудно подсчитать, что подобная деятельность не приносила значительных доходов. За оформление договора маклеру по закону, как мы помним, полагалось вознаграждение в 1/4 процента от суммы сделки. Дома в те годы покупались и продавались в Ярославле, если судить по сохранившимся догово-

¹¹⁸ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 222. Л. 2.

¹¹⁹ Там же. Л. 5, 2 об.

¹²⁰ Там же. Д. 260. Л. 2.

¹²¹ Там же. Л. 3.

¹²² ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 33. Л. 79.

¹²³ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 221. Л. 14 об.

рам, по цене от 100 до 200 руб. (избы на посадке), аренда дома или лавки стоила около 10 руб. в год – т. е. вознаграждение маклера за совершение сделки редко превышало 1 руб., а чаще не достигало и 50 коп.

Поэтому многие нотариусы занимались одновременно и оформлением других видов договоров. Например, уже упоминавшийся нами «частный маклер» Н. Мельников одновременно выступал в 1790-х гг. и «маклером слуг и рабочих людей». Выданная ему на 1795 г. книга («Книга, данная из Ярославской городской общей Думы маклеру слуг и рабочих людей Николаю Егорову Мельникову для записки в текущем 1795 г. подлежащих договоров»¹²⁴) позволяет предполагать, что нотариус, фиксировавший сделки подобного рода, обслуживал в одиночку весь город, а не отдельную его «часть». Об этом же говорит и число зафиксированных сделок – в 1795 г. маклер Мельников оформил в общей сложности 202 договора.

Суммы этих актов, как правило, были более значительными – ярославцы, не взирая на предупреждение «Устава Благочиния» о том, что договоры, не зарегистрированные у маклера, юридической силы не имеют, оформляли на бумаге только самые крупные и важные заказы на работу. Так, священник церкви села Лахость предпочёл официально зарегистрировать контракт с мастером Меркурием Столяровым, который за 600 руб. подрядился полностью вызолотить церковный иконостас сусальным золотом, а владелец одного из кирпичных заводов в ярославской Коровницкой слободе юридически зафиксировал сделку с помещиком Змейковым, разместившим заказ на изготовление 30 тыс. шт. кирпича по 3 руб. 50 коп. за тысячу штук, т. е. сумма акта составила 105 руб.¹²⁵

Особым видом нотариальной деятельности была регистрация контрактов на перевозку грузов по рекам. В архивах сохранилась, например, «Книга, данная из Ярославской городской шестигласной Думы маклеру Никите Проскуракову для записки по силе Устава о купеческом водоходстве 168-й и 169-й статей письменных договоров» на 1802 год¹²⁶.

Этот род нотариальных услуг был, пожалуй, наименее всего востребован в Ярославле. «Золотой» для местного купечества XVII век к моменту начала екатерининской административно-территориальной реформы навсегда остался в прошлом. Так, сенаторы, осуществлявшие ревизию Ярославской губернии в 1785 г., отметили, что в губернском городе «богатого купечества, кроме фабрикантов, не усмотрено»¹²⁷. Согласно «Книге сборов с купцов», в 1802 г. в Ярославле этим родом деятельности занимались в общей сложности 172 человека, из которых к первой гильдии относился только один, Алексей Ильич Красильников¹²⁸. Незначительные объёмы торговли и обуславливали слабую востребованность услуг грузового судоходства в «городе на Волге». Так, за весь 1802 год маклер Проскураков зафиксировал всего 60 подобных договоров, а пик его деятельности пришёлся на октябрь и ноябрь, когда были юридически оформлены соответственно 13 и 10 контрактов на грузовые перевозки по воде¹²⁹.

¹²⁴ См.: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 30.

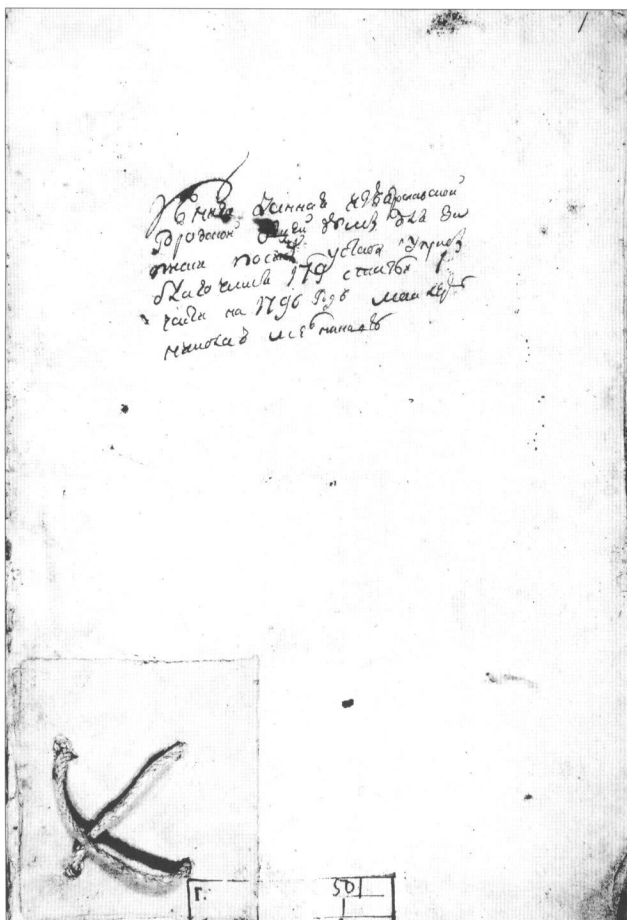
¹²⁵ См.: Там же. Л. 44, 58 об.

¹²⁶ См.: Там же. Д. 73.

¹²⁷ Ярославские губернаторы... С. 97.

¹²⁸ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 66. Л. 19 об., 2.

¹²⁹ Там же. Д. 73. Л. 35.

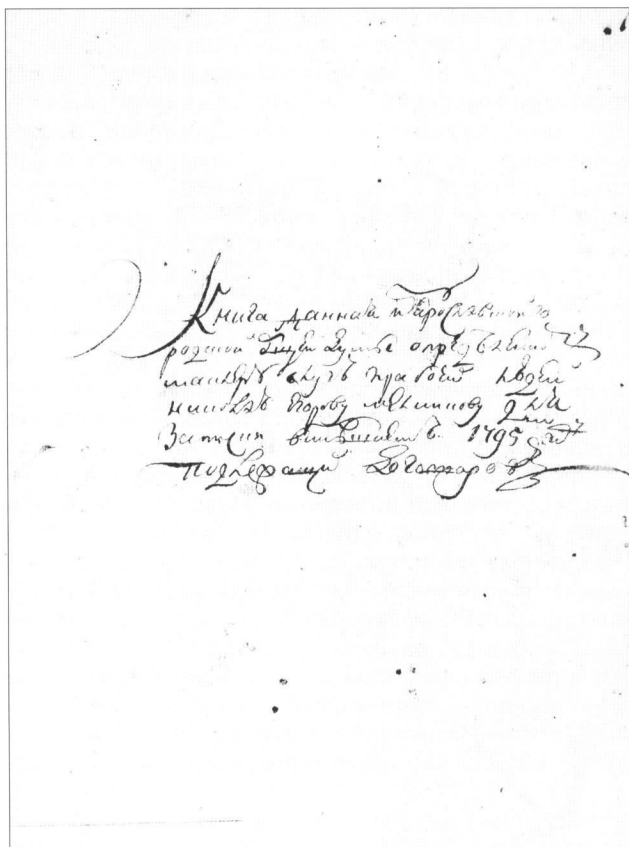


Титульный лист «маклерской книги» ярославского нотариуса Н. Е. Проскурякова, выданной из Ярославской городской думы на 1796 г.

Суммы актов также были относительно невелики: так, например, в мае 1802 г. «ярославский посадский» Семён Белугин обязался доставить в Санкт-Петербург грузы купцов Кузнецова и Кривошеева общей массой 493 пуда, за что Кузнецов должен был заплатить 65 рублей, а Кривошеев – 85 рублей¹³⁰. Нетрудно подсчитать, что с акта ценой в 150 руб. маклеру полагалось, исходя из расценки в 1/4 процента, 37 1/2 коп. вознаграждения – между тем, в мае за весь месяц было оформлено всего 2 договора.

Маклер, оформлявший контракты на перевозки по воде, также был один на весь город.

¹³⁰ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 73. Л. 13.

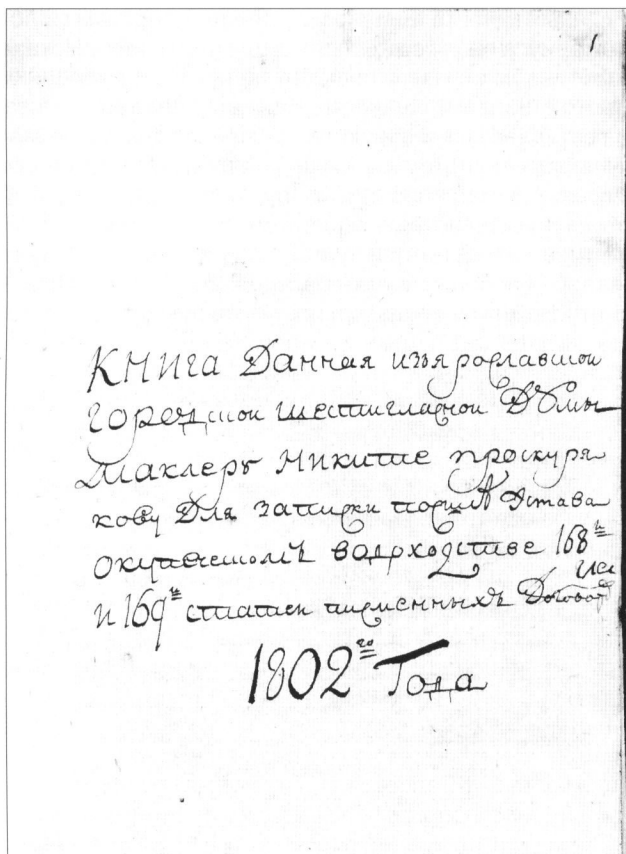


Титульный лист «Книги маклера слуг и рабочих людей»
Н. Е. Проскурякова на 1795 г.

К рубежу XVIII–XIX вв. в Ярославском крае появились и собственно нотариусы, но в те годы этим словом называли (видимо, продолжая следовать традициям «Вексельного устава» 1729 г.) юристов, специализировавшихся на регистрации векселей. Любопытно, что такие специалисты появились в первую очередь в уездных городах – так, одним из первых сохранившихся документов, где фигурирует термин «нотариус», является «Книга, данная из Ярославского губернского правления на записку векселей правящему в городе Ростове должностному публичному нотариусу тамошнего городского магистрата коллежскому секретарю Николаю Гвоздеву» 1798 г.¹³¹

Надо заметить, что, если судить по размерам получаемого вознаграждения, то именно нотариусы имели наибольшее вознаграждение за свой труд. Например, ростовский нотариус Гвоздев в течение 1798 г. зарегистрировал 207 векселей,

¹³¹ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 239.



Титульный лист книги для записи договоров «о купеческом водоходстве» на 1802 г.

т. е. совершил в 2–3 раза больше актов, чем ярославский частный маклер в те же годы. К тому же, в среднем сумма одного акта была от 200 до 1000 рублей, а однажды был зарегистрирован вексель на 3300 руб. – легко подсчитать, что с одной этой регистрации Гвоздев заработал 8 руб. 25 коп. (при том, что, к примеру, судейский переписчик бумаг в те годы получал официального жалованья 2 руб. 63 коп. в месяц¹³²). Векселя на сумму менее 50 руб. были редким исключением из правила: так, ростовский нотариус в 1798 г. зафиксировал всего 3 таких документа: на 10 руб., на 14 руб. 65 коп. и на 15 руб.¹³³

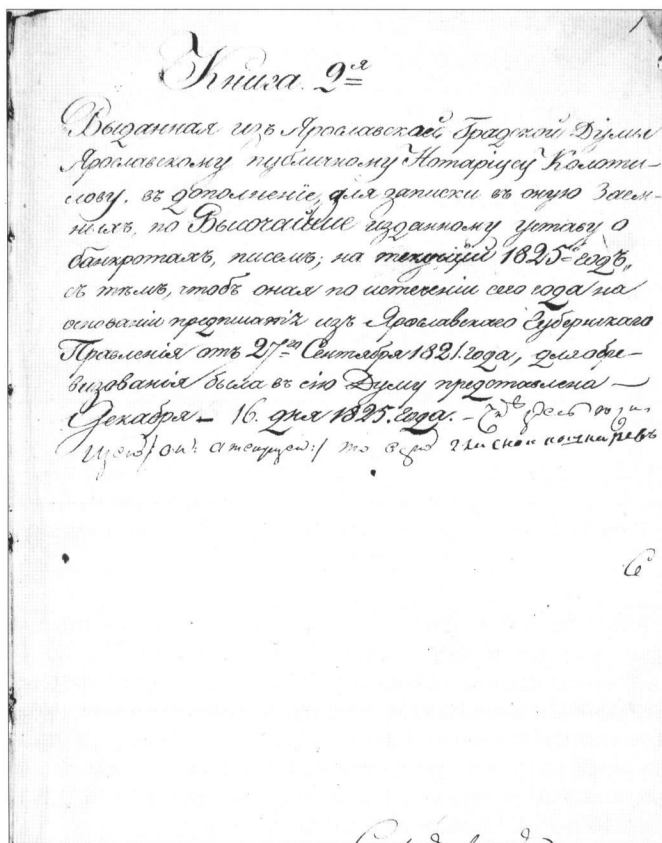
Ко всем без исключения регистраторам имущественных прав и сделок разного рода предъявляли строгие требования. «Кандидатами становились прошедшие конкурс чиновники с учётом их послужного списка, отзывов начальства, непороч-

¹³² Романов С. Готовьте Ваши денежки. Взятничество в России. – М., 2002. С. 93.

¹³³ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 239. Л. 4 об., 60, 91.

ности службы и личных качеств. Купеческое сообщество выбирало одного из них, а на должность нотариуса он утверждался городским главой. Нотариус обязан был дать присягу, в противном случае он не допускался к отправлению должности»¹³⁴.

Не менее строгой была и отчётность. Каждому маклеру и нотариусу выдавалась для записи составляемых и фиксируемых им актов особая книга (т. н. «нотариусская» или «маклерская»), имевшая целый ряд степеней защиты от фальсификаций и приписок. Так, первоначально (примерно к середине XIX в. от подобной практики отказались) «нотариусские книги» состояли из листов гербовой бумаги (в частности, в книгах нотариусов Ярославского края в качестве водяного знака использовалось изображение герба Ярославского наместничества). Листы нумеровались в строгой последовательности, после чего в левом нижнем углу



Титульный лист дополнительной «нотариусской книги»
ярославского нотариуса Колотилова на 1825 г.

¹³⁴ История юридической регламентации нотариальной деятельности в России. (<http://www.allpravo.ru/diploma/doc4259p0/instrum6370/item6372.html>).

книга прошнуровывалась, а связанные вместе концы шнура запечатывались сургучной гербовой печатью. Но и этим не ограничивались: чиновник, непосредственно выдававший книгу маклеру или нотариусу, подписывал каждый лист, проставляя на нём определённый слог из длинной надписи. Например, один из депутатов Ярославской городской Думы, выдавший в 1805 г. маклерскую книгу ярославскому маклеру И. Абрамову, последовательно подписывал её листы: «Гла – сной – Афа – на – сей – Ико – нни – ко – въ». На обороте последнего листа указывалось общее число листов в книге, причём незаполненные листы при этом вырезались. В конце года книгу надлежало сдать в Думу или иной государственный орган, выдавший её, «для обревизования».

На рубеже XVIII–XIX вв. «нотариусы считались государственными чиновниками, но права на производство в чины не имели, жалованья не получали, дисциплинарной ответственности подлежали наравне с другими чиновниками. Все их действия признавались публичными, санкционированными государством»¹³⁵. «По силе Высочайшего манифеста, состоявшегося в 24-й день ноября 1821-го года» с каждого листа, подшивавшегося в книгу, нотариус был обязан заплатить казне пошлину в 50 коп.¹³⁶ Несомненно, это тормозило развитие нотариального дела: немногие брались выполнять низкооплачиваемые нотариальные функции при подобных государственных пошлинах на деятельность по регистрации правовых отношений.

Другой причиной медленного проникновения нотариата в юридическую практику, особенно в губернских городах, была, фигурально выражаясь, «близость к власти», а точнее – возможность юридически фиксировать сделки с недвижимостью и иные документы, касающиеся имущественных прав, в специальных «столах» (отделах) тех же городских дум или магистратов. Лица, совершавшие сделки разного рода, в любом случае были обязаны посетить эти властные органы – для окончательной фиксации заключённого договора. Так, например, все купчие на дома и землю, совершавшиеся в начале XIX в. в Ярославле, надлежало заносить в «Городовую обывательскую книгу», которая велась в городской Думе¹³⁷. Эта юридическая услуга также была платной: прошения о внесении сведений в книгу надлежало подавать только на гербовой бумаге; в 1804 г. один лист такой бумаги для подачи подобного рода ходатайств стоил 30 коп. Неудивительно, что многие предпочитали не ходить «лишний раз» к нотариусу или маклеру, а сходить единожды в Думу, где можно было сразу и зарегистрировать сделку, и подать прошение об её окончательной государственной регистрации.

Одним из первых сохранившихся документов, относящихся непосредственно к г. Ярославлю, в которых фигурирует термин «нотариус», стала 2-я (дополнительная, выданная после полного заполнения предыдущей) «Книга... выданная из Ярославской градской Думы Ярославскому публичному нотариусу Колотилову... для записки в оную заёмных, по Высочайше изданному уставу о банкротах, писем»¹³⁸. Сам по себе «Устав о банкротах» был опубликован ещё 19 декабря

¹³⁵ История юридической регламентации нотариальной деятельности в России. (<http://www.allpravo.ru/diploma/doc4259p0/instrum6370/item6372.html>).

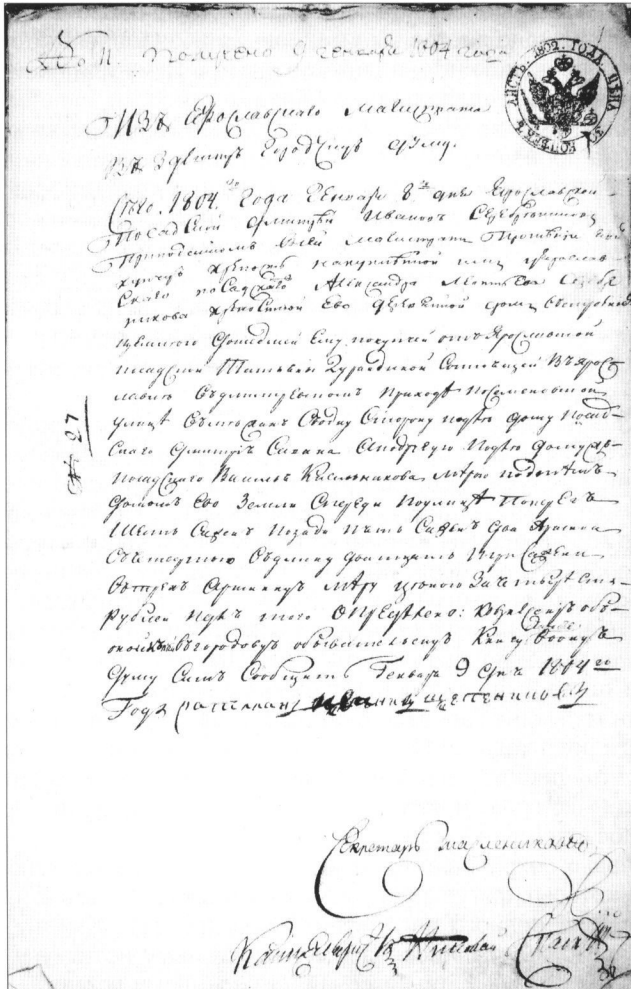
¹³⁶ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 344. Л. 4 об.

¹³⁷ См. напр.: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 84.

¹³⁸ См.: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 344.

1800 г.¹³⁹ — этот факт наглядно свидетельствует, что развитие нотариата в Российской империи происходило в тот период с задержками.

Уже из названия «Книги...» видно, что по-прежнему сохраняли свою силу «дух и буква» «Вексельного устава» и иных нормативных документов начала-середины XVIII в., согласно которым под «нотариусом» понимался не юрист,



Ходатайство Ярославского городского магистрата по частному делу, написанное на листе гербовой бумаги в 30 коп. 1804 г.

¹³⁹ Подробнее см.: Законодательство императора Павла I / Сост. В. А. Томсинов. — М., 2008. С. 177–231.

занимавшийся регистрацией имущественных прав «в целом», а узкоспециализированный чиновник – регистратор векселей и заёмных писем (долговых расписок).

На этом фоне особенно любопытной выглядит суть деятельности нотариуса, прочитываемая «между строк» составлявшихся им бумаг. Так, 17 декабря 1825 г. ярославский нотариус Колотилев зафиксировал типовое заёмное письмо, данное купцом Б. И. Нелднером коллежскому асессору П. Н. Сумарокову в том, что Нелднер одолжил у Сумарокова 2000 руб. «за указанные проценты сроком впредь на год». «А буде чего не заплачу, – подписывался купец, – то волен он, господин Сумароков, просить о взыскании и поступлении по законам (т. е. о привлечении Нелднера к уголовной ответственности за мошенничество – А. К.)»¹⁴⁰. Нотариус, фиксируя сделку, как бы выступал гарантом того, что прибегать к «поступлению по законам» всё-таки не придётся. Несколько позднее из подобных ситуаций родится афоризм о нотариате: «У судьи спорят – у нотариуса соглашаются».

Таким образом, мы видим, что, несмотря на все многочисленные, и, главным образом, весьма успешные попытки Екатерины II, её приближённых и последователей упорядочить российское законодательство, основные негативные тенденции всё-таки не были преодолены. Единой системы законов (в т. ч. и регулирующих гражданское право в целом и имущественные права в частности) создано не было. Одни и те же функции регистрации имущественных прав выполняли несколько различных служб (нотариусы, маклеры разного рода, чиновники городских Дум и магистратов). Деятельность нотариусов очень скудно оплачивалась при одновременном жёстком контроле за ней, что негативно сказывалось на качественном составе российского нотариата тех времён.

Однако, несмотря на все очевидные трудности, именно в этот период были заложены основы российского нотариата в его современном виде. Для развития и совершенствования нотариальной системы требовалось теперь единое, систематизированное законодательство. Задачу его создания взял на себя пришедший к власти в 1825 г. император Николай I.

¹⁴⁰ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 344. Л. 1 об.

«ВОТ ТЕБЕ МОЯ ИНСТРУКЦИЯ»

Развитие ярославского нотариата (1825–1866)

Сменивший на троне Александра I его брат Николай по сей день остаётся одной из наиболее противоречивых фигур русской истории. Это касается всех сфер его деятельности, включая и законодательную. Не лишена оснований, например, хвалебная оценка, озвученная экспертом РИА «Новости» П. Романовым: «Будучи консерватором, император вовсе не был чужд реформам, возмущался крепостным правом. Однако считал опасным отменять его сходу, не подготовившись к этому шагу серьёзно. Если декабристы считали, что Конституция сама собой решит все проблемы, поэтому практически не занимались технологией решения этой проблемы, Николай, наоборот, проделал огромную черновую работу, создав массу специальных комиссий по крестьянскому вопросу. Нарботки именно этих комиссий позже использовал его сын, „Царь-Освободитель“ Александр Второй. То же касается судебной реформы. По поручению Николая Первого блистательный Сперанский проделал огромную работу, сведя, наконец, воедино беспредельно хаотичное для того времени российское законодательство. Изданный при Николае „Свод законов“ и сделал возможным проведение судебной реформы всё того же Александра Второго»¹⁴¹.

С этой оценкой соглашаются и виднейшие современные историки. Так, знаменитый специалист по социальной истории России Б. Н. Миронов пишет прямо: «До 1832 г. в России не было специального кодекса гражданского права. ...Свод законов 1832 г., регулярно пополняясь новыми нормами, оставался главным источником гражданского права вплоть до конца императорского режима»¹⁴².

В действительности всё было несколько сложнее. «Свод законов Российской Империи», подготовленный М. М. Сперанским к январю 1833 года, представлял собой «систематическое собрание действующих в России законов, явившееся результатом неудач кодификационных попыток, которые делались в России с начала XVIII века». Император Николай I был убеждён, что «те неудобства и злоупотребления при отправлении правосудия, которые проистекали от накопления чрезвычайного множества противоречивых указов, скорее всего могут быть устранены приведением в известность действующего законодательства, т. е. изданием систематического свода действующих законов с исключением всего, потерявшего силу, но без всяких изменений в существе постановлений, её сохранивших»¹⁴³.

¹⁴¹ Осторожно, история! (<http://www.echo.msk.ru/programs/att-history/693922-echo/>).

¹⁴² *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX вв.). Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб., 2003. – Т. 2. С. 38, 39.

¹⁴³ Свод законов // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1900. – П/том 57. С. 193.

Создавая «Свод...», М. М. Сперанский использовал ряд принципов, которые должны были способствовать созданию чёткой системы законодательных актов:

1. Исключать все законы, вышедшие из употребления, т. е. отменённые позднейшими узаконениями.

2. Вместо многих актов, касающихся одного и того же вопроса, сохранять только один, в котором вопрос освещался бы наиболее полно.

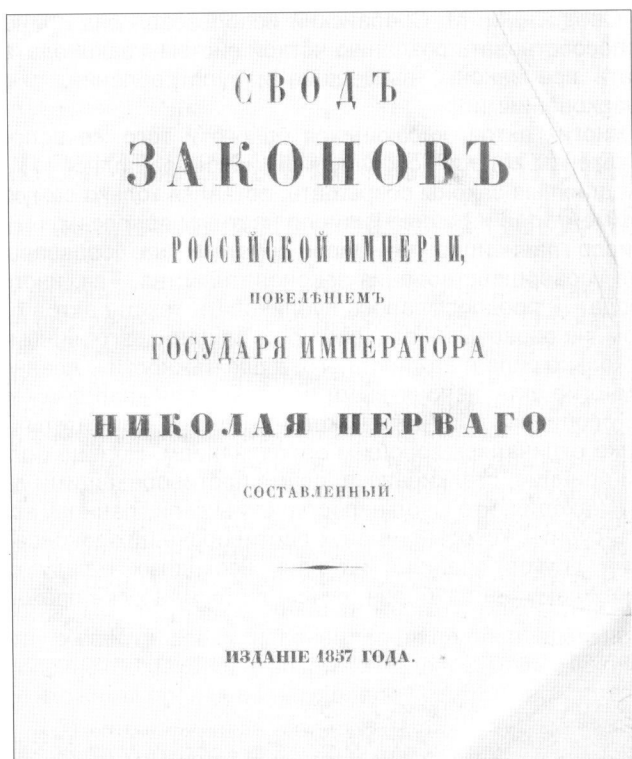
3. Слишком длинные законы сокращать, оставляя только самую суть и убирая дополнения, комментарии и разъяснения по частным вопросам.

Однако в число главнейших принципов попали и два, создававшие громадные препятствия для усовершенствования законодательства. Так, инструкцией по составлению «Свода...» предписывалось публиковать тексты актов слово в слово с первоисточником, не осовременивая их, «ибо в законе драгоценны не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности – древность». Это сразу же сделало многие акты непонятными не только для «простых» читателей, но и для юристов и, особенно, для чиновников – «низшие служители» канцелярий и учреждений редко отличались хорошим образованием. Но ещё более необдуманым был второй принцип: сталкиваясь с двумя противоречащими друг другу актами, Сперанский «находил, что Свод переступил бы свои границы, если бы составители его взялись судить, который из двух противоречащих законов лучше. Поэтому он установил другое правило: из двух несходных между собою законов следовать позднему, не разбирая, лучше ли он или хуже прежнего»¹⁴⁴.



Образ Николая I и его эпохи на дензнаке в 50 рублей образца 1899 г.

¹⁴⁴ Свод законов // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1900. – П/том 57. С. 194.



Титульный лист I тома «Свода законов Российской империи», переиздание 1857 г.

Созданный в результате кропотливой работы «Свод законов Российской империи издания 1832 года» (таково было полное название этого кодекса, хотя в действие он вступил лишь с 1 января 1835 г., а в Сенате обсуждался в январе 1833 г.) поражал скорее своим объёмом. По оценке крупнейшего современного исследователя николаевской эпохи и личности императора Николая I Л. В. Выскочкова, «одновременно на столе (императора. — А. К.) было выложено 45 томов (считая приложения — 48 переплётов)». Государственное же управление улучшилось незначительно: «Институт самодержавия представлял собой громоздкую бюрократическую машину с далеко не простыми механизмами власти»¹⁴⁵.

Не нашлось достойных преемников и у Сперанского: министр юстиции в 1829–1839 гг. Д. В. Дашков «был превосходным судьёю и юристом, но никогда не был хорошим администратором, ещё менее — законодателем», а его более чем на 20 лет (1839–1861) сменил В. Н. Панин — «холодный и малодоступный»; «глава петербургских реакционеров, он был известен своими консервативными взглядами».

¹⁴⁵ Выскочков Л. В. Николай I. — М., 2003. С. 197, 151.

Само же Министерство юстиции в николаевскую эпоху, по отзывам современников, «было малозначимым»¹⁴⁶.

* * *

Превосходной иллюстрацией к той роли, которую сыграл «Свод законов...» в жизни Российской империи, может служить история развития законодательства об авторском праве, известная нам, в том числе, и по документам, оставшимся после великого ярославского поэта Н. А. Некрасова.

Николай Алексеевич был послан отцом, офицером, в Петербург для поступления в Дворянский полк, однако, едва попав в столицу, подал прошение о зачислении в университет, т. е. предпочёл военной карьере гражданскую. Это вызвало гнев отца, отказавшего 16-летнему сыну в материальной поддержке; Некрасов три года провёл в крайней бедности, если не сказать в нищете, «не каждый день имел возможность обедать на 15 копеек». Неудачными были и первые литературные опыты: опубликованная в журнале «Сын Отечества» подборка стихов «Первый опыт 16-летнего юного поэта» (1837) и изданный тремя годами позднее под псевдонимом «Н. Н.» сборник стихотворений «Мечты и звуки». С 1847 г. к обычным повседневным заботам добавились и расходы на основанный Некрасовым журнал «Современник».

Однако поэт вовремя и в целом верно определил свою «специализацию» — рассказчика о народных бедствиях — и уже в 1843 г., в 22-летнем возрасте, прославился стихотворением «Говорун». Благодаря сочетанию популярности Некрасова и его значительных денежных нужд на свет появился договор («Условие»), составленный в конторе московского нотариуса Варгина маклером Свешниковым (приводится в сокращении. — А. К.):

«1855 года июня 11 дня мы, нижеподписавшийся почётный гражданин и временно московской 1-й гильдии купец Кузьма Терентьев Солдатёнков и дворянин Николай Алексеев Некрасов, заключили между собою следующее условие.

1. Я, Некрасов, предоставляю Солдатёнкову право напечатать в числе двух тысяч четырёхсот экземпляров стихотворения мои, с моим, Некрасова, именем, по рукописи, данной мною ему при заключении сего условия, к каковой рукописи обязуюсь ещё сделать прибавление до тысячи строк моих же стихов к сентябрю месяцу сего года.

2. Заботы о возможно скором дозволении сей рукописи к печати лежат на мне, Некрасове, а все хлопоты и расходы по изданию принимаю на себя я, Солдатёнков.

3. По выпуске в свет книги Солдатёнков волен продавать её в свою пользу, по какой ему угодно цене, не обязываясь никакою отчётностью Некрасову.

4. Некрасов в течение двух лет со дня выхода в свет книги не имеет права печатать её вторым изданием, ни предоставлять кому-либо такое право.

5. Буде же по истечении сих двух лет он же, Солдатёнков, пожелает сделать второе издание книги, то Некрасов или его наследники обязаны сделать ему предпочтение пред другими издателями, если Солдатёнков даст ту же цену, какую будут предлагать другие, с возобновлением условия.

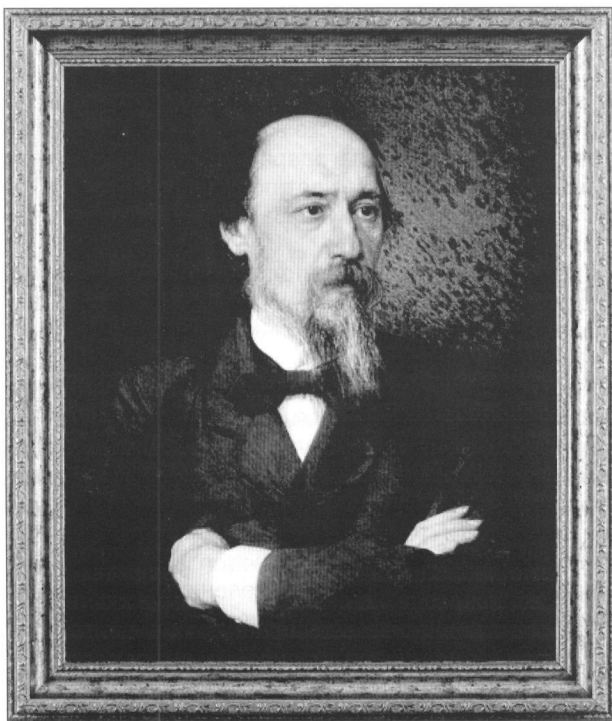
¹⁴⁶ Выскочков Л. В. Николай I. — М., 2003. С. 156, 157.

...Со своей стороны я, Солдатёнков, обязуюсь: за право издания в свет стихотворений на вышеописанных условиях заплатить Некрасову тысячу пятьсот рублей серебром при заключении сего акта.

Условие сие хранить с обеих сторон свято и ненарушимо. Солдатёнкову иметь подлинное, Некрасову – копию.

...1855 года июня одиннадцатого дня, в Москве, в Нотариальной конторе условие сие явлено и в книгу подлинником под № сорок пятым записано. В городской доход полупроцентные деньги приняты семь рублей пятьдесят копеек серебром и в приход того же числа расписаны. В сём свидетельствую с приложением казённой печати. За Нотариуса Варгина маклер *Свешников*»¹⁴⁷.

Документ интересен для нас не только сведениями о развитии нотариата в николаевскую эпоху. (Мы узнаём, например, что под термином «маклер» стали подразумевать помощника нотариуса, исполняющего его обязанности в отсутствие хозяина нотариальной конторы). Нотариальный акт, составленный маклером Свешниковым для Некрасова и Солдатёнкова, является также и важным документом по истории развития в России авторского права.



И. Н. Крамской. Портрет Н. А. Некрасова. 1877 г.

¹⁴⁷ Цит. по: Некрасов Н. А. Стихотворения 1856 / Отв. ред. Б. Ф. Егоров, сост. И. И. Подольская. – М., 1988. С. 237–238.

Впервые подобную проблему поднял летом 1827 г. А. С. Пушкин, написавший подряд несколько писем Бенкендорфу с просьбами защитить его права на созданные произведения. Великий поэт к тому времени уже имел печальный опыт как недоплаты за авторскую собственность, так и её хищения, оставшегося безнаказанным ввиду отсутствия законодательства об авторском праве. Так, в 1824 г. право издать знаменитую поэму «Кавказский пленник» выкупил у автора Н. И. Гнедич. «Он заплатил Пушкину пятьсот рублей и дал в придачу один печатный экземпляр, себе же положил в карман пять с половиной тысяч: книга имела огромный успех и разошлась очень быстро»¹⁴⁸. Три года спустя петербургский почтовый цензор Е. Ольдекоп и вовсе фактически украл знаменитое произведение у автора: он выпустил перевод «Кавказского пленника» на немецкий язык, в котором параллельно переведённому тексту шёл оригинальный текст Пушкина – как бы для того, чтобы читатели могли отдать должное качеству перевода. Оценить переводческие способности Ольдекопа захотели немногие, а вот прочесть поэму в оригинале – множество людей, книга разошлась очень быстро; поэту от доходов с её продажи не перепало ничего.

В итоге в конце 1827 г. всё-таки появился первый российский закон об авторском праве – «Положение о правах сочинителей». В знаменитом «Своде...» М. М. Сперанского этот акт занял унизительное для себя место: «Вошли в этот свод и законы по авторскому праву – в виде приложения ко второму примечанию к статье четырёхста двадцатой тома десятого. „Приложение к примечанию к статье“ – такого места удостоились в царском законе права русских писателей, публицистов, учёных. И права эти были под стать месту, которое они заняли в своде – мелкие, урезанные, формальные. И всё-таки они появились!»¹⁴⁹.

Ко времени заключения контракта между Солдатёновым и Некрасовым, как мы видим, изменилось немного: издатель покупал исключительные права на авторскую собственность, да ещё, фактически, и на неограниченный срок (для продления контракта ему достаточно было всего лишь предложить поэту ту же самую цену, что дают другие издатели).

Хотя внешне всё выглядело более чем благопристойно: К. Т. Солдатёнов имел славу «одного из самых прогрессивных людей своего времени»¹⁵⁰. Когда осенью 1855 г. «Современнику» стал угрожать финансовый крах, издатель сверх полутора тысяч, выплаченных Н. А. Некрасову по договору, выделил поэту ещё столько же на поддержку журнала и не стал торопить Некрасова с предоставлением «тысячи строк», которые поэт к сентябрю не написал – был поглощён решением финансовых проблем «Современника». Не умаляя достоинств К. Т. Солдатёнова, заметим: даже предоставив поэту дополнительные деньги, издатель ничуть не проигрывал в денежном отношении.

Дело в том, что книги в те времена сами по себе стоили очень дорого. Не удосужившись защитить права авторов, законодательство защитило их наследников, которые после смерти творца получали исключительное право на его литературное наследие сроком на 50 лет. И продавали его за огромные деньги: например, наследникам Пушкина было уплачено за право издавать сочинения великого поэ-

¹⁴⁸ Ваксберг А. И. Не продаётся вдохновенье. – М., 1990. С. 12.

¹⁴⁹ Там же. С. 22–23.

¹⁵⁰ Толстяков А. П. Люди мысли и добра. – М., 1984. С. 11.

та 250 000 руб. – цена роскошного имения под Москвой или Петербургом. Это не замедлило сказаться и на цене книг живых авторов: книги И. А. Гончарова продавались «по двадцать и более рублей», произведения И. С. Тургенева – по 15; пушкинский том невозможно было купить дешевле, чем за 10 руб.¹⁵¹.

Книжная торговля была одним из самых выгодных торговых промыслов и поэтому, в частности, была крайне популярна у ярославских торговцев «вразнос», «коробейников» (кстати сказать, фактически монополизировавших мелочную торговлю – трудно было найти коробейника не с Ярославской земли). Среди них даже появилась особая «каста» книгопродавцев: «Букинист уже и по своему наружному виду существенно отличается от других разносчиков. Одет он, правда, так же, как они, в суконный кафтан, большею частию синего цвета, и подпоясан кушаком; но разница, и весьма важная, доказывающая, что он по образованию стоит выше других разносчиков, заключается в его обращении, манерах, а также и в постриженной бороде. Поступь его, ухватки и разговор являют человека, понимающего важность торговли, которою он занимается, торговли, удовлетворяющей не суетным потребностям роскоши и не пошлым требованиям вседневной жизни, но высоким



Памятник Коробейнику («Офеня») в г. Екатеринбурге. 2006 г.

¹⁵¹ Ваксберг А. И. Не продается вдохновенье. – М., 1990. С. 25.

требованиям ума и души. Он не балагурит, а ведет себя тихо, скромно и с должною сану своему важностью»¹⁵².

Сохранилась полулегенда о ярославском книготорговце Иове Герасимове, умудрившемся сделать начальный капитал даже на испорченных книгах.

«Иов Герасимов начал торговать лубочными картинками, сказками и другими мелкими изданиями, а в 20-х годах (XIX в. – А. К.) он уже является самостоятельным и деятельным книжником. Так, когда после наводнения 7 ноября 1824 года в складе Синодальной типографии оказалось громадное количество попорченных водою книг, то он купил их более 10 возов за 100 рублей. „Все книжники, – рассказывал он, – боялись и подступиться к этим книгам, потому что многие из них совсем смочили и слезались, как кирпичи, да и не знали, какую цену давать за них, ведь тут их смоченных-то было на несколько тысяч. Я тогда был ещё молодой и смелый. Вот и пошёл и говорю: я слышал, что здесь продаются мочёные книги, если угодно, так я куплю их. А сколько ты дашь? – спрашивают. – Да вот, – говорю, – есть у меня 100 рублей, отдам последние, может, я выберу что, а может, и свои денежки потеряю. Там подумали, потолковали что-то между собою, да и велели забирать. Вот я и принялся их возить. Больше 10 возов вывез. А сколько же мне пришлось и выбросить их, и как жалко-то было! Посмотришь, бывало, книга хорошая, денег стоит, а развернуть никак нельзя – вся слепилась. Ну, значит, и бросали её. Всё же, слава Богу, я много выручил на них, наверно не могу сказать сколько, а, должно быть, не одну тысячу выручил: с этой покупки я и жить пошёл. Вот тогда книги-то ценились не по-нынешнему”, – добавлял он. В 1840-х годах у расторговавшегося И. Г. Герасимова в Петербурге было уже несколько книжных лавок»¹⁵³.

Так что 2400 экземпляров произведений Н. А. Некрасова принесли К. Т. Солдатёнову прибыль, значительно превышавшую размер суммы, пожертвованной им на поддержку «Современника». Книга разошлась мгновенно, поскольку талантом её автора восхитились даже цензоры. Найдя в солдатёнковском издании несколько десятков поводов для запрета повторной публикации (например напечатанное там стихотворение «Поэт и Гражданин»), чиновник особых поручений Е. Е. Волков, тем не менее, написал в своём рапорте на имя министра народного просвещения А. С. Норова: «Имя г. Некрасова, уже давно известное в нашей литературе, сделалось ещё более известным, лишь только поступило в продажу собрание его стихотворений. Книга раскупается с удивительно быстротою: покупают её по сочувствию к прекрасному таланту автора. ...Бесспорно, велик талант у г. Некрасова! Многие из его стихотворений читаешь с особенным наслаждением»¹⁵⁴.

(Чтобы не возвращаться к этому вопросу в дальнейшем, заметим: авторское право очень слабо охранялось в России вплоть до краха империи в феврале-марте 1917 г. В нотариальных архивах сохранился, например, договор, подписанный в 1899 г. А. П. Чеховым и издателем А. Ф. Марксом. Нуждавшийся в деньгах великий писатель, к тому же уже тяжело больной, продал Марксу все права на издание своих сочинений, причём издателю «нужен был весь Чехов – и прошлый, и настоящий, и будущий. Весь – до конца его дней. Весь – ещё не написанный. Его замыслы, не ставшие пока ни рассказами, ни повестями. И даже те замыслы, ко-

¹⁵² Цит. по: *Смирнов Я. Е.* Жизнь и приключения ярославцев в обеих столицах Российской империи. – Ярославль, 2002. С. 46.

¹⁵³ Там же. С. 48.

¹⁵⁴ Цит. по: *Некрасов Н. А.* Стихотворения 1856... С. 239–240.

торых нет!» «Все права на будущие произведения Чехова перешли к Марксу; Чехов мог их печатать только однажды в периодическом издании или в благотворительном сборнике, после чего они навсегда поступали к Марксу, который уплачивал за них лишь единовременное вознаграждение, а печатать мог сколько ему заблагорассудится». «Весь Чехов» обошёлся издателю в 75000 руб., но и здесь «платить сполна Маркс не захотел: выговорил для себя длительную рассрочку уплаты в несколько приёмов. Прибеднялся, жаловался, что касса его пуста, как и во всём – хитрил»¹⁵⁵.)

* * *

В других областях деятельности, с которыми соприкасался нотариат, в николаевскую эпоху произошли весьма важные изменения и усовершенствования. Они диктовались всё более и более усложняющейся экономической жизнью Российской империи.

Вторая половина правления Александра Первого проходила под знаком упадка торговли и промышленности – вследствие ущерба, причинённого России нашествием Наполеона. Практически не было роста купеческой торговли. Об этом свидетельствует, например, постройка в 1813–1819 гг. в Ярославле нового Гостиного двора. Его предшественник «уже к началу XIX века изрядно обветшал, да и тесноваты стали рамки одного квартала для „акул“ ярославского бизнеса. „Торговая промыш-



Здание Гостиного двора в Ярославле. Современный вид

¹⁵⁵ Ваксберг А. И. Указ. соч. С. 214, 216, 219, 220.

ленность усилилась, — отмечала городская дума, — число торгующих умножилось, посему с недостатком лавок открылись неустройства». Новый Гостиный двор решено было возводить на Казанской (ныне Первомайской) улице, по линии древних укреплений Земляного города, разобранных в конце XVIII века». Однако к сообщению городской думы следует подходить критически: дело в том, что ансамбль нового Гостиного двора, состоявший из трёх зданий, включал в себя в общей сложности лишь «155 лавочных номеров»¹⁵⁶. Полутора сотен лавок (в наши дни 150 офисов — норма среднего торгового центра) хватило, чтобы полностью удовлетворить нужды всего ярославского купечества в торговых площадях.

При Николае эту тенденцию стремились преодолеть, и, надо заметить, не безрезультатно. В отличие от общественно-политической жизни, «правительственная политика в отношении внутренней торговли продолжала оставаться преимущественно либеральной и поощрительной»¹⁵⁷.

Особый упор делался на развитие ярмарочной торговли. «Во 2-й четверти XIX века объёмы ярмарочной торговли увеличились примерно вчетверо. В 1850 году в 94 % городских поселений функционировала стационарная торговля, дополненная ярмарочной (78 %) и базарной (81 %)»¹⁵⁸.

Развитие нотариата, однако же, шло не пропорционально росту торговли (а соответственно — и росту количества богатых граждан, постоянно нуждающихся в нотариальных услугах), а значительно медленнее. Одной из причин такого положения дел было то, что «торгующее крестьянство составляло значительную конкуренцию купечеству», а «мелочной торговлей крестьяне могли заниматься без специального разрешения»¹⁵⁹ (а именно она и составляла основу крестьянской торговли).

Яркой иллюстрацией к методам оформления актов того периода служит «нотариусская книга», выданная в 1847 г. в Ростове Ярославском. Уже одно полное название документа проясняет очень многое: «Книга для записи дохода, собранного с явленных актов, из Ростовской градской Думы выданная исполняющему в городе Ростове должность публичного Нотариуса Маклеру купцу Ивану Второву для записки следующих в городской доход на основании Закона сборов с явленных у него актов»¹⁶⁰.

Все основные черты, присущие нотариату эпохи Александра Первого, как видим, вполне сохранялись. Нотариусов, даже в крупных городах, были считанные единицы, а даже если и было несколько вакансий (нотариус, маклер по найму слуг и др.), то их нередко совмещал один человек.

Маклер-нотариус Второв вёл в тот год одну-единственную книгу, разбитую на несколько «отделений»: первое — «Протест векселей», второе — «За явки заёмных писем по их написанию», третье — «За явки заёмных писем по срок» и четвёртое — «За явки контрактов, договоров и условий». Вознаграждение нотариуса при этом исчислялось: по первому и четвёртому «отделениям» 1/2 процента от суммы акта, по второму и третьему — 1/4 процента.

¹⁵⁶ Александрова М. В. Очевидцы столетий: судьбы и события в зеркале ярославской застройки. — Ярославль, 2010. С. 43–44.

¹⁵⁷ Выскочков Л. В. Указ. соч. С. 241.

¹⁵⁸ Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. — Л., 1981. С. 104.

¹⁵⁹ Выскочков Л. В. Указ. соч. С. 241.

¹⁶⁰ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

Один нотариус-маклер исполнял обязанности по регистрации всех актов без исключения в первую очередь потому, что только так можно было получить достаточный доход от нотариальной деятельности. Так, в Ростове в 1847 г. было опротестовано 239 векселей на общую сумму 102828 руб. 61 1/2 коп., с которых было взято вознаграждение за протест, считая по полпроцента, 514 руб. 15 1/4 коп. Маклеру из этой суммы полагалась четверть, а 3/4 шли в доход города – т. е. регистратор протестов векселей заработал в 1847 г. 128 руб. 53 коп.¹⁶¹, чуть более 10 руб. в месяц. Это было значительно ниже среднего уровня доходов госслужащих в провинции: так, в 1839 г. начальник Владимирской тюрьмы получал в год 780 руб. жалованья, а его помощники – один 690, другой 600 руб. в год. Цифру же, примерно сопоставимую с доходом ростовского регистратора опротестованных векселей – 72 руб. в год – получал фельдфебель, низший тюремный служащий¹⁶².

Размер маклерского вознаграждения, конечно, можно было бы сравнить и с официальным жалованием канцелярских чиновников, но тут необходимо учитывать одну важную особенность. Низшие канцелярские служители в николаевскую эпоху получали иногда 3,5, иногда 4 руб. в месяц, а многие – и вовсе 2 руб. 63 коп. ежемесячно. Однако они имели возможность использовать служебное положение. Например, очень удачным было устроиться в канцелярию Сиротского суда, назначавшего купцам опеки (т. е. необходимость воспитывать, одевать, обувать, кормить, давать образование и т. д.) над «малолетними сиротами купеческого и мещанского сословия». Какой-то строгой градации, какому купцу сколько сирот давать в опеку, в законах не оговаривалось, поэтому «начиналось с того, что купец получал из Сиротского суда приказ принять в заведование многочисленную и сложную опеку, требовавшую много траты времени и денег. Желая избавиться от такой напасти, купец шёл в Сиротский суд, отыскивал там приславшего указ чиновника и обращался к нему с покорнейшей просьбой избавить его от такой сложной опеки, за что обещал отблагодарить чиновника. Последнему это только и нужно было. Он брал с купца взятку от 20 до 50 рублей и менял сложную опеку на более лёгкую»¹⁶³.

У маклера «административного ресурса» для вымогательства взяток не было. К тому же доходы чиновников были регулярными, жалование платилось ежемесячно (хотя и небольшое, как бы предполагавшее необходимость взятки), а вот протест векселей был «делом случая». Так, к ростовскому нотариусу Второву в январе 1847 г. опротестовать просроченные векселя явились всего четверо: купец Николай Родионов с векселем на 600 руб. (вознаграждение нотариуса от регистрации которого составило 75 коп.), «ярославский купецкий сын Александр Панов» с обязательством на 300 руб., ростовский купец Фёдор Пичугин, которому задолжали 50 руб. 60 коп. и «московский купецкий сын Иван Щапов» с просроченным векселем на 892 руб. 85 коп., от регистрации которого нотариусу-маклеру перепало чуть более 1 рубля.

Колоссальной была зависимость от Ростовской ярмарки: в феврале, когда она проходила, к нотариусу-маклеру явились с протестами векселей сразу 187 человек; сумма всех актов составила 85507 руб. 98 1/2 коп., маклер заработал сразу 106 руб. 88 1/2 коп. Эти деньги, однако, пришлось «раскидывать» на весь год: в марте опро-

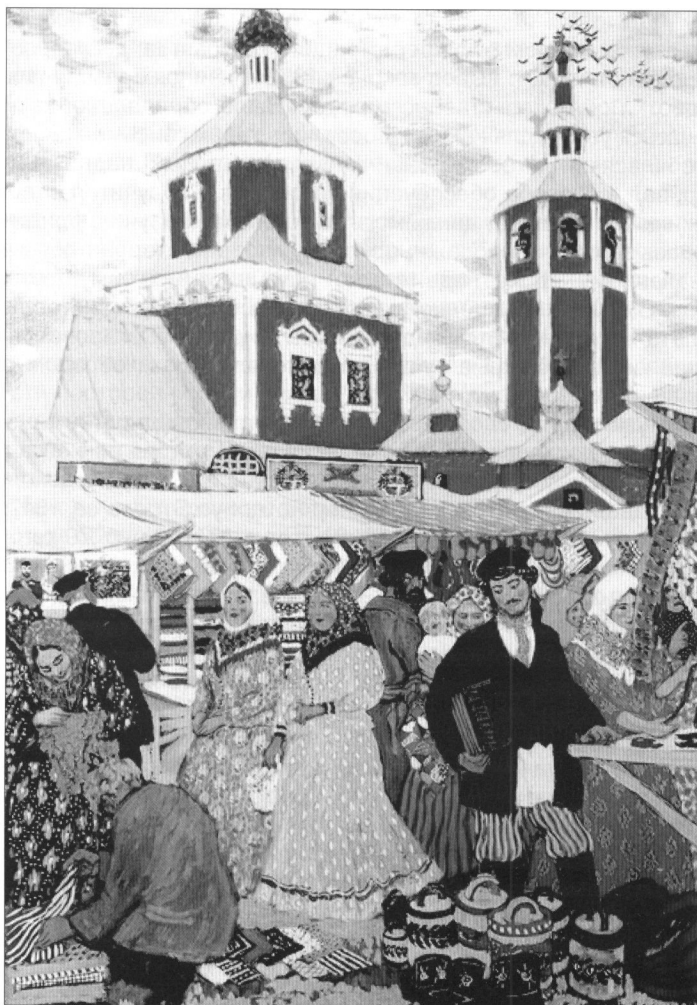
¹⁶¹ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 3. Л. 6 об.

¹⁶² Галаншина Т. Г. Владимирский централ. – М., 2006. С. 16.

¹⁶³ Романов С. А. Готовьте Ваши денежки... Взятничество в России. – М., 2002. С. 92, 93.

тестовали всего 6 актов, за счёт чего Второв получил 2 руб. 71 1/2 коп., в апреле – 8 актов (вознаграждение нотариуса – 1 руб. 78 коп.), в мае и вовсе 1 вексель на 257 руб. 60 коп., с чего маклеру перепало аж 32 1/4 копейки¹⁶⁴.

Практически никакого дохода не приносила регистрация заёмных писем: по «отделению второму» в 1847 г. в Ростове прошло 40 актов на общую сумму 15901 руб. 56 3/4 коп., с чего нотариус получил (также исходя из расчёта 3/4 суммы сбора – городу, 1/4 – нотариусу) менее 10 руб.; по «отделению третьему» было за-



Б. М. Кустодиев. Ярмарка. 1910 г.

¹⁶⁴ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 3. Л. 4 об., 5.

фиксировано 17 актов на общую сумму 6744 руб. 13 коп. – нотариус не заработал на этом и 5 руб. за год¹⁶⁵.

Впрочем, специализация деятельности нотариусов также наблюдалась в то время. Из сохранившегося нотариального архива Углича следует, например, что в 1835 г. местный нотариус Бовыкин вёл 2 книги: «Для записей векселей и заёмных писем» и «Для протеста векселей»¹⁶⁶, а вот регистрацией контрактов (о которой подробнее ниже) – не занимался.

* * *

Самым выгодным делом была регистрация «контрактов, договоров и условий».

Б. Н. Миронов отмечает: «Свод законов 1832 г. явился большим шагом вперёд в деле разработки обязательственного права. Было определено, какие договоры могли заключаться устно, для каких требовалась только письменная форма. Закон требовал, чтобы всякий договор, правильно составленный, подлежал исполнению и предусматривал 4 способа обеспечения договоров – поручительство, неустойка, залог недвижимости и заклад движимого имущества. Получил юридическую силу договор так называемой запродажи, по которому одна сторона обязывалась продать к назначенному сроку недвижимое или движимое имущество по определённой цене. В случае невыполнения обязательства одной из сторон предусматривалась уплата неустойки. Этот вид договора широко использовался в торговле, особенно внешней: зарубежные купцы кредитовали таким образом русских купцов, поставлявших товары в порты»¹⁶⁷.

К 1830-м гг. уже вполне сложились несколько разновидностей типовых договоров, которыми люди пользовались довольно часто. Когда их регистрация сосредотачивалась в руках одного нотариуса, это становилось весьма доходным делом. Так, уже упоминавшийся ростовский маклер-нотариус Второв за 1847-й год зарегистрировал 172 договора на общую сумму актов в 104102 руб. 79 коп., взяв за это 520 руб. 55 коп. сборов, что принесло ему более 130 руб. дохода. Важно отметить и то, что регистрация договоров не столь сильно зависела от ярмарок и т. п. событий, как свидетельствование и протест векселей: в феврале 1847 г. хоть и было зарегистрировано рекордное число контрактов (46), однако это число максимум в 2—2,5 раза расходится с показаниями других месяцев (в январе – 20 регистраций договоров, в апреле – 18 и т. д.)¹⁶⁸.

Случаев неуплаты пошлин практически не случалось: например, в Ростове за весь 1847 год нашёлся единственный клиент нотариуса, некто Пороховщиков, не заплативший за регистрацию акта 3 руб. 57 1/4 коп., о чём было сообщено в городскую полицию¹⁶⁹.

По-прежнему серьёзными конкурентами нотариусов в деле регистрации операций с недвижимостью оставались городские думы и иные органы местного самоуправления. Так, в безраздельном их распоряжении находилась фиксация сделок с муниципальным имуществом. Сохранилось, например, «Дело Ярославской го-

¹⁶⁵ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 3. л. 10 об., 13 об.

¹⁶⁶ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 228, 229.

¹⁶⁷ *Миронов Б. Н.* Социальная история России... Т. 2. С. 40.

¹⁶⁸ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 3. Л. 14–16, 18.

¹⁶⁹ Там же. Л. 18 об.

родской Думы о сдаче в аренду лавок» 1848–1849 гг.¹⁷⁰, обрисовывающее нам механизм этой операции.

Публично объявлялись торги на право аренды лавки, в которых могли принимать участие все желающие. Право пользования торговыми площадями доставалось предложившему наивысшую арендную плату. Тарифы за оформление сделки начинали взимать в косвенной форме уже на стадии регистрации заявок: для участия в торгах необходимо было подать «объявление», писавшееся на гербовой бумаге ценой по 15 коп. за 1 лист. На такой же бумаге писались и все иные документы, касавшиеся арендных операций. Например, 10 сентября 1849 г. торги на право пользования одной из лавок выиграл ярославский мещанин Ф. А. Карелин. Однако 12 июля 1850 г. он подал прошение в Думу: «Содержать лавку более не желаю», а также сообщил, что нашёл нового арендатора – купца 3-й гильдии М. Н. Рукавишникова. И прошение, и последующие бумаги, подписывавшиеся уже Рукавишниковым, все оформлялись на гербовых листах по 15 коп. каждый¹⁷¹.

Интересно и содержание контракта, заключённого думой с Карелиным¹⁷². Оно свидетельствует о том, что правовые отношения в России того времени достигли уже очень высокой степени развития. Так, помимо традиционных условий (чётко прописывалась сумма арендной платы и механизм её внесения в казну, оговаривался точный срок аренды и пр.), в договор были включены и пункты о форс-мажоре. Карелин не нес никакой ответственности перед думой, если лавка сгорит «от неосторожности посторонних или власти Божией» (под последней, видимо, подразумевался общегородской пожар или стихийное бедствие, например, удар молнии). Помимо этого, оговаривалось и благоустройство территории – Карелин обязывался очищать от мусора «противу лавки мостовую», производить «окрашивание крыши» и ремонт внутри торгового помещения.

Аналогичным образом в период с 1848 по 1862 г. несколько раз сдавалось в аренду «общественное здание, находящееся в Подзеленье (район Стрелки. – А. К.) и занимаемое кузницею Владимирского пехотного полка»: объявлялись торги, на которые необходимо было подавать «объявления» на гербовой бумаге и т. д. С течением времени изменялась только цена бумаги – с 1862 г. один гербовый лист стал стоить не 15, а 20 коп.¹⁷³

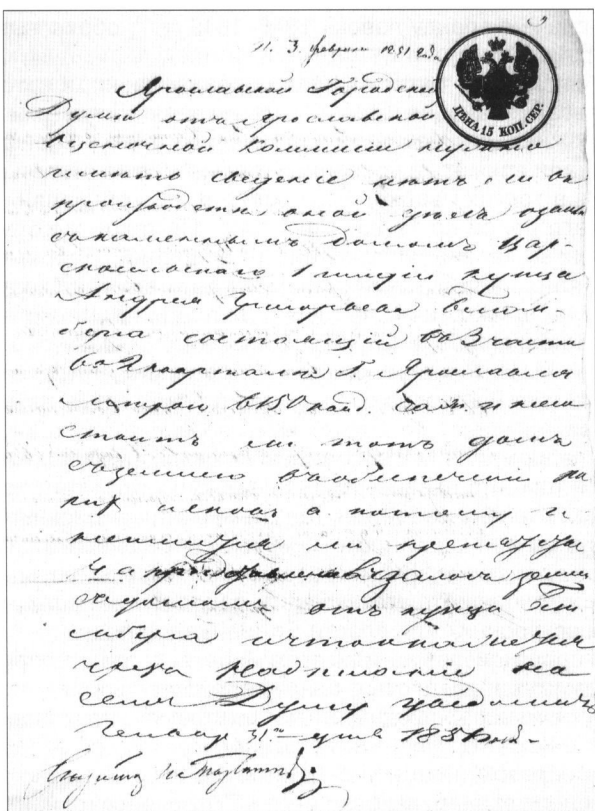
Однако интересы казённых учреждений отнюдь не ограничивались регистрацией операций с государственным или муниципальным имуществом. В «Своде законов...» порядок регистрации сделок с недвижимостью «представляется в следующем виде: при палатах гражданского суда, а в уездах – при уездных судах существовали особые „крепостные“ отделения из крепостных писцов и надсмотрщиков, которым поручено было составление актов; акт вносился затем в „докладную“ книгу, которая предлагалась на рассмотрение присутствия суда; удостоверившись в самоличности совершающих акт, в праве продавца или залогодателя на отчуждение имущества и в отсутствии в условии чего-либо противозаконного, суд делал о том отметку на акте („совершить по указам“) и возвращал его надсмотрщику, который вносил акт, от слова до слова, в крепостные

¹⁷⁰ См.: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1227.

¹⁷¹ Там же. Л. 14, 20.

¹⁷² Там же. Л. 14–15.

¹⁷³ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1225. Л. 8, 10, 11, 71.



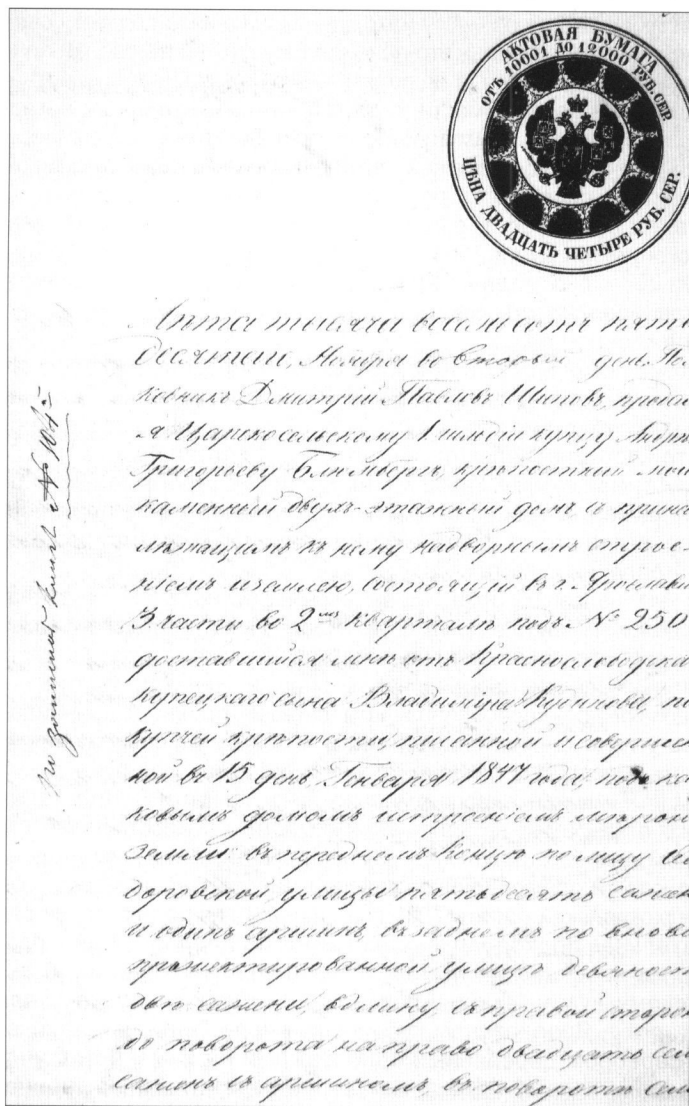
Один из документов Ярославской городской думы по делу об аренде городской недвижимости, написанный на листе гербовой бумаги в 15 коп. 1851 г.

книги. Крепостной порядок был обязателен только для актов об отчуждении недвижимости и крепостных людей; для других актов было установлено засвидетельствование явки их у крепостных дел или публичными нотариусами»¹⁷⁴.

Сохранившиеся документы Ярославской городской думы и других ведомств 1840-х – начала 1860-х гг. свидетельствуют, что все операции с недвижимостью совершались в казённых учреждениях, а не у нотариуса. Вот, например, фрагмент купчей 1844 года, согласно которой полковник П. Н. Ендоуров продал «из дворян девице» Е. П. Окуловой 100 десятин земли «в пустоши Качалке Пошехонского уезда Ярославской губернии» за 750 руб. серебром: «1844-го года февраля в 25-й день сия купчая Вологодской губернии в Палате гражданского суда крепостных дел писана и в книгу подлинником записана, пошлины тридцать рублей, с акта три rubli и на пропечатание объявлений шесть рублей три копейки взято. Совершил в

¹⁷⁴ Нотариат // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – П/том 41. С. 391.

должности надсмотрщика Прокофий Коржавин». Помимо всех этих сборов, текст купчей был написан на листе гербовой бумаги «для письма крепостей от 301 до 900 руб. сер.» ценой в 1 руб. 80 коп., т. е. в 0,2 % от максимально допустимой суммы акта¹⁷⁵.



Первый лист купчей крепости на продажу недвижимости. 1850 г.

¹⁷⁵ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 155. Л. 2, 3-3 об.

Этот документ заставляет вновь вспомнить про один из принципов кодификации законодательства при Николае Первом: силу сохранял не тот закон, который лучше, а тот, который позже принят. В частности, мы видим, что утратил силу принцип, характерный для нотариата эпохи Александра Первого — совершать акт купли-продажи по месту нахождения продаваемого имущества. Ендоуров продал землю, находившуюся в Ярославской губернии, не по месту нахождения имения, а по месту своего проживания, в Вологде. С одной стороны, это правило (осуществлять сделки по месту проживания собственника имущества, а не по месту его нахождения) существенно облегчало жизнь владельцам недвижимости, с другой — в прежнее время нотариус в любом случае точно знал, что данное имущество на подведомственной ему территории имеется, т. е. мошенничество с продажей несуществующего объекта исключалось.

Именно с этого времени встречаются упоминания о фиксированной цене за совершение акта: в частности, оформление сделки купли-продажи недвижимости как таковое стоило три рубля, без учёта казённой пошлины, гербовой бумаги для оригинала купчей и т. д. А для соблюдения интереса казны этот вид сделок, как видно из сохранившихся документов, фактически изъяли у маклеров и передали казённым учреждениям.

(Здесь также любопытно отметить, что стоимость гербового листа в процентах от суммы сделки не была фиксированной: к примеру, если лист для сделок на сумму от 301 до 900 руб. стоил 1 руб. 80 коп., т. е. 0,2 % от максимально допустимой суммы акта, то лист для сделок от 151 до 300 руб. стоил 90 коп. или 0,3 % от максимально допустимой суммы. Плюс к этому, цена на гербовые листы регулярно повышалась: например, в 1862 г. произошло очередное такое повышение и бумаги ценой в 90 коп. стали стоить 1 руб., о чём появилась соответствующая надпечатка на ранее изготовленных листах¹⁷⁶.)

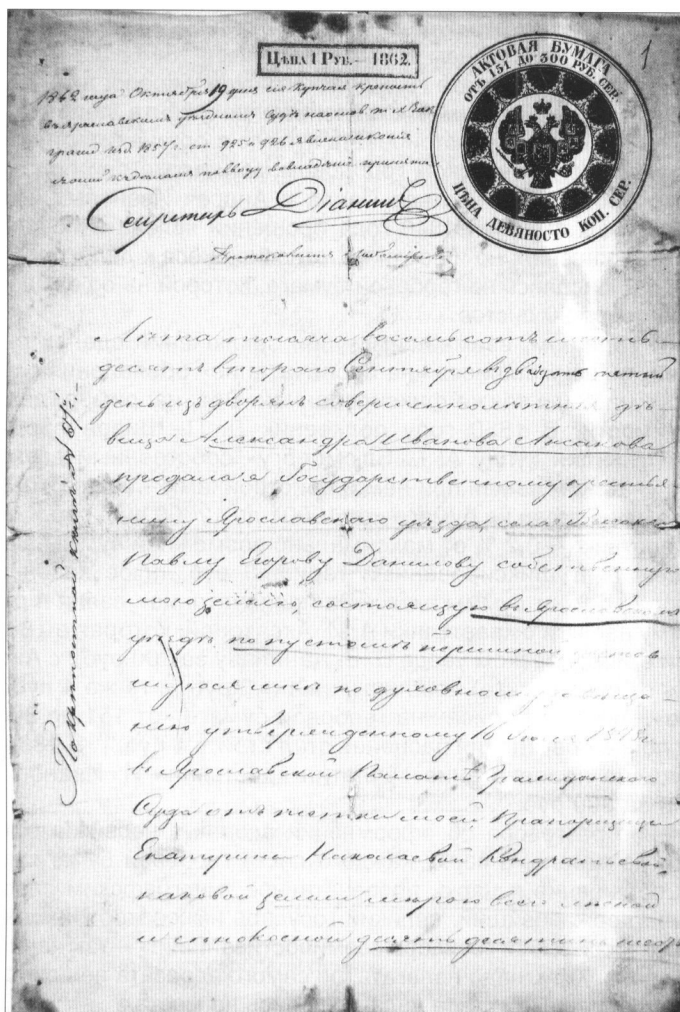
Вместе с тем, нельзя не отметить высокое качество работы госчиновников — регистраторов сделок. Именно в документах Ярославской городской думы и т. п. государственных ведомств впервые отмечается очень высокая дотошность и тщательность в проверке сведений, предъявляемых лицами, желающими совершить акт купли-продажи (возможно — своеобразная компенсация отказа от принципа совершения сделок по месту нахождения недвижимости в пользу их совершения по месту жительства собственника). Так, в «Деле Ярославской городской думы о залоге купцами Крохоняткиными каменной паровой мельницы»¹⁷⁷, начатом в 1851 г., мы встречаем целую историю отдаваемой в залог недвижимости: «...Собственный наш каменный четырёхэтажный дом со строением и землёю, выстроенный нами на земле, доставшейся нам по купчей от наследников генерал-майора Селифонтова, совершённой в Ярославской гражданской палате 1846 года июня 9 дня под № сорок седьмым»¹⁷⁸.

Ещё тщательнее подходили к недвижимости, продаваемой за долги. Вот история одного из ярославских домов, изложенная в купчей 1860 г.: «...Выдана сия ярославскому купцу Ивану Алексеев[ич]у Куприянову на купленный им с публичного торго в Ярославском губернском правлении за две тысячи тринадцать рублей серебром деревянный одноэтажный на каменном фундаменте дом с принадлежащим к нему надворным строением и землёю, принадлежавший бывшему ярославскому купцу, а ныне мещанину Ефиму Кузьмину (Кузьмичу. —

¹⁷⁶ См., напр.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 6. Л. 1.

¹⁷⁷ См.: ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1609.

¹⁷⁸ Там же. Л. 1.



Гербовый лист для купчих эпохи Николая I со штампом о переоценке в 1862 г.

А. К.) Сумарокову, доставшийся ему по купчей крепости, совершённой в Ярославской Палате гражданского суда 13 мая 1838 г., от ярославской мещанки Ирины Алексеевой (Алексеевны. – А. К.) Гальцевой. ...Имение это продавалось с публичного торга за долги его, Сумарокова, разным лицам и подробно значится в приложенной копии с описи»¹⁷⁹.

В деле о залоге мельницы Крохоняткиных имеется и сама купчая, описывающая порядок вступления в права собственности в то время: «Купчую писал Ярослав-

¹⁷⁹ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 4. Л. 2–2 об.

лавской Палаты гражданского суда крепостных дел писец (фамилия неразборчива. — А. К.), совершил по законам секретарь Плигин. 1846 года июня в 10-й день сия купчая в Ярославской Палате гражданского суда у крепостных дел писана и в книгу записана». Однако одним составлением документа дело не ограничивалось — теперь надо было зарегистрировать купчую в органах местного самоуправления: «Сия купчая в Ярославском городском магистрате при поданной от ярославских 1-й гильдии купцов братьев Павла и Андрея Ивановых (Ивановичей. — А. К.) Крохоняткиных 19 июня 1846 года прошении явлена и исполнение учинено»¹⁸⁰. Не только прошение, но и все акты, относившиеся к делу: рапорт оценщика имущества и др. — писались на гербовой бумаге, которой на оформление всех материалов ушло более 20 листов.

Последним тарифом, взимавшимся при заключении сделок с недвижимостью, были деньги, взимавшиеся «на пропечатание» объявления о заключённой сделке. Эта сумма была также фиксированной. Вот, например, два акта о продаже недвижимости. В 1850 году полковник Д. П. Шипов продал «царско-сельскому 1-й гильдии купцу А. Г. Блюмбергу» собственный двухэтажный каменный дом с участком земли при нём и пристройками — всё за 10680 руб. Оригинал купчей был написан на бумаге «от 10001 до 12000 руб. сер.» ценой 24 руб. за лист (т. е. опять же — 0,2 % от максимально возможной суммы акта); за написание акта был взят фиксированный тариф 3 руб. плюс казённая пошлина 427 руб. 90 коп. — 4 % от суммы акта. «За пропечатание» взяли 4 руб. 24 коп.¹⁸¹. Такую же сумму взяли и с крестьянки А. И. Аксаковой, которая в 1862 г. продала участок земли в Ярославском уезде П. Е. Данилову за 200 руб.: с Аксаковой взяли 8 руб. (4 % от суммы акта) пошлины, за акт 3 руб. и те же 4 руб. 24 коп. «на пропечатание». Акт был написан на гербовой бумаге «от 151 до 300 руб. сер.», лист которой после повышения расценок стал стоить 1 руб.¹⁸². В 1864 г. всё те же 4 руб. 24 коп. «на пропечатание» уплатил крестьянин И. Иванов, продавший участок земли за 300 руб.¹⁸³.

В заключение разговора об оформлении сделок с недвижимостью заметим одну любопытную деталь: вверху каждого листа гербовой бумаги николаевской эпохи стояло обращение к царю, пропечатанное типографским способом. «Все-пресветлейший, державнейший, великий государь император Николай Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший!» — так начинался любой документ той эпохи. Хотя, надо полагать, до самого адресата не доходило и тысячной доли таких «обращений»; все дела решались на местах.

А здесь ситуация была крайне неблагоприятной; сравнивая местное и центральное управление николаевской эпохи, профессор Л. В. Выскочков пишет: «С администрацией губернского, и тем более уездного звена, дело обстоит намного хуже. Местная администрация была признанным злом России»¹⁸⁴. В частности, Ярославской губернией с 1846 г. стал управлять отставной генерал-майор А. П. Бутурлин, про которого местный поэт-юморист К. В. Доводчиков едко писал: «Он суров да неумён». «На пост губернатора Бутурлин вступил, не имея опыта

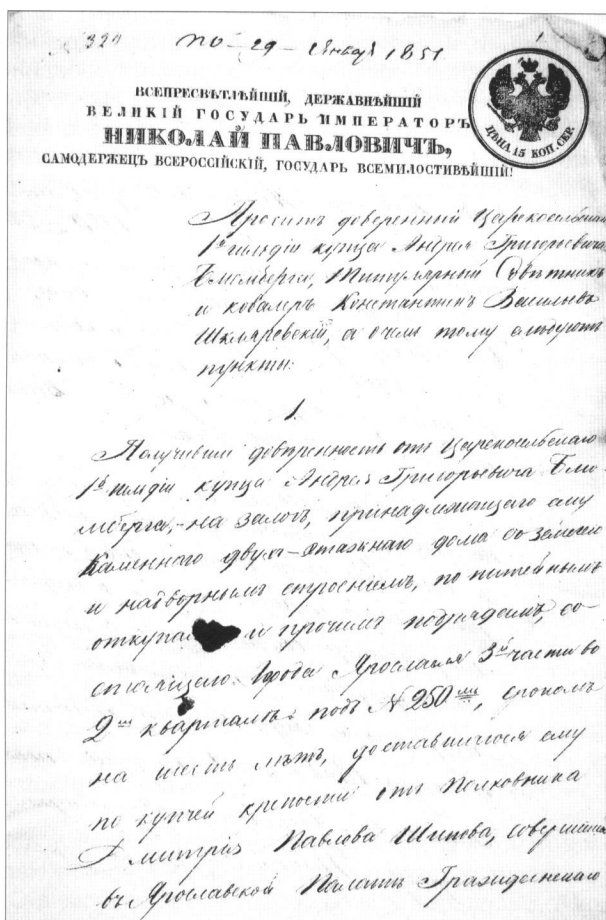
¹⁸⁰ ГАЯО. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1609. Л. 8 об.—9.

¹⁸¹ Там же. Д. 1610. Л. 4.

¹⁸² Там же. Ф. 967. Оп. 3. Д. 6. Л. 1—2.

¹⁸³ Там же. Д. 7. Л. 8—8 об.

¹⁸⁴ Выскочков Л. В. Указ. соч. С. 169.



Типовой лист гербовой бумаги для подачи прошений.
1851 г.

гражданской административной деятельности, и быстро попал под влияние окружающих лиц. Правитель губернской канцелярии и другие чиновники за спиной губернатора обирали всю губернию и задерживали у себя жалобы на его имя, в которых рассказывалось о творимых беззакониях. Картину злоупотреблений в аппарате управления Ярославской губернии смог вскрыть вице-губернатор В. Н. Муравьев. Он доложил о положении дел непосредственно министру внутренних дел Петровскому, и в Ярославль была направлена следственная комиссия. Расследование нашло виновных и подтвердило непричастность губернатора к поборам и взяткам, однако этот эпизод заметно омрачил начальный период губернаторства Бутурлина»¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Ярославские губернаторы... С. 204.

При предшественнике Бутурлина, К. М. Полторацком, «в 1840 г. крупнейшие предприятия губернии, и, прежде всего, ЯБМ, стали увольнять своих посессионных рабочих в „свободное” состояние, что давало последним возможность записаться в государственные крестьяне или мещане. Но особых улучшений в их жизни эта мера не давала, поэтому, когда Ярославль в очередной раз посетил Николай I, в мае 1841 г., ему была подана коллективная жалоба о невыплате зарплаты. Проверка, проведённая под контролем К. М. Полторацкого, показала, что изложенные в жалобе факты „имели место”, но ситуация не изменилась»¹⁸⁶.

В итоге, завершая своё правление, император горестно констатировал ставшее знаменитым: «Россией правят столоначальники». Будучи же уже на смертном одре, царь говорил своему наследнику Александру Николаевичу: «Сдаю тебе мою команду не в таком порядке, как желал»¹⁸⁷.

* * *

Нерешёнными оставались прежде всего социальные вопросы, причём как «генеральные», вроде отмены крепостного права, так и «частные». Например, «договор личного найма получил в конце XVIII – первой трети XIX в. широкое распространение, но Свод законов 1832 г. мало что сделал для его совершенствования»¹⁸⁸.

Регистрация договоров найма слуг, отдачи в обучение и т. п. актов, регулировавших трудовые отношения, была не столь выгодной, как свидетельствование и оформление сделок с недвижимостью – поэтому власти не стали забирать её себе, а отдали в руки частных нотариусов-маклеров. Сохранилась, например, «Книга, данная из Ярославской градской Думы для записки контрактов и договоров присяжному маклеру Ярославской ремесленной цеховой управы на 1846 год с тем, чтобы, кроме означенных законом условий, заключаемых с ремесленниками, других к явке не принимал»¹⁸⁹.

Содержание контрактов интересно прежде всего постольку, поскольку великолепно отражает менталитет тогдашнего населения губернии. Например, в июне 1846 г. крестьянка А. Васильева отдала своего 12-летнего сына Степана крестьянину С. Афанасьеву для обучения мальчика портняжному делу – «кройке и шитье новое как знает сам». За 5 лет обучения Васильева обязывалась заплатить Афанасьеву всего-навсего 10 руб. серебром, к тому же крестьянин обязывался всё это время кормить, одевать и обувать ученика, а по окончании срока договора «снабдить новым овчинным полушубком, а равно сапогами, картузом и рукавицами». Впрочем, конкретные условия – сколько раз в день и чем именно кормить мальчика, какую одежду давать ему и как часто её менять – в договоре не указывались. Но главное было не в этом: фактически, крестьянка на 5 лет «сплавляла» лишнего едока в чужую семью чуть ли не в рабство: «Сын мой Степан должен быть к мастерству прилежен, а если будет находиться в лености и шалости, то предоставляю право ему, Афанасьеву, по мере его вины чинить наказание и в том пре-

¹⁸⁶ Ярославские губернаторы... С. 187.

¹⁸⁷ Ванюков Д. А. Век трёх императоров. – М., 2008. С. 119.

¹⁸⁸ Мионов Б. Н. Социальная история России... Т. 2. С. 41.

¹⁸⁹ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 263.

пятствия не делать... и до истечения срочного времени от него, Афанасьева, сына своего не требовать»¹⁹⁰.

Любопытно, что де-юре за весь 1846 г. было зарегистрировано лишь 16 таких контрактов, т. е. можно предполагать, что широко была распространена практика отдачи детей в обучение по устному сговору; в этом случае дети, видимо, вообще не получали никаких гарантий.

Такая ситуация не менялась годами и десятилетиями. Аналогичная «книга, данная из Ярославского городского магистрата присяжному маклеру Ремесленной



Иллюстрация Е. М. Бём к рассказу А. П. Чехова «Ванька». Начало XX в.

¹⁹⁰ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 263. Л. 2–2 об.

управы мещанину Николаю Масальскому для записки в 1853 году предъявляемых контрактов»¹⁹¹ содержит уже 58 записей за год, но их содержание практически неизменно. Торговались в основном за то, кто будет обувать, одевать и кормить детей-учеников: так, ярославский цеховой мастер Д. Д. Виноградов, взявший в ноябре 1852 г. в ученики 15-летнего «дворового мальчика» помещика Н. Н. Коковцова Василия Ефимова, помимо платы за обучение (3 руб. серебром в год) вытребовал ещё и то, что «одежду всю вообще и обувь должен давать г. Коковцов», а Виноградов будет обеспечивать ученика только «пищею и банно-портомойным»¹⁹².

«Забота» о здоровье малолетних учеников выражалась в том, что особо щепетильные родители и опекуны добивались включения в контракт пункта: в случае болезни лечить ученика обязуется мастер-наставник за свой счёт, либо, если мастер и сам был торгашом хоть куда – то наоборот, оговаривалось, что для лечения подросток возвращается в семью на время болезни. В отношении возможных наказаний употреблялась лукавая формулировка: «Волен наказывать отечески». Показательно, что только в одном из 58 договоров, зафиксированных на бумаге в 1853 году, использована формулировка «волен наказать его отечески *без увечья*» (Выделено мной. – А. К.)¹⁹³.

Сохранились и более поздние свидетельства, говорящие, что подобное отношение к детям, женщинам, «дворовым девкам»... – в общем, к слабым и беззащитным – было именно чертой менталитета, причём присущей не только помещикам-крепостникам, но и их крепостным.

«В 1859 году уездному предводителю дворянства крепостная девка Марфа Герасимова подала жалобу на своего помещика Петра Протопопова. Суть дела заключалась в следующем: хотела Марфа замуж, да согласия на брак с любимым строгий помещик не давал. Она же запретами пренебрегла и встречалась тайно. Результатом встреч явился незаконнорожденный младенец. Помещик на Марфу „сильно огорчился“ и буквально через несколько дней после родов, когда женщина была ещё совсем больна, выгнал её на работу в ткацкую. В тот же день явился туда и решил примерно наказать ослушницу. Та винулась, умоляла повременить с наказанием, прося лишь возможности оправиться от родов, но помещик был непреклонен. По его приказу другие дворовые девки повалили несчастную на пол и стали сечь розгами. Тем, кто пытался ударить полегче, отставной прапорщик показывал кулак и кричал: „Бей сильнее!“ До 150 ударов розгой получила Марфа и два дня была без сознания. А Протопопов навестил её и обещал наказать ещё суровее. Боясь такой участи, „приползла“ крестьянка в Ярославль с жалобой. Несмотря на то, что официальные лица всячески спускали дело на тормозах, тем не менее дошло оно до Сената, и тот высочайше решил: „Нет достаточных причин к обвинению, но, принимая во внимание нерасположение дворовых людей быть в каждодневной зависимости, не располагает к Помещику, и потому, к прекращению дальнейших жалоб, подвергнуть имение опекунскому заведованию“. Кроме опеки над имением, было запрещено Протопопову проживать в Ярославском и прилегающих к нему уездах.

Вскоре было отменено крепостное право, но опека осталась, и престарелый самодур не сложил оружие. Несколько лет подряд строчил он жалобы и прошения

¹⁹¹ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1230.

¹⁹² Там же. Л. 1 об.

¹⁹³ Там же. Л. 2.

и наконец добился формального уголовного расследования. Хотя следствие фактически всё подтвердило, Протопопов и на суде утверждал: его обогнали крестьянки, которые все как одна блудницы, да ещё и родственницы друг другу. Были упомянуты и козни давних недругов-чиновников. И суд присяжных, состоящий, что примечательно, по преимуществу из крестьян, помещика... оправдал, придя к такому знаменательному выводу: хоть и сёк, но жесток не был. А что сёк, был в своём праве. Снята ли была опека, про то в деле нет, но само решение суда не оставляет повода для сомнений – на чьей стороне были симпатии не только власти, но даже и общественного мнения. Видно, далеко не все разделяли мнение г-на Некрасова о пагубности порки, даже сами когда-то поротые»¹⁹⁴.

Обращаясь, однако же, к нотариальной стороне деятельности по регистрации трудовых контрактов, заметим, прежде всего, что она была не особенно выгодной. Законом запрещались подобные договоры сроком более чем на 5 лет, а годовая плата за обучение обычно была невысокой. Так, в 1853 г. в Ярославле рекордным по сумме акта стал договор между помещиком А. Н. Васильевым и ярославским купцом 3-й гильдии С. М. Миттелем: купец взял в обучение «немецкому портняжному ремеслу и уборам» «13-летнюю крепостную девку» Васильева, за что помещик обязался платить ежегодно 9 руб. серебром, т. е. всего сумма акта составила 45 руб. За его оформление нотариус-маклер получил 1/2 процента от этой суммы, т. е. 22 1/2 коп., государство же взяло своё тем, что оригинал контракта был написан на актовом листе ценой в 30 коп.¹⁹⁵.

* * *

Впрочем, и в тех областях, где прогресс был налицо, он далеко не всегда шёл на пользу нотариальному делу.

Например, 1840-е гг. наиболее всего были примечательны «быстрым развитием волжского пароходства. Переломным стал 1843 г., когда появился правительственный указ об отмене монополии на паровой транспорт и разрешении организации пароходного сообщества частным лицам и компаниям»¹⁹⁶. Однако это несомненное достижение в развитии транспортной системы страны похоронило такой вид нотариальной деятельности, как регистрация договоров о «купеческом судоходстве», т. е. перевозках по рекам различных грузов.

Одни из последних сохранившихся в архивах «маклерских книг», где регистрировались подобные акты, относятся к 1832–1834 гг.¹⁹⁷. Договоры на перевозку грузов составлялись письменно весьма нечасто: так, в 1833 г. в общей сложности было зафиксировано 44 таких акта, а в 1834-м – только лишь 27. Большим был и разброс документов по времени: например, в 1833 г. ровно половина договоров – 22 – были заключены в декабре, с прицелом на будущую навигацию 1834 года, а вот в октябре не зафиксировано ни одного такого акта¹⁹⁸. Однако, в отличие от тех же договоров об отдаче в ученики, контракты на перевозку грузов чаще всего

¹⁹⁴ Савичев В. Портрет Фемиды былых времён // Городские новости (Ярославль). 1996. 22 августа. С. 3.

¹⁹⁵ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1230. Л. 2.

¹⁹⁶ Ярославские губернаторы... С. 193.

¹⁹⁷ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 230, 231.

¹⁹⁸ Там же. Л. 4 об. – 5.

были весьма дорогими, т. е. и прибыль от их оформления оказывалась весьма большой. Так, 23 апреля 1833 г. ярославский грузоперевозчик П. С. Безнин подписал контракт с купцом Ф. М. Чепариным на перевозку в Санкт-Петербург купеческого железа и изделий из него: в общей сложности 2866 пудов 8 фунтов, «с платою по 20 копеек с пуда», т. е. сумма акта составила свыше 570 руб.¹⁹⁹. За оформление сделки нотариус получил всё те же 1/2 процента — около 2 руб. 90 коп.; как говорилось выше, месячное жалованье низшего канцелярского служителя.

Уже в 1840-х гг. подобная нотариусская деятельность фактически умерла: появились грузовые пароходы. На них взималась фиксированная плата за перевозку пуда груза, различная в зависимости от удалённости пункта погрузки и пункта разгрузки друг от друга, а документом, гарантирующим права собственника груза, становилась отныне выписываемая пароходством товарно-транспортная накладная.

* * *

«Учёные до сих пор не могут дать однозначной оценки роли, которую сыграл Николай I в российской и европейской истории. Одни называли его «рыцарем на троне», другие — «жандармом Европы», одни считали его злым гением России, другие — её ангелом-хранителем»²⁰⁰.

Николаевская эпоха — одна из наиболее противоречивых в российской истории, в том числе и в истории российского права, и, в частности, в истории российского нотариата. Однако при всём несовершенстве законодательства, коррупции и отказе от «поспешных» реформ, именно в тот период были заложены основы для окончательного оформления института нотариата в России.

Нотариальные отношения бурно развивались как в целом в Российской империи, так и в Ярославском крае — одном из ведущих регионов страны, богатом и на купцов, и на промышленников, и на литературные таланты, которые уже начали юридически оформлять свои авторские права.

Почва для великих реформ, в т. ч. и в нотариальной сфере, была вполне подготовлена.

¹⁹⁹ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 230, 231. Л. 2 об.

²⁰⁰ Ванюков Д. А. Век трёх императоров... С. 119.

«ДНЕЙ АЛЕКСАНДРОВЫХ ПРЕКРАСНОЕ НАЧАЛО»

Ярославский нотариат по итогам Великих реформ

В современной исторической и юридической науках вполне сложилось мнение, что «точкой отсчёта истории российского нотариата является 14 апреля 1866 г., когда в ходе Судебной реформы 1864 г., являвшейся буржуазной по своему характеру, было принято „Положение о нотариальной части“» с той оговоркой, что «нотариальные действия, естественно, осуществлялись и раньше»²⁰¹. Однако именно в 1866 г. в российском законодательстве появился единый кодекс, чётко очерчивавший права, обязанности и компетенцию нотариусов. Так открылась самая важная страница истории российского нотариата, начался наиболее плодотворный период деятельности российских нотариусов, к опыту которых современные правоведы обращаются постоянно. Этот период длился до 24 ноября 1917 г., когда большевистское правительство приняло «Декрет № 1 о суде», уничтоживший «буржуазное» судопроизводство²⁰².

Прежде чем Россия пришла к развитой системе латинского нотариата, пришлось преодолеть массу препятствий на пути реформы. Главнейшими из них следует считать три:

- 1) сопротивление преобразованиям со стороны консервативно настроенных представителей властной элиты;
- 2) сопротивление преобразованиям со стороны населения;
- 3) коррумпированность властной элиты и управленческого аппарата.

Для дореформенного суда, как уголовного, так и гражданского, была характерна множественность судебных органов, сложность и запутанность процессуальных требований, невозможность порой определить круг дел, который должен подлежать рассмотрению того или иного судебного органа. Дела бесконечно переключивались из одного суда в другой, зачастую возвращаясь в первую инстанцию. Другой порок дореформенного суда – взяточничество. Оно, наряду с произволом и невежеством чиновников, приобрело большой размах, особенно в первой половине XIX в. «Подавляющее большинство судебных чиновников рассматривали свою должность как средство наживы и самым бесцеремонным образом требовали взятки со всех, обращающихся в суд. Попытки правительства бороться со взяточничеством не давали никаких результатов. Крайне низкая общая грамотность судей, не говоря уже о грамотности юридической,

²⁰¹ Смыкалин А. С. Донотариальный период в системе юридических органов Русского государства. (http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2135_23.aspx).

²⁰² Алфёров И. А. Возникновение и развитие нотариальных учреждений в России // Законодательство. – 2006. – № 1. – С. 33.

обусловила фактическое сосредоточение всего дела правосудия в руках канцелярских чиновников и секретарей»²⁰³.

Об одном особенно примечательном случае, произошедшем в начале правления Александра Второго, пишет, хотя и в весьма свободной форме, современный исследователь С. Романов: «Даже министр юстиции был вынужден дать взятку, чтобы в суде не „волюнили“ его гражданский иск. Сам министр, граф В. Н. Панин, дабы ускорить в петербургских учреждениях дело о регистрации имущественной записи в пользу своей дочери, вынужден был воспользоваться взяткой и поручил своему подчинённому – директору департамента юстиции – дать сто рублей нужно-му чиновнику, чтобы тот, как говорят, „не тянул резину“ по данному вопросу»²⁰⁴.

Писатель-историк В. С. Пикуль не менее образно описывал ситуацию, когда «чиновники, уличённые в лихоимстве, смело представляли перед судом:

– Так чего не брать, если сами дают? Я ведь не просил у них денег – они сами несли. Даже плакали, чтоб я взял... Ну как тут не пойти навстречу страдающему человеку?

– А воздерживаться не пробовали? – спрашивали судьи.

– Так воздержись я, он ведь лишнюю сотню доложит и выше меня полезет, а я в дураках останусь. Меня ведь даже подчинённые засмеют, я всякий авторитет потеряю!»²⁰⁵.

Существовала даже система разбора подаваемых прошений, ходатайств и жалоб: «Чинодралы ретиво исполняли прошения, уголок которых был чуть загнут, и безжалостно откладывали „слезницы“ без такого загиба. Загнул проситель бумагу – даст, не загнул – дурак, жизни не знает...»²⁰⁶.

Самым печальным последствием подобной многолетней практики делопроизводства было то, что «простой» народ также в значительной мере не хотел и боялся реформ. Сохранилось очень любопытное письмо А. В. Головкина – министра народного просвещения при Александре Втором, одного из наиболее видных либеральных деятелей той эпохи. В 1857 г. он писал своему другу и единомышленнику, также видному реформатору Д. А. Милютину о неудачной попытке избавить своих крестьян от крепостной зависимости: «По возвращении из-за границы я похворал вследствие резкой усталости, а потом ездил в деревню уволить крестьян моих в обязанные (т. е. дать им личную свободу с сохранением ряда финансовых обязательств. – А. К.). Я отдавал им то же количество земли, за которое теперь они платят по 18 руб. серебром с тягла оброк и назначил плату по 10 руб., но они не согласились. Очень меня благодарили, но просили оставить крепостными, уверяя, что земская полиция в один год разорит их»²⁰⁷.

Тем не менее, весь ход общественно-политического и экономического развития России требовал реформ. После ряда согласований и доработок, 20 ноября 1864 года были утверждены «Судебные уставы»²⁰⁸. Одновременно был подписан указ «Об опубликовании уставов во всеобщее сведение». В указе говорилось, что задачей судебной реформы является «водворить в России суд скорый, правый,

²⁰³ Гессен И. В. Судебная реформа. – М., 1905. С. 15–16.

²⁰⁴ Романов С. А. Готовьте Ваши денежки. Взятничество в России. – М., 2002. С. 90.

²⁰⁵ Пикуль В. С. Тайный советник. Исторические миниатюры. – М., 2009. С. 292.

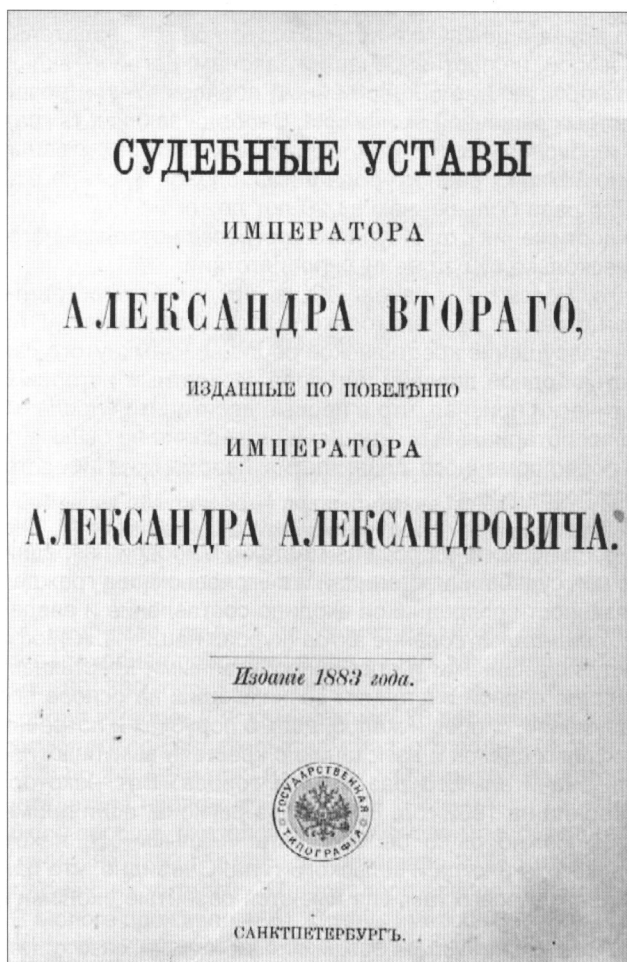
²⁰⁶ Там же. С. 294.

²⁰⁷ Цит. по: Бочка Данаид // Родина. 1994. № 3–4. С. 126.

²⁰⁸ Подробнее см.: Судебная реформа в России // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – П/том 62. С. 909–912.

милостивый, равный для всех подданных, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе уважение к Закону».

«Судебные уставы» провозгласили ряд буржуазно-демократических принципов судопроизводства: гласность, состязательность и др. Была реорганизована прокуратура и учреждена адвокатура, введен институт судебных следователей. Часть судебных органов (мировая юстиция) была сделана выборной. Судебная реформа создала более четкую систему судебных инстанций. Формально суд был отделён от администрации, но фактически через Министерство юстиции, которое заведовало личным составом суда и прокуратуры и осуществляло надзор за деятельностью суда, он подчинялся администрации. Это подчеркивалось и тем



Титульный лист переиздания «Судебных уставов»
Александра II. 1883 г.

обстоятельством, что сохранялось совмещение одним лицом должностей министра юстиции и генерал-прокурора, который имел право давать отдельные распоряжения по дознанию и следствию о государственных преступлениях, а также контролировать совместно с министром внутренних дел судебные палаты по этим делам.

Аналогичные процессы происходили и в области гражданско-правового процесса. В начале 1860-х гг. «субъектами гражданского права стали все физические лица – все подданные Империи, независимо от национальности, вероисповедания и сословия. В законодательстве окончательно оформилось понятие юридического лица: они разделялись на публичные, частные, соединения лиц и учреждения. Правоспособность юридических лиц определялась согласно целям их деятельности». Огромный шаг вперёд был сделан в нотариальной практике: «Принцип буржуазного гражданского права ещё глубже проник в русское законодательство. Разрешалось заключать любой, не противоречащий законам, договор, включать в него любые условия, не нарушающие общественный порядок. Закон разрешал все виды договоров, известных рыночной экономике. Свобода заключать гражданские договоры привела к их бурному росту. В нотариальных конторах страны в 1884 г. было зарегистрировано 357 тыс. разного рода актов, сделок и т. п., а в 1913 г. – 1 млн. 967 тыс., или в 5,5 раза больше, чем за 29 лет до того»²⁰⁹.

Однако для достижения столь бурного прогресса нотариального дела следовало преодолеть несколько существенных препятствий.

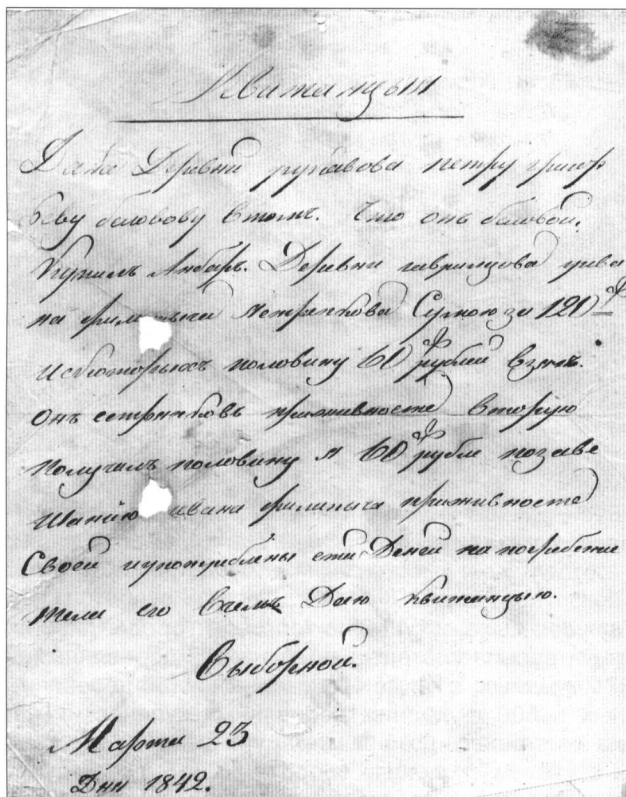
Прежде всего, Россия и в начале XX в. продолжала оставаться преимущественно аграрной страной, причём только в ходе знаменитых «Столыпинских реформ» началось разрушение крестьянской общины – замкнутого самоуправляемого «мирка» крестьян одной деревни или села. Известный историк В. Г. Чернуха в своё время фактически признал, что в первые десятилетия после отмены крепостного права никаких нотариальных отношений в деревне не было, т. к. «русскую деревню первого пореформенного десятилетия невозможно представить себе без фигуры мирового посредника».

Эта должность была введена «специально для проведения преобразований и регулирования крестьянского вопроса на местах». Мировой посредник на селе фактически был высшей судебной инстанцией и в уголовном, и в гражданском разбирательстве: «В обязанности посредников входило составление и введение в действие уставных грамот, *свидетельствование актов* (курсив наш. – А. К.), оформляющих заключаемые между помещиками и временнообязанными крестьянами сделки, рассмотрение в качестве первой инстанции возникающих на основе обязательных отношений недоразумений, споров и жалоб, дела о порубках и потравах... все дела по оформлению выкупных сделок и взысканию с крестьян выкупных платежей»²¹⁰.

Не получили значительного развития и города. Вот некоторые данные по Ярославской губернии на 1862 год. Все города региона, если применять к ним сегодняшние мерки, можно было бы называть «малыми», а некоторые и вовсе посёлками городского, а иногда и сельского типа. Очевидно, что развитый нотариат присутствует прежде всего там, где имеются развитые экономические отноше-

²⁰⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи... Т. 2. С. 39, 41–42.

²¹⁰ Чернуха В. Г. Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.) / Ред. колл. Н. Е. Носов, Б. В. Ананьич, С. Н. Валк и др. – Л., 1967. С. 197, 200–201.



Квитанция (фактически – подтверждение права собственности на недвижимость) на покупку амбара, выданная крестьянину П. Г. Беловому общинной властью, без нотариальной регистрации сделки купли-продажи. 1842 г.

ния. Однако вот, например, данные по Угличу на 1862 г.: в городе имелась одна торговая и одна пароходная пристань; в год на них заходило до 120 судов с грузами на сумму до 380–390 тыс. руб. серебром. Городской бюджет не превышал 30 тыс. руб., в городе имелось 238 каменных и 888 деревянных домов, 10067 жителей, «из них торгующих по свидетельствам разного рода 278, в этом числе купцов по 1-й гильдии – 2, по 2-й – 5 и по 3-й – 208»²¹¹. Однако о «масштабах» их торговой деятельности догадаться несложно.

Город Мышкин вообще оказался «переименован из бывшего экономического села того же имени»; на 1862 г. в городе проживало 2338 жителей в 18 каменных и 255 деревянных домах; из жителей «57 ведут торговлю по свидетельствам, но нет ни одного купца». В Мологе проживал 4851 житель, имелось 35 каменных и 679 деревянных домов, а о «торговых людях» из этих краёв не было известно ничего.²¹²

²¹¹ Боголюбов Н. П. Волга от Твери до Астрахани. – СПб., 1862. С. 63.

²¹² Там же. С. 64–66.



*Типичная ярославская «усадьба» (частный дом ближе к городской окраине).
Фотография 1903 г.*

Несколько лучшей была ситуация в торговом городе Рыбинске: там проживало 10594 жителя, весьма состоятельных: на 629 деревянных домов в городе приходилось 237 каменных, а также 43 каменных и 165 деревянных складов, почти 300 каменных и 500 с лишним деревянных купеческих лавок. Торговый оборот Рыбинска составлял «до 5–6 млн. руб. в год», городские доходы – до 60 тыс. руб., «а с учётом акцизного сбора – до 115 тысяч рублей серебром в год». Казалось бы, почва для развития нотариальных отношений исключительно благоприятная, однако, в двух городских училищах «весьма мало учащихся, да и те берутся родителями домой, едва выучась читать и писать, и доканчивают своё воспитание в лавках, где приучаются к обманам с детства. Ученики вообще кончают науку в 12–14 лет в том твёрдом убеждении, что для торгового человека такое воспитание весьма достаточно!» – с гневом писал о рыбинцах составитель путеводителя 1862 г. издания²¹³. Думается, при таких «местных особенностях» торговли, в Рыбинске едва ли можно было ожидать бурного развития нотариата.

Крупнейшим городом губернии оставался Ярославль, где проживал 27121 житель, имелось чуть более 2600 домов, в т. ч. 366 каменных (что прямо свидетельствует – в городе имелась весьма узкая прослойка состоятельных и деловых людей); «в 1860 году выдано торговых свидетельств 1-й гильдии – 9, 2-й – 31, 3-й – 239 и других разного рода – 66. Приказчикам выдано 67 свидетельств». К середине XIX в. «самое цветущее время ярославской фабрично-заводской промышленности было в прошлом столетии, ныне же она заметно клонится к упадку»²¹⁴.

²¹³ Боголюбов Н. П. Волга от Твери до Астрахани. – СПб., 1862. С. 70–71, 74.

²¹⁴ Там же. С. 100–105.

* * *

И тем не менее, начинать реформу нотариата было необходимо. Некоторые подвижки в этом вопросе стали происходить уже в ходе разработки «Великих реформ». Так, например, из ярославской «Книги нотариусской публичного нотариуса и маклера Ершова на 1862 год»²¹⁵ следует, что к этому времени уже сложилась практика выплачивать нотариусам фиксированное вознаграждение за совершение конкретного акта, а не только процент от суммы акта, который мог быть и ничтожным. В руках нотариусов по-прежнему находились лишь оформление и регистрация финансовых операций, не касающихся недвижимости, однако теперь и за них стали платить фиксированно, хотя и меньше, чем за те же операции в государственных органах.

Так, 10 февраля 1862 г. ярославский нотариус Ершов зарегистрировал «заёмное письмо»: «Занял статский советник и разных орденов кавалер Александр Алексеевич Арнаутов у углицкой мещанки Анисьи Михайловой десять тысяч рублей серебром сроком на один год». За совершение акта регистрации займа было взято 26 руб. – 25 «в доход города 1/4 процента» (от суммы сделки. – А. К.) и 1 руб. – нотариусу²¹⁶. 15 марта того же года к Ершову пришли опротестовать просроченный вексель на 300 руб. – при этом было взято пошлин «в доход города по 1/2 процента рубль пятьдесят коп. серебром» и за «протест 1 руб. сер.»²¹⁷.

Всего за 1862 г. нотариус Ершов, судя по «Книге нотариусской», зарегистрировал 273 подобных акта, т. е. только на их регистрации заработал 273 руб., почти по 23 руб. ежемесячно. В те годы это примерно соответствовало зарплате высококвалифицированного рабочего или технического служащего крупного предприятия.

Никуда не исчезло при этом и традиционное вознаграждение «нотариуса-маклера». Пожалуй, последняя в нашем городе «Приходо-расходная книга ярославского нотариуса и маклера» дореформенного образца, выданная Ярославской городской Думой на 1867 г.²¹⁸ (реальное воплощение в жизнь норм «Положения о нотариальной части» 1866 г. началось в Ярославском крае спустя год с лишним после принятия этого кодекса, а до этого продолжал действовать старый порядок), свидетельствует, что доход городского нотариуса к тому времени стал весьма крупным и стабильным. В значительной мере это было связано с подъёмом в губернском центре деловой активности. Так, в январе 1867 г. «нотариус-маклер» (чьё имя, к сожалению, осталось неизвестным – «Книга» была выдана без его указания) взыскал за оформление различных актов 261 руб. 76 3/4 коп. пошлин, из которых «в пользу маклера 25 коп. с рубля» получил 65 руб. 44 коп.; в феврале чистый доход нотариуса составил 27 руб. 59 1/2 коп. Минимальным был доход за сентябрь – 19 руб. 16 коп., максимальным – за август, 74 руб. 10 3/4 коп. В среднем за 11 месяцев с января по ноябрь 1867 г. доход ярославского городского нотариуса по категории «1/4 в доход маклера» составлял 43 руб. 63 коп. ежемесячно²¹⁹.

²¹⁵ Подробнее см.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 261.

²¹⁶ Там же. Л. 3.

²¹⁷ Там же. Л. 4.

²¹⁸ Там же. Д. 223.

²¹⁹ Там же. Л. 2, 2 об., 3 об., 4 об., 5, 5 об., 6 об., 7 об., 8. Посчитано среднее арифметическое доходов по месяцам.

Расценки, судя по размерам взыскиваемых пошлин, пока оставались прежними: при регистрации контракта («условия») взималась 1/2 процента от суммы акта, при регистрации заёмного письма – 1/4 процента. Пока ещё беспошлинным оставалось засвидетельствование подписи.

Особо важные акты – договоры купли-продажи имущества, контракты на поставку товаров и т. п. – учитывались в отдельной книге, где переписывались дословно²²⁰.

С другой стороны, очень сильными были старые традиции юридического делопроизводства. Например, «верящие письма» – доверенности – ярославцы в начале 1860-х по-прежнему регистрировали исключительно в городской думе и Гражданском суде: за 1861 г. было совершено 244 таких регистраций, за 1862-й – 248²²¹. Дело в том, что «верящее письмо» выдавалось в те годы, как правило, на совершение особо важных операций. Например, вот что доверил ярославский купец Яков Лопатин своему приказчику.

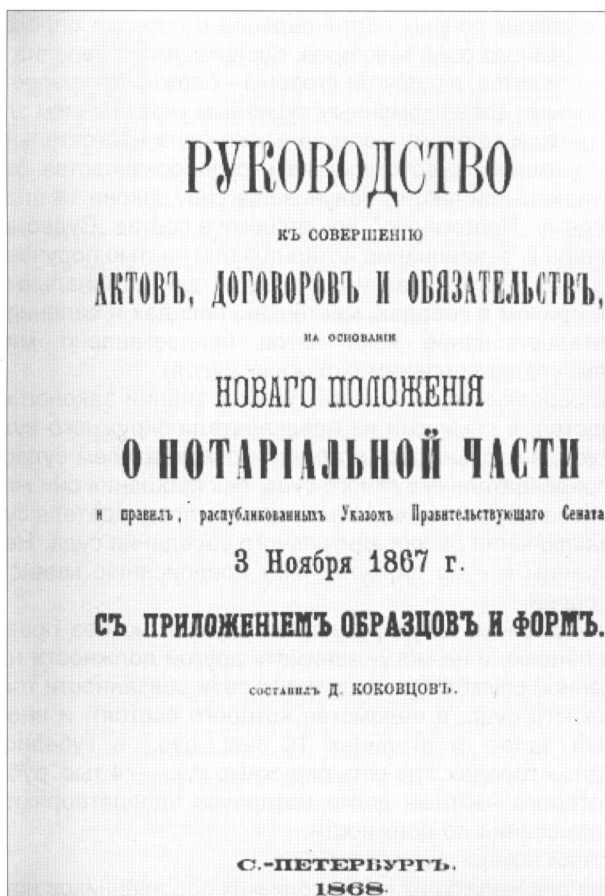
«Пётр Алексеевич! На общий капитал, принадлежащий нам с умершим братом нашим, Ярославским купцом Иваном Семёновичем Лопатиным, а ныне с его наследниками /.../ открыли мы в губернском городе Ярославле торговый дом под фирмою „Я., Е. и А. Лопатины“. Посему в продолжение сего года доверяю тебе шёлковые, суконные, бумажные и разные наши товары в разных российских городах, и по явленным местам, и на ярмарках продавать за наличные деньги и, по усмотрению твоему, в кредит благонадёжным людям со взятием на имя фирмы законных документов; объявлять от имени фирмы капитал, где признаешь нужным; занимать лавки и амбары везде, где необходимость потребует, с платежом за оные денег; объявления на товары иметь, а где будет следовать – вместо нас от имени фирмы расписываться. По вручении тебе документов, выданных от разных должников /.../ по прошествии сроков деньги получать и доставлять к нам; верящие надписи на документах от имени фирмы вместо нас делать, а в случае неплатежа протестовать и подать куда следует ходатайство, и по всем делам иметь ходатайство в конкурсах, и присутственным местам прошения и всякого рода бумаги от имени нашей фирмы за твоим рукоприкладством подавать и решительные определения выслушивать, подписывая удовольствие или неудовольствие с соблюдением всего законного обряда и дела переносить по апелляции в высшие места. /.../ Деньги из почтовых контор, а равно посылки и документы получать под твою расписку и доставлять к нам по требованию нашему»²²².

«Вместе с новыми „Судебными уставами“ императора Александра II было выработано и „Положение о нотариальной части“, в основу которого были положены три нотариальных законодательства Западной Европы: французское 1813 г., австрийское 1845 г. и баварское 1861 г. Результатом этой законодательной деятельности стали два проекта, 1863 и 1866 гг. Первый из них, наиболее приближенный к жизни, не прошёл через Государственный совет. Второй проект „Положения“ был утверждён 14 апреля 1866 г. Вместе с введением нотариального „Положения“

²²⁰ См., например, за тот же 1867 г. «Книгу, данную из Ярославской городской Думы Ярославскому нотариусу и маклеру для записки договоров, контрактов и условий, относящихся собственно до его обязанности»: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 224.

²²¹ Там же. Оп. 3. Д. 5. Л. 23 об., 46.

²²² Там же. Ф. 501. Оп. 1. Д. 1422. Л. 1–1 об.



Титульный лист «Руководства к совершению актов...
на основании нового Положения о нотариальной части».
1868 г.

все прежние нотариусы и маклеры, кроме биржевых, прекратили свою деятельность. Отделив по образцу Запада нотариальную часть от судебной, законодатель создал самостоятельный нотариальный институт с обширным и независимым кругом действий»²²³.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона так описывает новый статус нотариата в России (приводя описание в настоящем времени – как современное авторам статьи положение дел)²²⁴.

²²³ Трофимова И. А. Нотариат в Российской Федерации. (http://www.e-college.ru/xbooks/xbook129/book/index/index.html?go=part-003*page.htm).

²²⁴ Нотариат // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1897. – П/том 41. С. 391–392.

«Отсутствие в законе точных постановлений о порядке определения нотариусов, отличии их от разного рода маклеров, порядке удостоверения в самоличности сторон и подлинности актов, а с другой стороны – сложность крепостного порядка, в связи со свойственными дореформенным судебным учреждениям злоупотреблениями и волокитой, делали реформу нотариального дела настоятельно необходимой. Вместе с новыми уставами судоустройства и судопроизводства было выработано „Положение о нотариальной части“, получившее силу закона 14 апреля 1866 г.

По действующему „Положению“, вошедшему в состав „Судебных Уставов“ императора Александра II, заведование нотариальной частью поручается, под наблюдением судебных мест, нотариусам и состоящим при нотариальных архивах старшим нотариусам, причём в городах, местечках, посадах и селениях, где нет нотариусов, засвидетельствование явки актов предоставлено мировым судьям (городским судьям, уездным членам окружных судов).

Нотариусы определяются по испытанию их в знании законов и форм нотариального производства, в комиссии из председателя окружного суда, прокурора и старшего нотариуса, и увольняются старшим председателем судебной палаты, по представлению председателя окружного суда; без прошения они могут быть удаляемы по суду, равно как и распоряжением старшего председателя судебной палаты, основанным на заключении распорядительного заседания суда. Не могут быть нотариусами иностранцы и – по циркулярному предписанию министра юстиции от 6 июня 1887 г. – евреи.

Нотариусы числятся на государственной службе, но без права на производство в чины и на пенсию, и не могут занимать другой должности на государственной или общественной службе; они исполняют свои обязанности только в пределах округа того окружного суда, в ведомстве которого состоят, и вносят в окружной суд определенный залог (в столицах 10 тыс. руб., в губернских городах – 6 тыс. руб., в уездных городах, где есть окружные суды – 4 тыс. руб., в остальных – 2000 руб.), из которого частные долги нотариуса удовлетворяются лишь после удовлетворения взысканий по должности.

К кругу действий нотариусов относятся:

1) Совершение для желающих (кроме близких родственников нотариуса) всякого рода актов, кроме актов состояний, актов служебных и межевых, при участии не менее двух свидетелей, удостоверяющих действительное совершение акта. При совершении акта нотариус обязан удостовериться в самоличности и правоспособности совершающих акт и в отсутствии в последнем чего-либо противного законам, общественной нравственности или чести частных лиц. По разъяснению Сената, нотариус обязан судить о законности акта не по внешним только признакам, но и по внутреннему смыслу сделки, удостоверяясь, не направлена ли она в обход закона. Он должен также допросить участвующих в договоре, действительно ли они по доброй воле желают его совершить и понимают ли они смысл его и значение. Проект акта прочитывается сторонам и, по уплате ими сборов, вносится в актовую книгу, где подписывается сторонами, свидетелями и нотариусом. Сторонам выдаётся выпись, имеющая равную силу с внесенным в книгу подлинником. Совершённый таким образом акт называется *нотариальным* и презумируется подлинным.

2) Выдача выписей из актовых книг и копий актов. Выписи и копии нотариус вправе выдавать только тем лицам, которым это право предоставлено в акте, или их правопреемникам, а другим лицам – только по определению суда.

Аукция № 33.

[illegible]

3) Засвидетельствование явки актов и договоров, разного рода протестов, верности копий, подлинности подписей, времени предъявления документов у нотариуса, нахождения лица в живых, заявлений от одного лица другому, мировых записей и прошений и третейских записей. Формы всех этих засвидетельствований подробно регламентированы законом.

93

При совершении должностных действий нотариус взимает, кроме казённых (гербовых, крепостных) пошлин и сборов в пользу города, плату за свои действия, по соглашению или по устанавливаемой в законодательном порядке таксе (действующая такса установлена в 1867 г.). Требование платы сверх таксы Сенат подводит под вымогательство.

Если годовой доход нотариуса превышает в столицах или губернских городах 2400 р., а в уездных городах или уездах – 1200 руб., то одна треть излишка идёт на пополнение залога, пока последний не составит 25000 руб. в столицах, 15000 руб. в губернских и 10 000 руб. в уездных городах.

Надзор за деятельностью нотариусов и взыскания с них за упущения и злоупотребления по должности подчинены общим правилам об ответственности должностных лиц судебного ведомства. Жалобы приносятся в двухнедельный срок окружному суду, определения которого, если ими отказано в совершении акта, могут быть обжалованы в судебную палату в двухнедельный срок. Жалоба подается самому нотариусу, обязанному в течение 7 дней представить её, вместе со своими объяснениями, в суд.

Старший нотариус, состоя в государственной службе, сравнивается, относительно содержания и служебных прав, с членами окружных судов, и имеет следующий круг действий:

1) Заведование нотариальным архивом, учреждаемым при каждом окружном суде для хранения крепостных, запретительных и разрешительных книг, равно как книг, реестров и документов нотариусов округа, доставляемых в архив по истечении года со дня окончания книги.

2) Выдача выписей из актовых книг и копий с нотариальных актов.

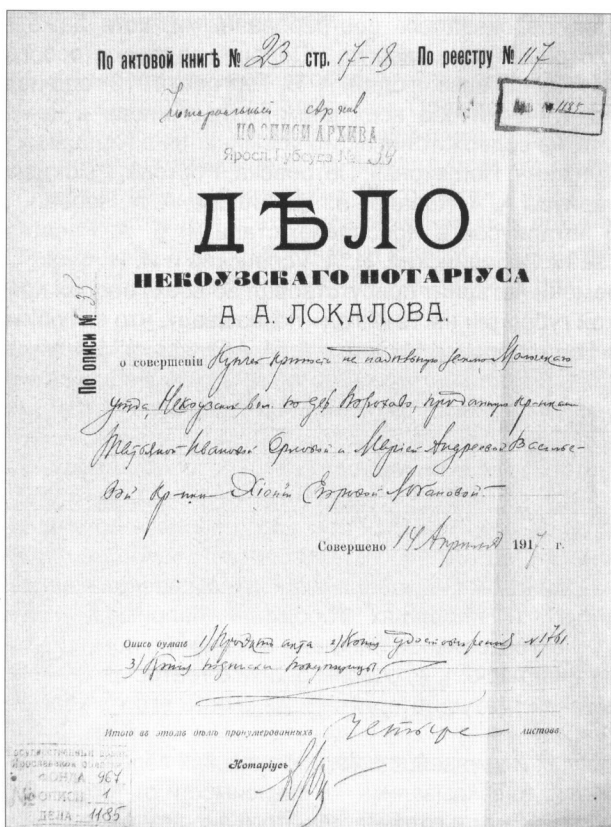
3) Утверждение тех нотариальных актов, которые стороны должны или желают обратить в крепостные».

К 1899 г. «назрела необходимость обновить „Положение...“ 1866 г. применительно к чисто русским условиям», поэтому в Министерстве юстиции было образовано Особое совещание по этому вопросу. Оно выработало проект новой редакции «Положения...» и пояснительную записку к нему, занявшую, однако, по объёму целых 3 тома. Но на этом всё и закончилось – вплоть до 1917 г. Российская империя жила по «Положению о нотариальной части» в редакции 1866 г.²²⁵

Необходимость внесения залога, сумма которого в те времена была поистине огромной (например, 6000 руб., необходимые для того, чтобы занять должность нотариуса в губернском городе Ярославле – это совокупная зарплата начальника крупнейшей городской тюрьмы «Коровники» за 4 года в расценках его труда на начало XX в.) крайне препятствовала укомплектованию штатов нотариусов. Так, в **Ярославской губернии нотариат нового образца заработал только 11 ноября 1867 г.**, когда «по представлению председателя Ярославского окружного суда нотариусами были назначены: г. Шубин по гор. Ярославлю, г. Берсенев по гор. Ростову и г. Суворов по гор. Романо-Борисоглебску (ныне Тутаев Ярославской обл. – А. К.). В соответствии с „Положением о нотариальной части“ они были приведены к присяге в торжественной обстановке в здании Ярославского окружного суда»²²⁶. Т. е. изначально на всю губернию приходилось лишь три нотариуса.

²²⁵ Подробнее см.: Объяснительная записка к проекту новой редакции «Положения о нотариальной части». – СПб., 1904.

²²⁶ Проект Особого наказа Ярославского окружного суда. (<http://oblsud.yar.ru/Glavnaya/History/140let/050225.htm>).



Обложка одного из дел, заведённых некоузским нотариусом А. А. Локаловым. 1917 г.

Для хранения нотариальных актов при окружных судах учреждались Нотариальные архивы – особые структурные подразделения. Сохранилось, например, дело об устройстве Нотариального архива в 1867 г. в Рыбинске: для этого был взят в долгосрочную аренду «дом купчихи Вончаковой», который подвергли капитальной перестройке – убрали лишние простенки, несколько «переходов» заменили на одну широкую лестницу и т. д. Для работников «архива» были изготовлены 8 канцелярских столов ольхового дерева, 6 высоких шкафов для хранения дел и «6 кресел берёзового дерева с подушками и спинками». Для посетителей установили «4 стула берёзового дерева с подушками». Особое уважение проявили к руководителю «архива», которому, кстати сказать, дали наименование «нотариус», хотя это и был фактически госчиновник – судейский служащий: около его стола была построена особая «балюстрада и 3 стороны из берёзового дерева с точёными балясинами и дверцами». Работы обошлись в 1508 руб. 17 коп.²²⁷

²²⁷ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 8. Л. 1 об., 9 об.–11, 12.

Услуги нотариусов оказались востребованными, хотя даже в справочниках того времени это отражалось не всегда. «Деловой спутник» (особый вид путеводителя, рассчитанный на деловых людей) А. Я. Торгова, 1912 года издания, содержащий сведения практически обо всех должностных лицах в каждом из городов Ярославского края, не содержит никакого упоминания о городских нотариусах Любима, Мологи, Мышкина, Пошехонья, Петровска, Ростова, Рыбинска и Углича; значатся только нотариусы А. А. Ковалёв в г. Данилове, А. А. Черенин в Романово-Борисоглебске и 5 нотариусов в Ярославле: старший Е. А. Раевский и нотариусы М. Д. Высоцкий, А. Н. Серединский, И. А. Успенский и И. Н. Флаг²²⁸. В действительности к этому времени нотариат присутствовал во всех городах края. «Справочная книга Ярославской губернии на 1912 год» показывает, что в Любиме тогда трудился нотариус Н. А. Протопопов, в Мологе – А. Н. Абалаяев, в Мышкине – И. А. Бойков. В крупных городах работали по двое нотариусов: Г. И. Берсенев и А. М. Затевахин в Пошехонье, В. И. Дмитриевский и Л. Г. Милославов в Ростове, В. А. Арсеньев и В. П. Шипин в Рыбинске, И. И. Башилов и И. Д. Миловидов в Угличе. В губернском центре помимо нотариусов, отмеченных А. Я. Торговым, работал ещё и А. Н. Зыков²²⁹.

К 1915 г. у старшего нотариуса Раевского появился помощник И. П. Розов, а место нотариуса И. Н. Флага занял И. П. Казанский; такое же положение наблюдалось в 1916 – начале 1917 г. Нотариальные конторы располагались на крупнейших центральных улицах и площадях города – например, контора нотариуса Е. А. Успенского – на Театральной площади в одном из помещений, принадлежавших Казанскому монастырю, т. е. совсем рядом с театром им. Ф. Г. Волкова²³⁰. Это подчёркивало высокий статус нотариуса и важность его профессии для жизни города.

В уездных городах и крупнейших «экономических сёлах» региона нотариальные конторы то возникали, то закрывались – в зависимости от того, находились ли желающие работать нотариусами и готовые для этого вносить огромный денежный залог. Например, в том же Рыбинске даже спустя 7 лет после учреждения нового «Нотариального архива» нотариат фактически не заработал в полную силу: в 1874 г. сделки, совершавшиеся в этом городе, оформлял «исполняющий должность Рыбинского нотариуса»²³¹. Один из первых документов, говорящих о наличии в Рыбинске полноценного нотариуса, относится к 1879 г.²³² Однако работа нотариата в этом городе так и не стала стабильной: один из последних добольшевистских нотариальных документов показывает, что по состоянию на июнь 1917 г. в Рыбинске работал «Иван Иванович Мотягин, исполняющий должность Рыбинского нотариуса»²³³.

²²⁸ Торгов А. Я. Деловой спутник по Северному краю и Верхнему Поволжью. – Ярославль, 1912. С. 416, 495, 497, 499, 501, 505, 507, 514, 518, 522, 531.

²²⁹ Справочная книга Ярославской губернии на 1912 год. Издание Ярославского губернского статистического комитета. – Ярославль, 1912. С. 64, 69, 74, 79, 93, 102, 111, 19.

²³⁰ Путеводитель-справочник по Ярославлю на 1916 год / Сост. П. Критский. – Ярославль, б. г. С. 84; Путеводитель-справочник по Ярославлю на 1917 год / Сост. П. Критский. – Ярославль, 1916. С. 92.

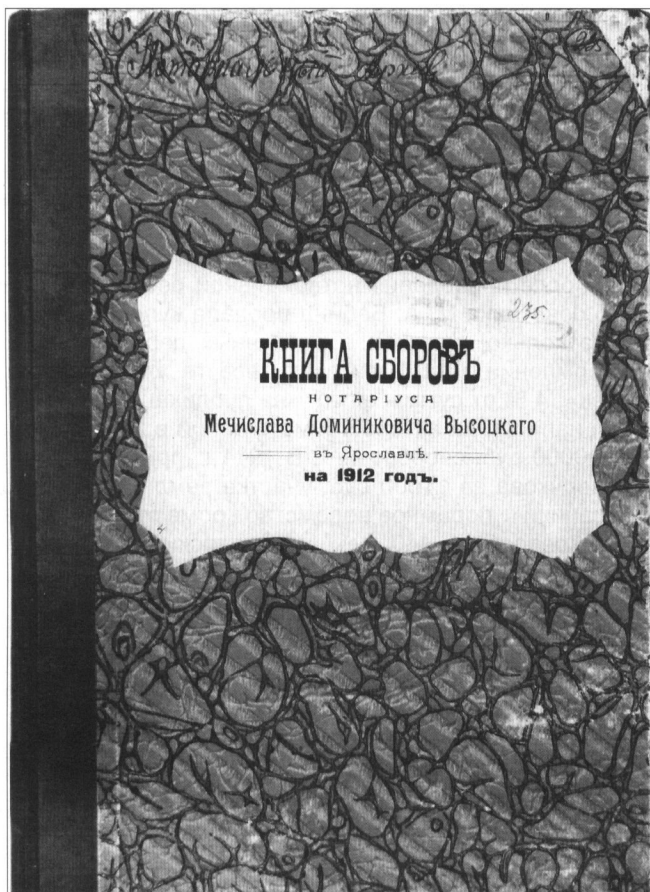
²³¹ См. напр. дело о продаже земли крестьянином Ф. Егоровым крестьянину П. Фалалееву: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 15.

²³² ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–1 об.

²³³ Там же. Оп. 2. Д. 1098. Л. 3.

* * *

Впрочем, нельзя не отметить очевидное: по итогам реформы 1866 г. труд нотариуса стал гораздо более высоко оплачиваемым. Прежде всего, утвердилась фиксированная плата за совершение каждого конкретного нотариального действия, лишь дополняемая платой, взимавшейся в зависимости от суммы акта. «Книга сборов нотариуса Мечислава Доминиковича Высоцкого» 1912 г.²³⁴ свидетельствует, что к началу XX в. регистрация всех видов официальных документов оказалась сосредоточенной в руках частных нотариусов: и сделки с недвижимостью, и «верящие письма» – всё теперь подлежало регистрации только у них.



Обложка «Книги сборов» ярославского нотариуса
М. Д. Высоцкого. 1912 год

²³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 235.

Плата за труды нотариуса складывалась из 2 составляющих: фиксированной цены за конкретное нотариальное действие и, в ряде случаев, суммы совершаемого акта. Такой порядок применялся, например, при регистрации сделок с недвижимостью. В случае оформления акта с суммой до 1000 руб. взыскивалось фиксированно 2 руб. и по 10 коп. за каждые 100 рублей суммы акта. Так, за «выпись акта о продаже Захаровым Калинину наделной земли за 300 руб.» плата нотариусу составила 2 руб. 30 коп.: фиксированно 2 руб. и 30 коп. с суммы акта²³⁵. Оформление акта с суммой более 1000 руб. стоило 4 руб. плюс те же 10 коп. с каждых 100 руб. суммы: так, «выпись акта о продаже Колесовым Козлову недвижимого имения в гор. Ярославле за 1525 руб.» принесла нотариусу Высоцкому 5 руб. 53 коп.²³⁶; 4 руб. фиксированной платы и 1 р. 53 коп. (с округлением до целых копеек в пользу нотариуса) из расчёта по 10 коп. с каждых 100 руб. актовой суммы.

Только фиксированная сумма взималась при заверении подписи под документом (20 коп. – за заверение одной личной подписи, 10 коп. – за заверение одной подписи, проставляемой под документом по доверенности). «Выпись духовного завещания» стоила 4 руб., а «совершение» (т. е. не только фиксация уже обдуманного имущественного распоряжения на случай смерти, но ещё и разъяснение, как составить документ и как сформулировать свою волю юридически грамотно) – 6 руб.²³⁷.

Следует особо заметить, что государство, передав регистрацию всех видов актов в руки нотариусов, материально ничего не потеряло, т. к. все прежние госпошлины были сохранены. Вот, например, один из первых актов, составленных в Ярославском крае после проведения нотариальной реформы: 3 августа 1868 г. «жена титулярного советника М. А. Бабина продала купеческому сыну М. Я. Пожалову землю» (несколько участков в различных деревнях) за общую сумму 9540 руб. При оформлении акта были взяты всё те же пошлины: «крепостных 381 рубль 60 копеек» (4 % от суммы акта), «на публикацию» 3 руб. и т. д. Оригинал документа был написан на актовой бумаге ценой в 23 руб. – для сделок «на сумму от 9001 до 10000 руб. серебром»²³⁸. В 1911 г. при покупке у ярославского мещанина А. А. Сверчкова за 11000 руб. участка земли, прилегавшего к городской тюрьме «Коровники», тюремное ведомство кроме этих денег заплатило ещё и «актовых 3 руб., крепостных 440 руб., канцелярских 80 коп., на публикацию 3 руб.»²³⁹ – т. е. те же самые госпошлины.

Расценки на актовую бумагу регулярно росли. Так, бумага «для актов свыше 300 до 900 руб.» до 1879 г. стоила 2 руб., с 1879 г. подорожала до 2 руб. 50 коп. за лист, а в 1887 г. – до 3 руб. 10 коп. Актовый лист для сделок на сумму свыше 900 до 1500 руб. в тот же период подорожал, соответственно, с 3 руб. 50 коп. до 4 руб. 30 коп. в 1879 г. и до 5 руб. 40 коп. в 1887 г.²⁴⁰.

Пожалуй, единственной бесплатной операцией, совершавшейся у нотариуса в те годы, было оформление в собственность крестьянских общин земель, выкупленных у помещиков. Единственный тариф, который при этом платился – акты на «ввод во владение» выкупленными у бывших хозяев землями писались на гербовой бумаге – «вы-

²³⁵ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 235. Л. 8 об.

²³⁶ Там же. Л. 16.

²³⁷ Там же. Л. 1, 6, 9, 13 об.

²³⁸ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 9. Л. 1-1 об., 3.

²³⁹ ГАЯО. Ф. 335. Оп. 1. Д. 1173. Л. 59 об.

²⁴⁰ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 17. Л. 3, 8, 11, 15, 56.

пись» чаще всего на листе в 20 коп., а оригинал акта – на листе в 60 коп. (либо на листе обычной бумаги с наклеенными на него и погашенными гербовыми марками на эту сумму). Например, в 1871 г. были «введены во владение» землями, оцененными в 9066 руб. 66 коп. «Любимского уезда Козской волости общества селений Беляева, Притыкина и Акульцева в числе 68 ревизских душ»: акт был выдан «на приобретение ими посредством выкупа от бывшей их владелицы вдовы генерал-майора Ольги Васильевны Евреиновой в свою общественную собственность отведённой им по уставной грамоте усадебной земли и полевых угодий». Было установлено «выпись выдать на 20-копеечном гербовом листе, каковая выпись и должна быть представлена в Ярославский нотариальный архив для отметки в реестре крестьянских дел». Особо оговаривалось, что «пошлин не следует»²⁴¹.

Как правило, дела о вводе крестьян во владение землёй тянулись очень долго. Например: «1879 года марта 9 дня Мировой судья 1-го участка Мышкинского судебного-мирового округа, вследствие отношения Ярославского губернского по крестьянским делам присутствия от 6 мая 1876 года (курсив наш. – А. К.) за № 4118... при нижеподписавшихся свидетелях ввёл во владение крестьян Мышкинского уезда Оносовской волости Ивановского сельского общества имений Ивановского и Опалёва, в числе 27 ревизских душ мужеского пола, согласно выписи из актовой книги Ярославского нотариуса Горошкова за 1876 г. ч. 2-й ст. 13 № 82». Далее приводится краткое содержание «выписи» с указанием перечня передаваемых крестьянам в собственность земель.

Следует помнить не только об этой волоките, но и о том, что подобная «благотворительность» государства, не бравшего с крестьян пошлин, была обманчивой. Общеизвестно, что в результате «выкупных платежей» крестьяне отдали государству примерно втрое больше денег, чем стоила полученная ими земля; «выкупные платежи... фактически включали и выкуп за личность крестьянина, т. к. сумма выкупных платежей определялась исходя не из рыночной цены на землю, а из дохода помещика с имения». Нотариальные документы той эпохи донесли до нас и цинизм госчиновников: например, сохранилась документация на ввод во владение землёй бывших крестьян любимского помещика Пояркова. Те получили в общей сложности 75 десятин разных земель и угодий «за четыреста руб., каковая сумма дарована крестьянам в ссуду от Правительства»²⁴². «Подарок» был на 49,5 лет под 6 % годовых...

Следует отметить и особую роль, которую играла крестьянская община – самоуправляемое объединение. Эта роль отражалась даже в порядке оформления документов. Так, доверенность, выдаваемая крестьянским сходом, была самодостаточным документом, который нигде больше не регистрировался (напомним, что до Великих реформ «верящие письма» регистрировали в городских думах, магистратах и судах). Вот пример такой доверенности: «Приговор крестьян Шугарского сельского общества от 28 декабря 1899 года»²⁴³. «...Имели совещание о выборе из среды себя доверенного на предмет ходатайствования о восстановлении признаков межевых ям... а потому посоветовались между собой. С общего всех нас согласия приговорили: избрать из среды себя доверенного крестьянина нашего селения Василия Иванов[ич]а Сергеева, которого уполномачиваем ходатайствовать

²⁴¹ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 14. Л. 3–4.

²⁴² Там же. Д. 26. Л. 1.

²⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 1237. Л. 1-А.

по всем нашим делам, как ныне производящимся, так и впредь возникнуть могущим во всех судебных учреждениях и у должностных лиц. Для сего Вы можете подавать прошения, объявления, отзывы на заочные решения и другие бумаги, заявлять споры о подлогах и давать ответы по таковым спорам, получать справки и всякого рода документы, обязательства, копии с них, а равно копии с решений; приносить на последние частные и апелляционные жалобы в мировые суды и судебные палаты, прекращать дела миром и передавать это полномочие другим лицам. Во всём этом мы Вам верим и что по сему сделаете спорить и прекословить не будем, в чём и подписуемся».

Подобный документ заверялся только подписями участников схода; последним расписывался староста, он же ставил ниже печать схода.

Аналогично оформлялась и доверенность от имени общины на совершение сделок разного рода. Например, те же крестьяне Шугарского сельского общества просили того же выборного В. И. Сергеева: «Настоящею доверенностью просим и уполномочиваем Вас продать за цену и на условиях по Вашему усмотрению наше право на находящийся в общем нашем с Вами и другими лицами владении участок пустопорожней земли... для чего доверяем Вам совершить установленные порядком купчие крепости, задаточные, запродажные и неустоечные записи и другие акты, получать задатки и выдавать задаточные расписки, подписывать проекты и самые акты, получать и предоставлять копии, справки, документы, акты, планы, удостоверения, свидетельства, выписки, ходатайства об утверждении актов... везде, где будет следовать, расписываться и подписываться, соблюдая при том требуемые формальности»²⁴⁴.

* * *

Однако основным занятием городского нотариуса той эпохи было всё же оформление различных операций с недвижимостью. Так, «Опись делам и книгам Мологского нотариуса Константина Ивановича Мочульского за 1902 год»²⁴⁵ показывает, что в том году К. И. Мочульский занимался исключительно регистрацией прав на недвижимость и оформлением завещаний и брачных договоров. В общей сложности за год он оформил 75 разных актов: если исходить из расценок от 2 до 4 руб. за оформление сделки с недвижимостью и 4–6 руб. за завещание, можно предполагать, что годовой доход нотариуса составил порядка 300–350 руб. – в губернском Ярославле столько зарабатывал в те годы, например, старший надзиратель крупнейшей тюрьмы региона, знаменитых «Коровников». Этот заработок давал возможность жить не бедно, но и без возможности приобретения каких-либо предметов роскоши.

Здесь необходимо отметить ещё одно немаловажное обстоятельство – нотариальные документы великолепно передают «дух эпохи». Например, 22 января 1902 г. крестьянин Б. П. Борков составил завещание, по которому «всё своё движимое и недвижимое имущество, а равно и капитал, завещает он сыну своему». Но, видимо, не очень надеясь на моральные качества наследника, сделал оговорку: «С тем, чтобы содержал мать свою по день смерти»²⁴⁶.

²⁴⁴ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1237. Л. 2.

²⁴⁵ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1246.

²⁴⁶ Там же. Л. 2 об.–3.

1908 года. Марта 9^{го} дня мы вместе с писавшим Архангельской губернии и уезда, Крестовогородской волости, Кривякиным Енисейского общества, дабы сего дела на саявскомъ слуху, въ присутствіи нашего саи скаго старосты Степана Дмитриева Волкина, единогласно постановили, возобновить артельное содержаніе принадлежавшій намъ участка земли, находящійся на енисейской ваткѣ дню селуца Дятлькова, между трактиромъ Н. А. Медвеца, и складомъ, Вагау и К^е; размеръ пошлуду четыре сажени, а въ длину восемь сажень, а въ ширину участка земли тридцать два сажени, в. Петербургской К^е нами "Надестоя" срокомъ на три года, начиная съ 10^{го} марта 1908 года по 10^е марта 1911 года цѣною по одному рублю за каждую квадратную сажень въ годъ, т. е. тридцать два рубля въ годъ. Архенская плата должна быть уплачивалась арендаторомъ еженежно впередъ, въ томъ и в

Грегор Мина, Иван Мина, Иван Николаев Толкина,
Иван Тареев, Иван Дмитриев Толкина, Павла
Потемкина, Грегор Пократеев, Иван Пократеев,
Василь Соколов, Иван Иванова Толкина, Павла
Куракина, Николай Толмачев, Владимира Никитин
на Пократеев Никитина, Елизавету Душин
Анну Толмачеву, Анну Пократееву, Николаев Толмачев
Дмитрий Екимов, на их издательство и издатель
прессы разданы Александр Толмачев. Иван
Иванов Николай Никитин и Грегор
Потемкин.

Сельскіѣ Старосты Степанъ Толкинъ,

Аполлокліа ассуа
Нананіа „Надежда“

T. Tabach.



Договор акционерного общества «Надежда» с крестьянами Крестобогородской волости г. Ярославля о продлении аренды земельного участка, не зарегистрированный у нотариуса. 1908 г.

Пятью днями перед тем купец А. А. Брядов привёл к нотариусу свою дочь для составления и подписания условия о вступлении в брак: «при выходе в замужество» он единовременно выдавал дочери 4000 руб. деньгами и 2400 различным движимым имуществом. И одновременно требовал расписаться в том, что дочь «отреклась от получения наследства после своего отца»²⁴⁷ – проще говоря, Брядов стремился «сплавить» дочь в руки супруга «раз и навсегда».

Незамужняя молодая крестьянка Е. Лапина, сумевшая, однако, стать владелицей имущества и капиталов на общую сумму в 20000 руб., отчего-то (вероятно, из-за наличия слишком большого числа родственников – претендентов на столь богатое наследство) поспешила оформить завещание: всё имущество она в случае смерти оставляла своей бабушке, а «разным родственникам» завещала выдать из капиталов в общей сложности 2250 руб. Позаботилась и о душе – «на церкви и монастыри» в случае кончины Лапиной подлежало раздать 1350 руб.²⁴⁸

Сохранились и многочисленные свидетельства о слабом владении тогдашними жителями Ярославщины не только юридическими, но и обычными знаниями. Так, 4 марта 1902 г. к нотариусу Мочульскому пришли сразу 58 жителей села Наволок во главе с местным священником о. Иоанном (Тугариновым), чтобы оформить взятие в долг у крестьянина дер. Вакульева И. Ф. Хватова 5000 рублей. В залог Хватову были отданы земли – «более или менее в обеспечение займа»²⁴⁹. На что Хватов, надо полагать, был «более или менее» согласен.

Впрочем, само тогдашнее право было очень даже развитым и знало все категории и нормы, присущие современному гуманитарному праву. Например, 29 марта 1902 г. нотариус Мочульский оформил «крепостное свидетельство» «мологскому мещанину Василию Иванов[ич]у Парыгину о признании за ним права собственности по давности владения на недвижимое имущество»²⁵⁰. А 9 января он же оформил завещание крестьянки М. Н. Капустиной «по которому всё своё имущество, находящееся в её квартире, завещает Мологской мещанке Екатерине Николаевне Новотельновой с тем, чтобы она ухаживала за мной до самой смерти»²⁵¹, т. е. был заключён по сути договор пожизненной ренты.

Судебные органы после нотариальной реформы занимались вопросами наследования и разрешения имущественных споров лишь в исключительных случаях – например, в случае кончины наследодателя без оставления завещания. Подобный случай имел, например, место в Ярославском окружном суде «по Гражданскому отделению» в 1879 г.: некая Е. П. Окулова скончалась, не оставив «духовной»; претензии на имущество покойной предъявила её дальняя родственница М. Королёва. После того, как была сделана третья публикация в «Санкт-Петербургских сенатских объявлениях» (специализированном издании, публиковавшем тексты нотариальных и иных т. п. актов) об открытии наследства, после неё прошло полгода и никто не заявил претензии на имущество Окуловой – суд утвердил Королёву в правах на имущество, на основании «предоставленных по делу свидетельств духовных консисторий»²⁵².

²⁴⁷ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1246. Л. 2 об.

²⁴⁸ Там же. Л. 3–3 об.

²⁴⁹ Там же. Л. 4–4 об.

²⁵⁰ Там же. Л. 4 об.

²⁵¹ Там же. Л. 2 об.

²⁵² ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 155. Л. 1 об.

Регистрация отношений, связанных с недвижимостью, требовала от нотариусов большой дотошности, тщательности и аккуратности. Одних только систем оценки земли и построек существовало до 7 видов. Так, в сентябре 1917 г. личный почётный гражданин г. Пошехонье купец Н. Н. Шалаев решил подарить Пошехонскому городскому обществу «для помещения среднего учебного заведения – прогимназии» принадлежавший ему дом. Когда местный нотариус Г. И. Берсенов запросил различные городские службы об оценке недвижимости, то получил целую сводку разнообразных цен: «городская» стоимость дома составила 3800 руб., столько же «земская», «государственная налоговая» была указана в 5900 руб., «страховую» и «банковскую» вообще затруднились определить. В итоге купчую написали с указанием цены в 6000 руб. «по совести»²⁵³.



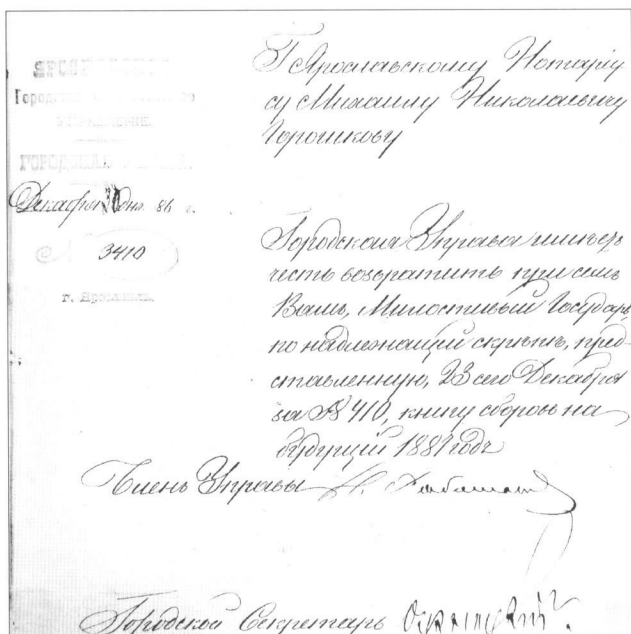
Одно из гражданских дел любимского нотариуса
А. А. Зыкова. 1915 г.

²⁵³ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 2. Д. 1131. Л. 1–2.

Следует, кстати, заметить, что эта нравственная категория в те годы весьма часто фигурировала в правовых документах, как и апелляции ко Всевышнему. Вот, например, типичная формулировка завещания того времени: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, я, нижеподписавшаяся Анна Яковлев[н]а Куликова, находясь в здравом уме и твёрдой памяти, на случай смерти делаю следующее распоряжение...». Заканчивается текст «духовной» словом «Аминь»²⁵⁴ (в буквальном переводе – «Да будет так»).

Впрочем, основной настрой всё же был на то, что «на Бога надейся, да сам не плошай». Оформленный нотариусом на месте акт подлежал обязательному засвидетельствованию у т. н. старшего нотариуса – фактически чиновника окружного суда, который проверял акт на правильность оформления и соответствие изложенной в нём информации действительности. Если всё было в порядке, то акт регистрировался в особой учётной книге, а объявление о нём, составленное по своей форме, публиковалось в специализированной газете «Сенатские объявления» (издавалась в Санкт-Петербурге).

«Нотариусские книги», ранее выдававшиеся из городской думы, теперь также выдавались нотариусам из Гражданского отделения Окружного суда. Обычно это делалось в последних числах уходящего года: например, ярославский нотариус М. Н. Горошков получил все книги для ведения дел в 1887 г. 23 декабря 1886-го²⁵⁵.



Письмо Ярославской городской управы нотариусу М. Н. Горошкову с извещением о выдаче ему «нотариусских книг» на 1887 г.

²⁵⁴ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 416. Л. 1–1 об.

²⁵⁵ Там же. Д. 257. Л. 1.

Контроль со стороны старшего нотариуса был строгим: сохранилось, например, заявление московского дворянина В. И. Дородина мологскому нотариусу К. И. Мочульскому от 12 января 1894 г.: Дородин просил нотариуса довести до сведения жительницы Мологского уезда Д. И. Барабановой, что ранее подписанная с ней купчая о продаже земли «при деревне Малой Реже» «старшим нотариусом Ярославского окружного суда не утверждена, вследствие вкравшейся описки в выписи купчей крепости»²⁵⁶. Возлагая вину за это на небрежность доверенного Барабановой, Дородин просил её разрешить недоразумение и переоформить выпись как положено.

Такие казусы, впрочем, возникали достаточно редко – нотариусы очень тщательно подходили к оформлению сделок. Вот типичный образец купчей тех лет: «1878 года марта 1 дня явились к Сергею Александровичу Тихомирову, ярославскому нотариусу, в контору его... лично ему неизвестные, назвавшиеся крестьянами Ярославской губернии Любимского уезда Черностанской волости деревни Холм Василием Никифоровым (Никифоровичем. – А. К.) Горюновым, Прасковьею Васильев[н]ой Чернышовой, Анисьею Фёдоров[н]ою Фирюковою, Кириллом и Анисьей Моисеевыми (Моисеевичами. – А. К.) Молотовыми и Иваном Матвеевым (Матвеевичем. – А. К.) Кирилловым, живущими в той же деревне, представившими в удостоверение своей личности свидетельство, выданное из Черностановского волостного правления 21 февраля сего 1878 года за № 308, в сопровождении лично ему известных и удостоверивших законную правоспособность означенных крестьян к совершению актов свидетелей: коллежского секретаря Петра Андреевича Знаменского, губернского секретаря Алексея Николаевича Лебедева и дворянина Владимира Михайловича Михайлова, живущих в городе Ярославле...»²⁵⁷. То есть для оформления сделки в любом случае привлекали грамотных и образованных свидетелей.

Отдельной процедурой было оформление нотариального акта для неграмотного клиента. Обычно для этого привлекался ещё один, дополнительный свидетель. Например, 18 января 1912 г. к мологскому нотариусу Г. Н. Абаляеву пришли для совершения акта купли-продажи «1/3 пахотного поля» крестьяне И. И. Ворошилов и А. И. Кабанов, причём Ворошилов был неграмотным. Тогда «по безграмотству его и личной просьбе расписался крестьянин с. Итманова Иван Васильев[ич] Камакин», а в том, что всё происходило именно так, особо расписался дополнительный приглашённый свидетель мологский мещанин М. Н. Голубин²⁵⁸.

Процедура оформления актов проходила так: сначала нотариус писал черновик («проект») документа, который зачитывался контрагентам без свидетелей, затем, если возражений не было, документ писался набело и зачитывался вслух при свидетелях, своими подписями подтверждавших подлинность акта и соответствие написанного прочитанному. Обязательно заводилось дело на каждый акт, в которое подшивались проект документа и переписанные нотариусом сопроводительные документы – удостоверения личностей, доверенности и пр.

Нельзя не отметить и достаточную оперативность работы старших нотариусов: так, крестьяне, явившиеся 1 марта 1878 г. к нотариусу С. А. Тихомирову, уже 3 марта получили у старшего нотариуса свидетельство об утверждении акта²⁵⁹. Затяжки в регистрации актов возникали главным образом вследствие транспортных проблем:

²⁵⁶ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1242. Л. 29.

²⁵⁷ Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 3.

²⁵⁸ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.

²⁵⁹ Там же. Оп. 3. Д. 18. Л. 3 об.

старший нотариус был один на всю губернию и постоянно находился в Ярославле, куда и надо было ехать даже из самого отдалённого уголка края, чтобы завершить сделку. По этой причине, например, более чем на месяц затянулось оформление залога имения «крестьянином Михаилом Галактионовым (Галактионовичем. – А. К.) Караулиным вдове поручика Анне Климовне Вельяшевой»: сделку заключили 2 января 1884 г., а утверждение выписи произошло 20 февраля²⁶⁰.

Процедура утверждения также была по сути платной – заявление старшему нотариусу подавалось на гербовом листе или листе с наклеенными гербовыми марками на 3 руб.²⁶¹.

Работать старшему нотариусу Ярославского окружного суда приходилось очень интенсивно – например, по состоянию на 18 сентября 1884 г. он рассмотрел с начала года 2271 дело²⁶².

* * *

Не менее любопытно проследить и ещё один аспект работы дореволюционных нотариусов, который условно можно назвать «социальной деятельностью». Эта деятельность имела как формальную (предписанную законами), так и неформальную сторону.

Например, по закону нотариус был обязан сам явиться для совершения акта в дом слепого или больного клиента, а не вызывать того в контору²⁶³. Так произошло, например, в 1881 г. в Рыбинске, где местный нотариус В. М. Савицкий «прибыл в дом наследников купца Смирнова для совершения акта за болезнью госпожи Кувшинниковой»²⁶⁴, хотя та была лишь одной из почти десятка участников составления «раздельного акта между наследниками» покойного купца.

Очень часто нотариусу приходилось выступать кем-то вроде посредника в спорах, точнее, некоей «передающей инстанцией»: через него осуществлялась передача документов спорящими сторонами. Так, в августе 1917 г. некоузский нотариус А. А. Локалов передал «обществу крестьян деревни Исаково» довольно резкое письмо от А. Г. Медведева, арендовавшего у общества несколько участков земли. Направляя крестьянам арендную плату за землю, Медведев вместе с тем просил нотариуса передать им, что «так как с 12 марта 1916 года я, по вине Общества, лишен был возможности пользоваться участком, на котором стоит дом-гостиница, двор, кладовая и сарай – вполне, а другим, на котором стоит дом и кладовая – отчасти, то я оставляю за собой право ту часть уплачиваемой суммы, какая окажется переплатой, против следующего Обществу в действительности, зачесть в будущие платежи, которые будут причитаться с меня по вышеуказанному договору». А нотариуса просил: «О передаче Обществу денег и настоящего заявления прошу Вас, господин Нотариус, выдать мне удостоверение, в которое включить и ответ Общества, буде таковой последует»²⁶⁵.

²⁶⁰ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 158. Л. 1-А.

²⁶¹ См. напр.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 2. Д. 1098. Л. 1.

²⁶² ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 158. Л. 286.

²⁶³ Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов / Сост. И. М. Тютрюмов. Книга 5-я. (http://civil.consultant.ru/elib/books/37/page_22.html).

²⁶⁴ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 22. Л. 1.

²⁶⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1207. Л. 1.

Хотя и это был не самый выдающийся случай «мировтворческой» деятельности ярославских нотариусов. Иные казённые ведомства – например, Губернская тюремная инспекция – проводили сомнительные операции с недвижимостью куда плохее, чем крестьяне, отказавшие арендатору Медведеву в пользовании «домом-гостиницей». Соответственным было и отношение к ним со стороны потенциальных продавцов земли и зданий для тюремных нужд²⁶⁶.

«Согласно разрешению Главного Тюремного Управления № 9823 от 13 июля 1896 года» Попечительство над Ярославским исправительным арестантским отделением, председателем которого был ярославский вице-губернатор, приобрело «в полную собственность» наиболее востребованные на тот момент арестантские производства: ассенизационный обоз и «кирпичный завод со всем инвентарём и разным материалом по производству работ». Приобретение было подозрительно дешёвое: за всё городу обязались уплатить 8355 руб. 82 коп., да и те не сразу, а «в течение 10 лет равными долями», т. е. примерно по 836 руб. в год. Для сравнения: когда в 1902 г. ассенизационный обоз ЯИАО начал обслуживать Пастуховское механико-техническое училище, то за полугодие с июля по декабрь тюрьма заработала на одном только этом заказе 172 руб. 80 коп.

Что ещё интереснее – оплата производилась не из собственных средств Попечительства (какими, например, по приобретении завода в собственность, стали все доходы от кирпичного производства), а из денег казны. Фондом для погашения долга за завод и обоз стали средства Главного тюремного управления, «отпущенные в разное время из Работного фонда на устройство и эксплуатацию кирпичного завода и ассенизационного обоза». Т. е. до того, как выкупить завод, Попечительство несколько лет исправно получало от казны деньги на его развитие, которые куда-то откладывало. А потом предъявило городским властям «недоразвитые» завод и обоз – с предложением выкупить их по сходной цене.

Поражают и действия городских властей, которые поспешили избавиться от столь ценного актива так быстро. Тогда как из отчёта начальника ЯИАО от 20 ноября 1889 года следовало, что «в текущем году» завод произвёл 600 тыс. шт. кирпича, а на грядущий 1890-й было запланировано произвести уже 1 млн. шт. Такие темпы развития производства и в «сталинские пятилетки» были редкостью. Хотя... чего не сделаешь под председательством вице-губернатора.

Потеряв после Русско-японской войны половину Сахалина, центральная власть приняла решение: в городах Европейской России, где это возможно, переоборудовать местные исправительные арестантские отделения в т. н. «временно-каторжные тюрьмы». В Ярославле такое предписание получили в феврале 1910 г. В ответ начальник ЯИАО категорически заявил – увеличить число арестантов в отделении, как того требовали в Петербурге, невозможно: ЯИАО и так забито до отказа, вплоть до того, что дрова приходится складывать в штабеля прямо у тюремной стены. Зато предложил-вариант решения проблемы: надо купить участки земли, прилегающие к тюрьме.

«Забор в забор» к арестантскому отделению упирались три «усадебьы»: мещанина Сверчкова, Всехсвятской церкви и вдовы Кочениной. Видимо решив, что и тут всё обойдётся как с покупкой завода, в своём рапорте начальник ЯИАО бодро

²⁶⁶ Подробнее см.: *Коняев А.* Бизнес за решёткой // *Городские новости (Ярославль)*. 2007. № 83 (985). 7 ноября. С. 14; *Его же.* Коровниковые землевладельцы // *Губернский город (Ярославль)*. 2007. № 12. С. 62–64.



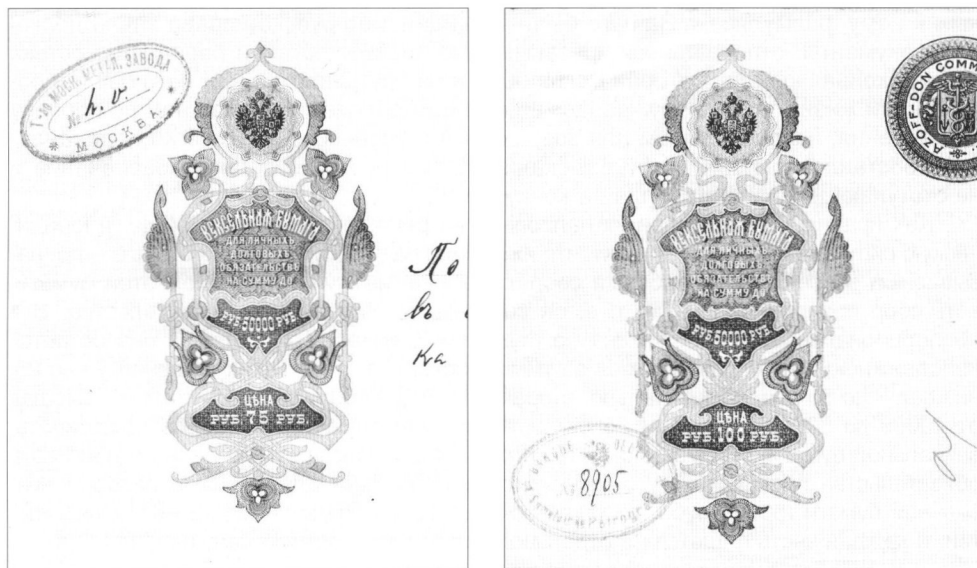
Набросок плана покупки земель Ярославской временно-каторжной тюрьмой. 1910 г.

написал: все трое готовы продать отделению свои земли даже ниже рыночной стоимости земли – 6 руб. за квадратную сажень. В реальности же началось препирательство почти на три года.

Мещанин Сверчков и в самом деле был готов продать усадьбу со значительными скидками: 1958 кв. сажен земли рыночной стоимостью по 6 руб. за сажень он согласился уступить за круглую сумму в 11 тыс. руб. Только вот потребовал всю сумму наличными немедленно по совершении сделки. Далее – цитата из отчёта Ярославского губернского тюремного инспектора: «Несмотря на убеждения мои, Нотариуса и присяжного поверенного Королёва, Сверчков ни на какие уступки не пошёл. Считая невозможным без риска для интересов казны уплатить все деньги Сверчкову, не дожидаясь утверждения Старшим нотариусом купчей крепости, я от совершения её (сделки – А. К.) на этих условиях отказался». ...Интересно, что же такого мог сделать Сверчков «не дожидаясь утверждения Старшим нотариусом купчей крепости»? Сложить свою землю в рюкзак и сбежать с ней куда-нибудь?

Мещанское упорство понятно: Сверчкову предложили 1000 руб. сразу и 10000 в рассрочку. «Получишь с вас, как же!..» – наверняка подумал Сверчков и... всё-таки продал землю. По новым условиям: 3000 руб. задатком и 8000 – немедленно по подписании купчей. Хотя перед этим тюремный инспектор написал в том же рапорте: «Покупка этого земельного участка вряд ли возможна и в будущем, т. к. Сверчков своим странным поведением в Конторе Нотариуса произвёл как на меня, так и на всех присутствовавших, впечатление ненормального в умственном отношении человека».

...Вклад нотариуса в дело благополучного завершения операции по покупке земли тюремным ведомством – очевиден. А вот получил ли он хоть какое-то вознаграждение (помимо своих 4 руб. за акт и 11 руб. исходя из расчёта по 10 коп. с каждых 100 руб. суммы акта) за свои «упражнения» в психологии и даре убеждения – история об этом умалчивает.



Вексельная бумага для обязательств до 50000 руб.: фрагменты листов 1913 г. (слева) и 1916 г. (справа)

Иногда и исполнение нотариусом своих непосредственных обязанностей сопровождалось значительной бюрократической волокитой. Например, в 1893 г. заключённый Мологского тюремного замка Фёдор Смирнов пожелал оформить доверенность на имя своей матери. Для того чтобы это сделать, мологский нотариус был вынужден обращаться к начальнику тюрьмы, тот – в прокуратуру... Наконец, 15 октября 1893 г. последовало приглашение от начальника тюрьмы: «Г. Товарищ (заместитель. – А. К.) прокурора Рыбинско-Мологского участка Ярославского окружного суда 9 сего октября словесно разрешил допустить г. Нотариуса во вверенный мне замок для написания доверенности от арестанта Фёдора Смирнова на имя его матери Феодоры Смирновой. О сём сообщая, имею честь просить Вас, Милостивый государь, пожаловать, когда Вам будет возможно, в контору тюремного замка для совершения вышеозначенного»²⁶⁷.

* * *

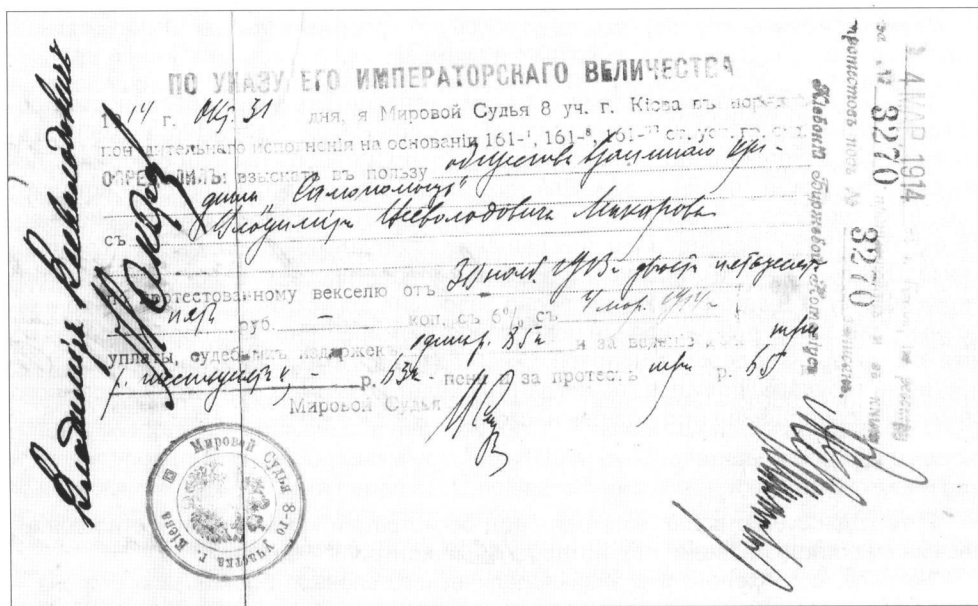
В те годы существовал ещё один вид регистрации коммерческих отношений, весьма мало подпадавший под нотариальный контроль – вексель.

Вексель, по определению энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона – «документ, составленный с соблюдением предписанных форм и воплощающий в себе срочное денежное обязательство; также – самое это обязательство». В России наиболее прижился т. н. простой вексель, «который проник в практику не столько благодаря тексту устава 1729 г. («Вексельный устав». – А. К.), сколько приложен-

²⁶⁷ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1242. Л. 2–2 об.

ным к нему формулярам. За него были традиции, ибо русское право знало долговые документы, отличавшиеся чрезвычайною подвижностью и передаваемостью: это – исконная кабала, которая могла быть и на предъявителя. За него были и потребности жизни, которая нуждалась в долговом документе, домашнем по порядку составления, непререкаемом для возражений о безденежности, легко передаваемом, обставленном быстротой взыскания, допускающем судебное обеспечение и не отступающем на задний план в конкурсе»²⁶⁸.

Как правило, векселя при их написании не регистрировались вообще, а юридическую силу им придавал тот факт, что их писали на особой гербовой бумаге – так называемой вексельной. «Гербовый сбор, оплачиваемый употреблением этой бумаги, есть сбор пропорциональный, т. е. он соразмеряется с суммой обязательства. Эта пропорциональность расположена по ступеням: в известных пределах она остается неподвижною и не соразмеряется с суммою обязательства. Таких ступеней у нас 25: низшая – до 50 руб. включительно, вторая – от 50 до 100 руб. включительно, высшая от 40000 до 50000 руб. Этим 25 ступеням соответствуют 25 разборов (достоинств) вексельной бумаги, стоимостью от 10 коп. до 54 руб. Когда сумма личного долгового обязательства превышает ту сумму, которая назначена для высшего разбора вексельной бумаги (50000 руб.), то такое обязательство разделяется на несколько частей, и каждая часть пишется на отдельном листе соответствующего разбора»²⁶⁹.



Отметки о протесте векселя на его обороте. 1914 г.

²⁶⁸ Вексель // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1892. – П/том 10. С. 733, 737.

²⁶⁹ Вексельная бумага // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1892. – П/том 10. С. 739.

Стоимость вексельной бумаги регулярно повышалась: так, в начале XX в. расценки, приводившиеся «Энциклопедическим словарём...» по состоянию на 1892 год, уже были устаревшими. Вексельный лист на сумму до 50000 руб. включительно стоил тогда уже не 54, а 75 руб.; вексельный лист на сумму до 50 руб. по-прежнему стоил 10 коп., однако все последующие (на сумму до 100, 200, 300 и т. д. рублей) подорожали и стоили, соответственно, 15, 30, 45 и т. д. копеек – из расчёта 15 коп. на каждые 100 руб. суммы акта. С началом Первой мировой войны произошло очередное удорожание и, к примеру, вексельный лист на сумму акта до 50000 руб. образца 1916 г. стоил уже 100, а не 75 руб. Количество «разборов» вексельной бумаги в последний период существования Российской империи сократилось – их стало 23 вместо 25.

К нотариусу держатели векселей обращались, как правило, лишь в случае возникновения кризисных ситуаций – прежде всего, неплатежей в срок по обязательствам, изложенным в векселе. Вот одно из типичных ходатайств – письмо Правления Ярославского общества взаимного кредита ярославскому нотариусу М. Н. Горошкову от 2 января 1887 г.: «Правление Общества, препровождая при сём вексель за № 251 на сумму сто пятьдесят рублей, имеет честь просить Вас протестовать оный как на векселедателя, так и на бланконадписателя»²⁷⁰ – неблагоприятны оказались оба участника сделки.

В подобных случаях на обороте векселя ставился особый штамп: такого-то числа в городе ... по реестру за № ... вексель протестован и в книгу протестов под № ... записан; далее следовала подпись нотариуса, заверенная его личной печатью.

Во всех иных случаях, как правило, обходились «своими силами»: например, если вексель давал неграмотный крестьянин, то расписывался за него волостной писарь, а подлинность векселя удостоверялась приложением печати сельского общества.

* * *

История развитого и полноценно оформленного законодательно дореволюционного российского нотариата оказалась относительно короткой – чуть более 50 лет. Однако этого времени хватило, чтобы система нотариата не только сложилась и оформилась: невзирая на все трудности службы, постоянный контроль со стороны государства и, наконец, необходимость внесения значительного денежного залога при поступлении на должность – в стране сложилась профессиональная прослойка нотариусов.

Ярославские документы начала XX в. однозначно свидетельствуют, что нотариат прижился в нашем регионе и стал неотъемлемой частью жизни края. Один из ярких показателей этого – к началу XX в. появились специалисты, делавшие карьеру на нотариальном поприще. Например, в 1907 г. мы находим упоминание о «нотариусе села Некоуза Мологского уезда Григории Николаевиче Абалееве»²⁷¹. А пять лет спустя, в 1912 г., застаём Г. Н. Абалеева уже мологским нотариусом²⁷². Для занятия должности городского нотариуса требовалось внести залог значительно больший, чем для занятия должности сельского. Однако нотариальное дело, видимо, стало для Абалеева достаточно доходным, чтобы расширять свою практику.

²⁷⁰ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 257. Л. 4.

²⁷¹ См.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1.

²⁷² См., напр.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 211.



*Контора ярославского нотариуса В. И. Несытова. Фотография.
Начало XX века*

* * *

Отдельно следует сказать о 1917 г. в истории российского нотариата.

Стихийные волнения, начавшиеся в Петрограде в конце февраля 1917 г. и переросшие затем в Февральскую революцию, свергнувшую самодержавие, особенно сильно затронули такие части правоохранительной системы государства, как полиция, жандармерия и тюремная система: тюрьмы, жандармские отделения и полицейские участки подверглись значительным погромам со стороны восставших. Что же касается суда и, в особенности, его «Гражданского отделения», то здесь, если судить по сохранившимся документам, никаких изменений почти не произошло, революции словно бы и не было.

Дело в том, что, к примеру, тюремная система, «выступая в качестве основного придатка государственной власти, в сознании народа всегда отождествлялась с насилием, произволом, беззаконием. Поэтому в периоды революционных потрясений в своём большинстве энергия восставшего народа осознанно или стихийно направляется на слом тюремных учреждений. В разрушении их видится выход из

бесправия, гнёта и вечного страха перед силой государства»²⁷³. Нотариат же напротив – представлялся инстанцией, гарантирующей и удостоверяющей имущественные и другие личностные права – и поэтому подлежал, даже в сознании «революционно настроенных масс» безусловному сохранению.

От периода февраля-октября 1917 года в Ярославском крае остался внушительный массив нотариальных документов. Однако среди них нет ни одного, где говорилось бы о том, что нотариальным конторам или нотариусам был причинён хоть какой-то вред. Совсем наоборот – жители Ярославщины точно так же, как и до революции, мирно и благопристойно ходили оформлять свои имущественные и иные права.

Вот, например, примечательный документ: 14 апреля 1917 г. к Некоузскому нотариусу А. А. Локалову пришли крестьянки Орлова, Васильева и Лобанова. Орлова и Васильева (мать и дочь) продали Лобановой полторы десятины земли за 95 руб.²⁷⁴. Примечательна прежде всего эта сумма: за лето 1917 г. инфляция увеличилась самый минимум в 4 раза, да и до этого цены на основные продукты (т. е., говоря условно, «жизнь») подорожали в 1,5–2 раза по сравнению с летом 1914 г. Так что сумма в 95 руб. была очень маленькой – для сравнения, рабочий Ярославской большой мануфактуры получал в те месяцы порядка 53 руб. ежемесячной зарплаты²⁷⁵. Однако уважение к праву собственности в крестьянском сознании было выше – поэтому купчую оформили законным порядком.

По-прежнему высоким был профессионализм работы нотариусов. Например, когда 15 марта 1917 г. крестьянка Суханова решила продать крестьянину Туркину «пахотную землю, расположенную в шести полях в количестве двенадцати полос», а также «право участия в общественных угодьях» (ещё 3 весьма пространных подпункта в акте) и «усадебный участок со всеми без исключения жилыми и нежилыми постройками» (перечень и описание которых заняли ещё почти страницу), то нотариус не только тщательнейшим образом оформил перечень продаваемого имущества, но и запросил в Некоузском волостном правлении данные об уже имеющих земельных владениях Туркина²⁷⁶. (Вероятно, чтобы подробнее выяснить, что это за человек и насколько законна его деятельность.)

Прежним остался весь порядок оформления актов – например, к этой процедуре допускались только лица, предъявившие удостоверение личности. Изменилась лишь форма этих удостоверений: так, если ещё весной и летом 1917 г. свидетельства о личности крестьян выписывались волостным старшиной, то с сентября их стали оформлять волостные комитеты²⁷⁷.

Общий порядок нотариальной деятельности, который можно без преувеличения назвать образцовым, сохранялся в Ярославской губернии вплоть до конца октября 1917 года.

Очень характерен в этой связи один из последних добольшевистских документов: очередное заявление уже упоминавшегося нами А. Г. Медведева некоузскому

²⁷³ Приговор приведён в исполнение. К 125-летию уголовно-исполнительной системы России / Авт.-сост. А. Н. Пичуев. – Ярославль, 2004. С. 32.

²⁷⁴ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1185. Л. 1–1 об.

²⁷⁵ Абрамов А. С. Формирование органов гражданской милиции Временного правительства (по материалам Ярославской губернии). // Путь в науку. Вып. 6. – Ярославль, 2001. С. 99; Коняев А. Е. История в историях. – Ярославль, 2008. С. 80.

²⁷⁶ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1188. Л. 1–3.

²⁷⁷ См. напр.: ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1228. Л. 5.

нотариусу А. А. Локалову. Не сумев в августе вручить своим арендодателям из «общества крестьян деревни Исаково» 400 руб. и претензию насчёт невозможности пользоваться «домом-гостиницей», Медведев повторил свою попытку 30 октября 1917 г. Не удалось и на этот раз, на документе расписка: «1917 года Октября 31-го деньги обратно получил. А. Медведев»²⁷⁸. Пока в столицах шли перевороты, «на местах» люди продолжали спокойно заниматься повседневными заботами, верным помощником в решении которых оставался нотариус.

* * *

Таким образом, подводя общий итог, можно констатировать: нотариальная реформа 1866 г. оказалась одной из наиболее удачных «Великих реформ». Несмотря на все отдельные недостатки, она позволила создать в России полноценный, грамотно оформленный в законодательстве, вполне функционирующий институт нотариата латинского образца. Можно говорить и о том, что в известной степени этот институт способствовал развитию в России гражданского права как такового: во многом именно из нотариальной практики возникли договор пожизненной ренты и т. п. акты, характерные для высокоразвитого в правовом отношении общества.

За относительно короткий период своего существования – всего лишь 50 с небольшим лет – дореволюционный российский нотариат прочно вошёл в жизнь страны, стал неотъемлемым и, что особенно важно подчеркнуть, глубоко уважаемым народом правовым институтом.

В 1917 г. развитие российского нотариата латинского образца было прервано большевистскими экспериментами над правом, однако накопленный опыт был столь велик, что его нельзя было отменить декретами. Неудивительно поэтому, что и в наши дни нотариальное право ежедневно обращается к дореволюционным образцам ведения нотариального дела.

²⁷⁸ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 1. Д. 1209. Л. 1–1 об.

МЕЖДУ ДВУХ ИМПЕРИЙ

Ярославский нотариат в 1917–1947 гг.

Среди современных историков, правоведов и философов весьма прочно утвердилось мнение о так называемой «сталинской империи» – тоталитарном режиме, окончательно сложившемся в СССР после Победы 1945 г. Современный сталинист Р. Баландин однажды проговорился: «Реальный опыт истории показал, что социализм по сути своей ближе к феодально-самодержавному, а не к капиталистическому буржуазному строю», а Сталину «в конце 1930-х годов удалось создать социалистическую монархию»²⁷⁹. К этому феномену можно подходить с различных сторон; особенно широк перечень морально-философских оценок этого явления (например: «О величии эпохи спросите у раздавленных ею»²⁸⁰) – нас же интересует другое.

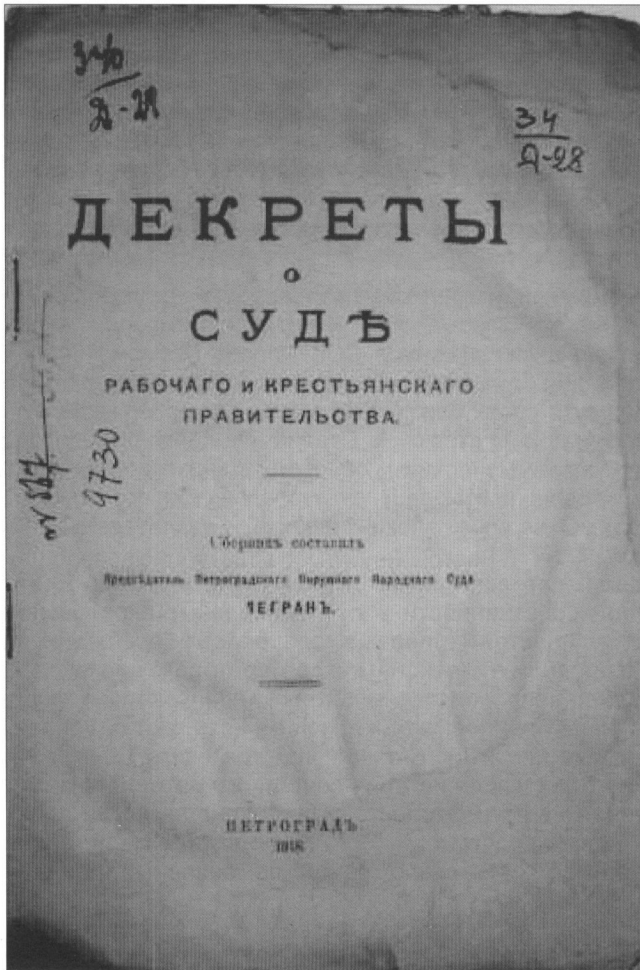
Одной из догм советской идеологии было отрицание, в той или иной мере, принципа частной собственности – от радикальных экспериментов по строительству «нового общества» в первые годы власти большевиков до порицания «вещизма» в «соцреалистической» литературе брежневской эпохи. Подобная идеология находила непосредственное отражение в экономике и политике. Возникает закономерный вопрос: как же мог выжить в этих условиях нотариат – правоохранительный институт, стоящий прежде всего на страже частной собственности? И в этом смысле история советского нотариата важна для понимания общей истории нашего Отечества того периода, когда практика наглядно продемонстрировала несостоятельность господствовавшей идеологии. (В дальнейшем это противоречие стало одной из основных причин самораспада СССР.)

В целом историю советского государства можно разделить на два периода: тоталитаризм – до конца правления Сталина, 1917–1953 гг., и авторитаризм (с попытками демократических реформ в годы «Перестройки») – 1953–1991 гг. История советского нотариата в целом может быть разделена на два похожих периода, однако их хронологические границы будут несколько иными. В частности, первый период начался с «Декрета № 1 о суде» от 24 ноября 1917 г., уничтожившего «буржуазно-помещичьи судебные органы», а закончился принятием Постановления Совета министров РСФСР от 31 декабря 1947 г. № 980 «Об утверждении Положения о государственном нотариате РСФСР». Как первый, так и второй акты стали в своё время основополагающими документами, определившими роль и место нотариата в жизни страны и перспективы его развития.

В этих временных рамках мы и будем рассматривать историю ярославского нотариата советской эпохи.

²⁷⁹ Баландин Р. К. Мифы революции 1917 года. – М., 2007. С. 38, 182.

²⁸⁰ Шендерович В. А. Антология сатиры и юмора России XX века. Т. 2. – М., 2003. С. 215.



Титульный лист сборника узаконений РСФСР о суде.
Изд. 1918 г.

* * *

Выдающийся современный историк и философ А. М. Буровский однажды задался вопросом: «Что, собственно, означают слова „Большевики взяли власть“?» И дал на него исчерпывающий ответ: «Ровно одно – что в конце 1917 года большевики захватили власть в Петербурге и в Москве. И только. А Российская Империя лежала фактически безвластная, можно сказать, без правительства. Тогда же на национальных окраинах и в области Войска Донского стали возникать местные органы самоуправления, хоть как-то брать в руки хоть какую-то власть. На Юге и в Сибири начали форми-

роваться будущие белые армии. А большевики столкнулись с проблемой, о которой вряд ли думали раньше: с ними попросту никто не хотел сотрудничать. Что стоит хунта, захватившая власть, если у неё нет ни управленческого аппарата, ни полиции, ни армии? Чиновники не хотели выполнять своих прямых обязанностей, чтобы не работать на узурпаторов, и никакие декреты, грозившие смертной казнью за саботаж, никакие чрезвычайные комиссии не могли тут ничего изменить. В конце концов, чиновник может сидеть в своём кресле весь положенный рабочий день, усердно скрипеть пером и звонить по телефону... Но при этом он будет работать так, что лучше бы он этого не делал»²⁸¹. Происходило это потому, что «не верит никто, что большевики долго усидят: их меньшинство и в Советах, и в армии, и везде. Никакие учреждения не хотят с ними сотрудничать. Их приказы не выполняют: ни железнодорожники, ни телеграфисты, ни банковские клерки, ни типографщики, ни купцы»²⁸².

Ещё более неопределённой была ситуация в провинции. Так, в Брейтовской волости Ярославской губернии местные крестьяне 6 января 1918 г. образовали свой собственный Совет народных комиссаров. Его председатель М. С. Маслов-Варсягин позже вспоминал: «Долго думали, как назвать этот орган. Из соседней волости позаимствовать название не могли – там ещё Советов не было, в уезде существовал только ревком. Нам было известно, что в Петрограде создан Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным. Поэтому и мы решили избрать Брейтовский волостной Совет народных комиссаров». «Народных комиссаров в Брейтове выбирали тайным голосованием, опуская баллотировочные шары, обнаруженные в здании бывшей волостной управы. Наркомом земледелия стал Н. Грозный, наркомом финансов и народного хозяйства – П. Сторожев, наркомом юстиции – Н. Тихомиров, наркомом торговли и кооперации – П. Комиссаров, наркомом просвещения и призрения – А. Одинцов»²⁸³.

Однако вся деятельность местечковых «министров» свелась к банальному переделу земли: были конфискованы и заселены «беднотой» (какой-либо информации о том, по каким признакам относили к малоимущим, не сохранилось) бывшие помещичьи усадьбы, конфискованы монастырские и помещичьи земли. Выяснять же, что делать дальше, брейтовские «наркомы» поехали в Петроград к Ленину, который принял их 28 января 1918 г. и по итогам беседы распорядился выписать «ходакам» 5000 руб. денежной помощи и выдать 2 мешка политической литературы.

Столичный Совнарком подобными вопросами «с мест», что называется, «завалили» уже в первые недели после Октябрьского переворота, поэтому 5 (18) ноября 1917 г. Ленин был вынужден особо разъяснять: «В ответ на многочисленные запросы крестьян разъясняется, что власть в государстве перешла ныне всецело в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Помещичья собственность на землю II Всероссийским съездом Советов отменена. Все помещичьи земли полностью и целиком поступают в руки Советов крестьянских депутатов. Волостные земельные комитеты должны тотчас же брать все помещичьи земли в своё распоряжение под строжайший учёт, охраняя полный порядок, охраняя

²⁸¹ Буровский А. М. Евреи, которых не было. Курс неизвестной истории. В 2 кн. Кн. II. – М., Красноярск, 2004. С. 194.

²⁸² Веллер М., Буровский А. Гражданская история безумной войны. – М., 2007. С. 16.

²⁸³ Хамыш А. Брейтовский совнарком у В. И. Ленина // Советская Ярославия (Ярославль). – 2008. № 51. С. 6.



Центр Ярославля после большевистских артобстрелов. Лето 1918 г.

строжайше бывшее помещичье имущество, которое отныне стало общественным достоянием и которое поэтому сам народ должен охранять»²⁸⁴.

Ещё более показателен запрос, отправленный в Ярославль начальником любимской тюрьмы 2 сентября 1918 г.: «Прошу Карательный отдел дать точное разъяснение что из себя представляет Карательный отдел и какие его функции, но покада при Любимском уезде его не существует»²⁸⁵, т. е. на местах большевистские руководители зачастую не знали даже, как организовать карательную политику, основу основ советской власти ленинского и сталинского периодов.

Не менее важной проблемой Ярославского края в 1918–1923 гг. стал «региональный сепаратизм» Ростова и Рыбинска, особенно в 1918 г., когда после антибольшевистского восстания «Ярославль объективно уже не мог нормально управлять губернией». С 5 февраля 1921 г. по 15 февраля 1923 г. существовала даже отдельная Рыбинская губерния, в состав которой отошли Мологский, Мышкинский, Пошехонский, Рыбинский и Угличский уезды²⁸⁶. Постоянная «грызня» ярославской и уездных партийных верхушек, доходившая иногда до откровенно фальсифицируемых уголовных процессов, отнюдь не способствовала формированию в крае единого и стабильного «правового поля».

²⁸⁴ Ответ Председателя Совета народных комиссаров. 5 ноября 1917 г. // Декреты советской власти. Т. 1. – М., 1957. С. 46–47.

²⁸⁵ ГАЯО. Ф. 335. Оп. 3. Д. 133. Л. 175.

²⁸⁶ Подробнее см.: Клопов А. С. Региональный сепаратизм в Центральной России в первые годы советской власти (на материалах Ярославской губернии) // Путь в науку. Вып. 7. – Ярославль, 2002. С. 156–158; Его же. Ярославль и Рыбинск в первые годы советской власти: история конфликта // Путь в науку. Вып. 7. – Ярославль, 2002. С. 158–161.

* * *

«Декрет № 1 о суде», принятый Совнаркомом РСФСР 24 ноября 1917 г., упразднил «доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры», а прежних мировых судей заменил «местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам судей». Судьи отныне избирались «на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов, временно – районными и волостными, а где таковых нет – уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»²⁸⁷. О нотариате в этом документе не говорилось ничего; подчёркивалось лишь, что отныне в исключительную компетенцию местного суда входили все гражданские дела «ценой до 3000 руб.».

Некоторое уточнение в вопрос о будущем российского нотариата внёс декрет «О направлении неоконченных дел упразднённых судебных установлений», принятый ЦИК 29 декабря 1917 г., довольно чётко расписавший, какие инстанции отныне будут заниматься разными правоустанавливающими действиями. Так, например, документ предписывал, что «все дела о поземельных отношениях передаются в соответствующие губернские земельные комитеты»; дела о наследстве и иные «брачные дела» – в местные суды, а более сложные дела об опеке и залоге – «в соответствующие окружные суды», т. е. суды более высокой инстанции²⁸⁸.

Собственно же до нотариата у СНК «дошли руки» только 21 февраля 1918 г., когда был принят «Декрет ВЦИК и СНК о суде № 2». Подтвердив решения прежних декретов о сосредоточении в руках судов всех вопросов о наследстве, «брачных делах» и иных гражданских делах на сумму до 3000 руб., новый акт оставил в компетенции нотариусов только «надписи о принудительном исполнении по векселям и нотариальным заёмным письмам»; отмечалось, что эти операции осуществляются «нотариусами, а в местностях, где таковых нет, лицами, их заменяющими». Кто именно должен был заменять нотариуса – декрет не разъяснял. Впрочем, этот документ имел для развития нотариата принципиально важное значение – его последняя, 39-я, статья предписывала, что «прежние деятели суда всех инстанций и наименований имеют право быть избранными в новые судебные и следственные установления Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»²⁸⁹.

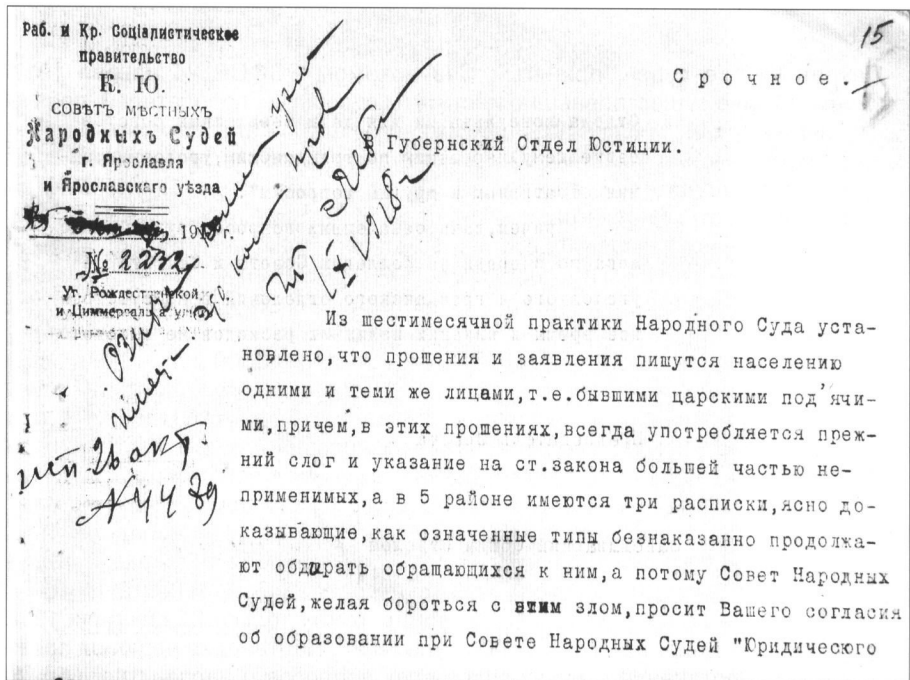
Дело здесь заключалось в следующем: в ходе революционных погромов правоохранительные органы подверглись разгрому в самом прямом смысле этого слова; особенно пострадали тюремное ведомство, жандармерия и полиция. В дальнейшем на сотрудников этих структур обрушились репрессии. Например, в ярославской Коровницкой тюрьме по состоянию на 22 мая 1919 г. содержались несколько человек с формулировкой обвинения «бывший полицейский»²⁹⁰. Относительно благополучно сложилась участь именно нотариусов и «низших служителей» судов – их учреждения в минимальной степени подверглись погромам, а сами эти люди – репрессиям со сторо-

²⁸⁷ Декрет о суде // Известия. 1917. № 17. 24 ноября. С. 1.

²⁸⁸ Декрет о направлении неоконченных дел упразднённых судебных установлений, принятый в заседании Центрального исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 29 декабря 1917 г. // Известия. 1918. № 6. 12 января. С. 1.

²⁸⁹ О суде (Декрет № 2) // Известия. 1918. № 29. 21 февраля. С. 1.

²⁹⁰ Подробнее см.: ГАЯО. Ф. 936. Оп. 3. Д. 66.



Письмо в Губернский отдел юстиции Ярославского совета народных судей.
25 октября 1918 г.

ны новой власти. И о них — компетентных специалистах в области права, без которых «молодая республика советов» не могла обойтись, — не забыли и в самом скором времени привлекли к работе по специальности.

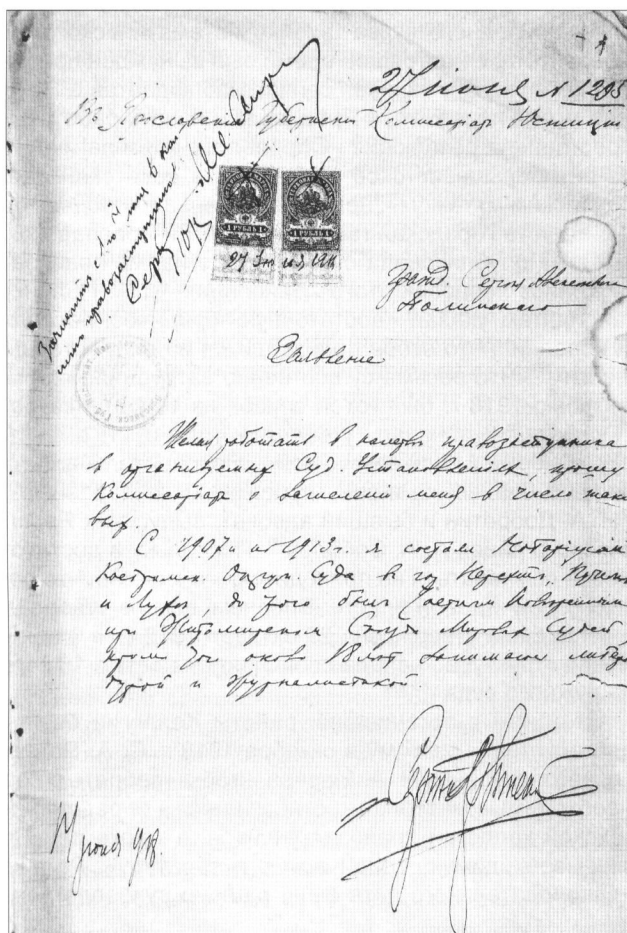
Как показывают сохранившиеся документы тех лет, вновь набранные на службу работники с «правильным» социальным происхождением обладали очень хорошим «революционным сознанием» и очень плохим образованием, поэтому из-под их пера нередко выходили документы вроде ходатайства председателя Совета местных народных судей г. Ярославля и Ярославского уезда, направленного с пометкой «срочное» в Губернский отдел юстиции 25 октября 1918 г.

«Из шестимесячной практики Народного Суда установлено, что прошения и заявления пишутся населению одними и теми же лицами, т. е. бывшими царскими подьячими, причём в этих прошениях всегда употребляется прежний слог... а в 5-м районе имеются три расписки, ясно доказывающие, как означенные типы безнаказанно продолжают обдирать обращающихся к ним, а потому Совет народных судей просит Вашего согласия об образовании при Совете народных судей Юридического отдела консультации для дачи бесплатных советов беднейшему населению»²⁹¹. Уже факт использования термина «царские подьячие» позволяет вполне компетентно оценить степень юридической «грамотности» председателя совета судей.

²⁹¹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 156. Л. 15–15 об.

«Идейно разгромить» прежних нотариусов, однако же, оказалось гораздо легче, чем создать реальную структуру, способную помочь населению в решении правовых проблем. А когда такая необходимость ясно назрела – пришлось обращаться за помощью именно к «означенным типам».

«Декрет о суде № 2» предусматривал создание при новых судебных органах «коллегий правозаступников» – новых судейских работников, судя по толкованию их должности, представлявших собой некую «среднюю» профессию между адвокатом, нотариусом и юрисконсультom: «правозаступники» должны были помогать обращающимся в суд и подсудимым на всех стадиях как уголовного, так и гражданского процесса.



Заявление костромского нотариуса С. И. Полинского
о приёме на работу в Коллегию правозаступников при
Ярославском губернном отделе юстиции. 27 июня 1918 г.

В Ярославле формирование Коллегии правозаступников началось 24 июня 1918 г., когда Губернский комиссариат юстиции принял заявление Сергея Алексеевича Полинского: «Желая работать в качестве правозаступника в организуемых Судебных установлениях, прошу Комиссариат о зачислении меня в число таковых. С 1907 по 1913 г. я состоял нотариусом Костромского окружного суда в гор. Нерехте, а до того был частным поверенным при Житомирском съезде мировых судей». 3 июля бывшему нерехтинскому нотариусу был выдан мандат на формирование Коллегии правозаступников²⁹².

Это оказалось очень непростым делом: крайне трудно было найти юристов-профессионалов. Работать в Губюст шли скорее от нужды. Например, кандидат на должность правозаступника П. А. Крылов указал в своём заявлении: «Состою студентом последнего курса физико-математического факультета Петроградского университета, в настоящее время был вынужден прервать своё обучение ввиду дороговизны жизни, каковая сейчас наблюдается в Петрограде»²⁹³. Это был единственный мотив переехать в Ярославль и начать работать здесь юристом (на заявлении проставлена резолюция «Определить в Коллегию»).

Ярославское антибольшевистское восстание, в советский период именовавшееся «белогвардейским мятежом», ненадолго прервало процесс создания Коллегии, однако уже в августе городская газета «Известия Ярославского военно-революционного комитета» опубликовала объявление о найме правозаступников. Любопытен сохранившийся черновик этого объявления: С. А. Полинский в качестве требования к кандидатам указал «достаточную юридическую подготовку», а комиссар юстиции дополнил, что отбор производится из лиц, «стоящих на платформе советской власти»²⁹⁴. Что весьма существенно затруднило формирование Коллегии: когда к октябрю 1918 г. был готов список из 13 кандидатов в члены этого подразделения Губюста, то поначалу утвердили только 11, а в отношении двоих начали переписку с местной «чрезвычайкой». Подозрительными показались как раз юристы-профессионалы: бывший присяжный поверенный Ярославского окружного суда Н. А. Добротин и бывший адвокат, выпускник Ярославского Демидовского юридического лица А. А. Соболев²⁹⁵. Поскольку в достаточности их юридической подготовки сомневаться не приходится, — очевидно, что речь шла именно о лояльности этих людей к новой власти. Впрочем, вскоре утвердили и их; Коллегия правозаступников была утверждена 25 октября 1918 г., а 3 ноября был избран её президиум. Новая структура «начала свою деятельность с 15 сего ноября в здании Народного окружного суда»²⁹⁶.

Важным препятствием в организации работы Коллегии была неясность тогдашнего законодательства — поэтому в октябре 1918 г. С. А. Полинский командировал в Москву правозаступника Н. А. Морева, чтобы «собрать в соответствующих установлениях необходимые материалы, относящиеся к определению условий деятельности Московской коллегии правозаступников, а также приобрести для Ярославской коллегии необходимую юридическую литературу». До принятия общегосударственного законодательного акта было решено руководствоваться в работе

²⁹² ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 156. Л. 1, 2.

²⁹³ Там же. Л. 4.

²⁹⁴ Там же. Л. 5.

²⁹⁵ Там же. Л. 11, 12, 18, 24, 30.

²⁹⁶ Там же. Л. 31, 35, 38.

нового учреждения постановлением московского совдепа от 29 августа 1918 г. «О Московской коллегии правозаступников»²⁹⁷.

Этот, в общем-то, частный правовой акт, тем не менее, фактически заложил новые принципы работы и адвокатов, и нотариусов: отныне полностью отменялась всякая частная практика, а юридические работники либо переводились на казённое жалование, либо получали за каждое отдельное дело фиксированное вознаграждение «в пределах таксы, установленной совдепом». Зависимость вознаграждения от суммы акта и, в случае адвокатов, от выигрыша или проигрыша дела отменялась.

Члены Коллегии правозаступников, в порядке очереди сменяя друг друга, начали оказывать правовую помощь населению: давали консультации по разным вопросам, помогали писать жалобы, прошения и другие документы. Работа велась во все дни, кроме выходных; «консультации давались ежедневно с 10 до 16 час. дня двумя или тремя дежурными членами и членами Президиума коллегии»²⁹⁸. Обращений было много – например, за 1919 год правозаступники помогли нуждающимся гражданам написать 1237 различных документов и приняли участие в 32 из 37 заседаний губернского революционного трибунала. Впрочем, советская власть быстро дала понять, чего стоит «революционная законность»: «Выступления членов Коллегии носили не характер защиты собственно, а заключений по кассационным жалобам»²⁹⁹.

Перечень документов, составленных правозаступниками, ярко обрисовывает всю неопределённость ситуации, сложившейся в 1918–1919 гг. в российском правовом поле. Так, согласно отчёту, из 1237 бумаг лишь 9 были написаны «на имя Нотариальных отделов». Однако одновременно с тем столько же было подано в Комиссию по аннулированию процентных бумаг (чья деятельность, судя по названию, была очень близкой деятельности прежних нотариусов по протесту заёмных писем); 23 бумаги были составлены для земельных отделов (т. е., по всей видимости, касались вопросов о владении землёй); порядка 120 документов – в исполкомы и отделы управления, т. е. органы, распоряжавшиеся городской недвижимостью; подавались документы в Ликвидационную комиссию церковно-монастырских имуществ³⁰⁰.

* * *

Непосредственно вопрос о нотариате был решён на законодательном уровне только 23 марта 1918 г., причём опять-таки не в республиканском масштабе, а на уровне Москвы и Московской губернии – тамошний Совет принял Постановление об отмене «Положения о нотариальной части» 1866 г. Как и в случае с регулированием деятельности Коллегии правозаступников, в Ярославской губернии просто взяли московский документ за образец для работы; документ под заголовком «Постановление о муниципализации нотариата» поступил в Ярославский губотдел юстиции в виде машинописной копии³⁰¹.

Новый акт предписывал «существующие Нотариальные конторы немедленно закрыть, конфисковать всё их оборудование (обстановку, книги, бланки и пр.)» и передать всё это во вновь создаваемые Нотариальные отделы при местных Советах.

²⁹⁷ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 156. Л. 39, 45 об.

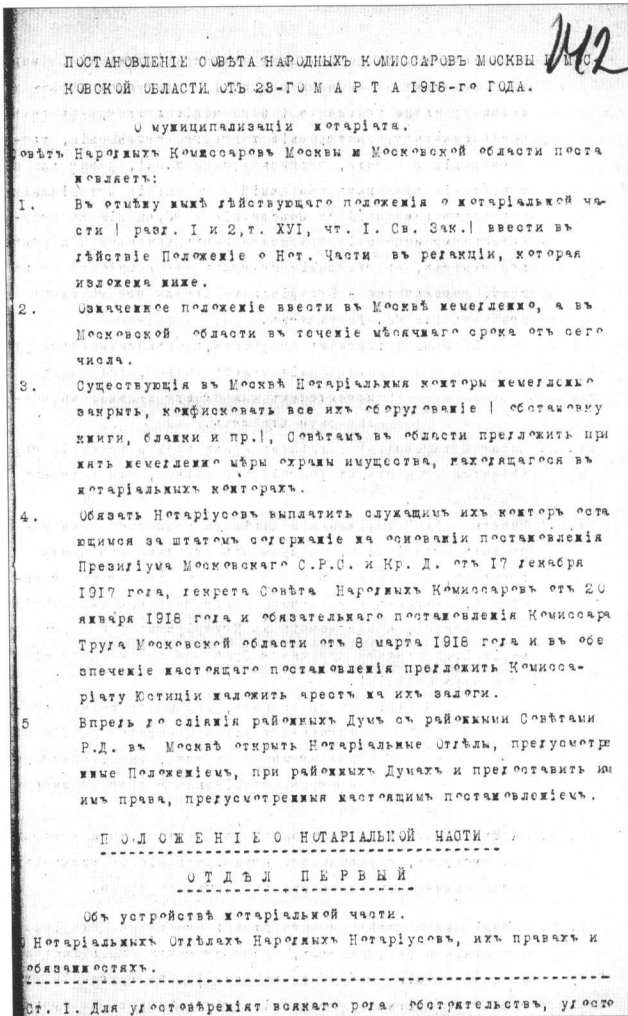
²⁹⁸ Там же. Д. 36. Л. 5 об.

²⁹⁹ Там же. Л. 5, 5 об.

³⁰⁰ Там же. Л. 5 об.

³⁰¹ См.: ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 143. Л. 142–148.

Их количество не оговаривалось — предписывалось создавать Нотариальные отделы в зависимости от «местных условий»; точно так же не регулировалась и численность сотрудников отдела — обязательными были только должности «народного нотариуса», его помощника и секретаря. Единственной формой денежного вознаграждения за работу для нотариусов отныне становилось получаемое от казны жалование — оклад, равный жалованью местного народного судьи. Как и судьи, нотариусы отныне избирались местными Советами «из числа граждан, не лишённых права занимать должности по выборам»; кроме того, указывалось, что «от гражда-



Машинописная копия Постановления СНК Москвы от 23 марта 1918 г.

нина, желающего занять должность нотариуса, требуется умение правильно излагать акты, знание законов и форм нотариального делопроизводства». Главной заботой народного нотариуса становилось «совершение актов всякого рода, кроме изъятых законом» и «всех действий, которые будут возложены на них последующими узаконениями». На практике это означало, например, то, что отныне именно нотариусы, а не священнослужители Русской православной церкви должны были регистрировать браки, факты рождения и смерти, зато, например, регистрация сделок с землёй нотариусам отныне запрещалась, т. к. земля была национализирована.

В остальном же новый документ фактически оставил всё как раньше – вплоть до того, что в нём была прописана процедура «скрепы» «нотариусских книг», аналогичная прежней.

Главной проблемой при воплощении идей «Постановления о муниципализации нотариата» в жизнь вновь стала иногда просто вопиющая безграмотность вновь набранных «юристов», главными достоинствами которых были «правильное» социальное происхождение и партийность. Так, например, «Постановлением...» «были ликвидированы и нотариальные архивы при окружных судах, а вместе с ними отошёл „крепостной“ порядок совершения актов»³⁰². «На местах» идею зачастую понимали слишком буквально, т. е. уничтожали нотариальные архивы физически. Такое имело место и в отдельных уездах Ярославской губернии – поэтому в письме от 18 мая 1918 г. комиссар по гражданским делам Наркомюста Московской области разъяснял комиссару Ярославского окружного суда по гражданским и административным делам:

«Вследствие Вашей просьбы сообщаю Вам, что Нотариальные архивы как таковые остаются в своём прямом смысле, именно как архивы. Закрывать их совершенно, тем более уничтожить, как это имело место в некоторых местах, – совершенно недопустимо. В связи с декретами о социализации земли и с прекращением утверждения актов на продажу, залог, аренду недвижимых имуществ, деятельность Нотариального архива выражается в настоящее время в следующем: 1) выдаются копии и выписки из книг, не относящихся до недвижимых имуществ; 2) даются справки по запросам советских учреждений; 3) гражданам выдаются документы, не могущие служить доказательством их права собственности на недвижимое имущество /.../ 6) производится отметка планов, присланных из Губернского земельного комитета с наведением справок по крепостному реестру»³⁰³.

Несмотря на это весьма подробное разъяснение, 12 июня народный комиссар юстиции Москвы и Московской области был вынужден особо разъяснять Ярославскому губернскому комиссару юстиции, что «после опубликования декрета, запрещающего совершение сделок на недвижимость, – ни один нотариус не имеет права совершать подобные сделки, в случае же совершения таковых – подлежит преданию суду. Отговариваться незнанием закона – никто не имеет права. Закон был опубликован в установленном порядке»³⁰⁴.

Однако на это же самое время пришёлся самый критический для РСФСР период Гражданской войны, когда «казалось, что правительство большевиков вот-вот падёт»³⁰⁵. И это немедленно нашло отражение в нотариальных документах – в Госу-

³⁰² Юдельсон К. С. Советский нотариат. – М., 1959. С. 14.

³⁰³ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 30.

³⁰⁴ Там же. Л. 44.

³⁰⁵ Ванюков Д. А. Становление советского государства. – М., 2007. С. 20.

дарственном архиве Ярославской области сохранилось значительное число копий купчих крепостей и вводных грамот, выписанных нотариусами именно весной-летом 1918 года. Не особо веря, что власть большевиков удержится долго, жители Ярославщины бросились подтверждать свои права на земли и дома на случай прихода «белых» и установления нового государственного строя. Например, в Мышкинском уезде местный нотариус выдал 25 мая 1918 г. «копию вводного листа на ввод во владение имением» крестьянину дер. Тураева Коршунову и мещанину Цыпленкову, подтвердив тем самым факт их совместного владения «участком земли на пустоши при селъце Малахове в количестве двух десятин»³⁰⁶.

Показательно, что, когда критический момент миновал, и Гражданская война в целом шла к победе большевиков, неясностей с оформлением сделок с недвижимостью отнюдь не стало меньше. Теперь главная проблема заключалась в невежестве новых юристов и в неопределённости в законах. Так, принятый ещё 27 апреля 1918 г. «Декрет об отмене наследования», с одной стороны, провозгласил, что «наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее, как недвижимое, так и движимое, становится государственным достоянием РСФСР». Однако раздел IX того же документа провозглашал: «Если имущество умершего не превышает десяти тысяч рублей, в частности, состоит из усадьбы, домашней обстановки и средств производства трудового хозяйства в городе или деревне, то оно поступает в непосредственное управление и распоряжение имеющихся налицо супруга и родственников. Порядок управления и распоряжения имуществом устанавливается по соглашению между указанными супругом и родственниками, а в случае спора между ними – местным судом»³⁰⁷.

Поэтому на практике нередко происходили казусы, подобные случившемуся в августе 1920 г. в гор. Пошехонье. Местный коммунальный отдел сообщал в Губюст, что «в июле сего года гражданка М. А. Гусева заявила Комотделу о желании своим подарить дом с постройками, которым она владеет после смерти мужа, проживающим в настоящее время отдельно своим сыновьям Василию и Гавриилу, указывая на то, что по своему преклонному возрасту она не может наблюдать за исправностью строений. По справке в инвентаре имущества оказалось, что домовладение, значащееся за наследниками Г. Н. Гусева, состоит в фактическом владении его вдовы М. А. Гусевой, а оценка его (максимальная страховая) не превышает 10000 руб. – в силу этого Комотделом и выдан был надлежащий акт со взысканием установленных пошлин и гербового сбора. /.../ В настоящее время Уездный отдел управления требует изъятия выданного Гусевым акта, ссылаясь на то, что такие сделки воспрещены»³⁰⁸. В Губюсте думали две недели и 25 августа 1920 г. дали ответ, что «ст. 2-я Декрета о дарениях гласит, что дарение имущества на сумму свыше десяти тысяч рублей должно быть облечено в форму нотариального или судебного акта. Таким образом, этим декретом как бы разрешается дарение всякого, в том числе и недвижимого, имущества. Однако сопоставление указанного декрета с декретом о запрещении сделок по недвижимости и с декретом о социализации земли приводит к обратному заключению». Впрочем, окончательной ответственности Губюст на себя не взял, выдав уклончивую резолюцию: «Предпо-

³⁰⁶ ГАЯО. Ф. 967. Оп. 3. Д. 150. Л. 1–1 об.

³⁰⁷ Декрет об отмене наследования // Правда. 1918. № 86. 3 мая. С. 1.

³⁰⁸ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 68. Л. 1–1 об.

лагаем, что дарение недвижимого имущества не должно быть разрешаемо. При этом добавляем, что, ввиду недостаточной ясности вопроса, Совет народных судей Ярославского судебного округа запросил Народный комиссариат юстиции о руководящем разъяснении, которого ещё не получено»³⁰⁹.

Почему происходили такие недоразумения – нетрудно понять, если взглянуть на данные об образовании руководящих работников ярославской юстиции тех лет. Вот данные на конец 1918 г. В Губернском отделе юстиции работало 4 руководителя, у 2 из которых было низшее, а у 2 – среднее образование. Губернским ревтрибуналом руководили сразу 8 различных чиновников: все с низшим образованием и из рабочих. Губернский народный суд возглавляли трое – рабочий с низшим образованием, зато член РКП(б) и двое, чей социальный статус в документах не указан, – с высшим образованием и, вероятно, в том числе и поэтому, беспартийные³¹⁰.

Это, впрочем, было общей тенденцией в те годы. Наиболее образованной и профессионально подготовленной группой среди ярославских работников юстиции были судьи, нотариусы и правозаступники. Впрочем, как мы видели выше – Коллегию правозаступников организовал в Ярославской губернии бывший костромской нотариус. Похожей была и ситуация с местными судьями. Так, например, народным судьёй 3-го участка Мологского уезда в 1919 г. стал Александр Адрианович Локалов – бывший мологский нотариус³¹¹. Так что с образовательным уровнем у местных судей дело обстояло относительно благополучно.

А вот данные о партийности вызвали закономерную тревогу. Так, из 9 народных судей Ростовского уезда в 1919 г. 5 «сочувствовали» РКП(б), 1 был беспартийным и 3 по тем или иным причинам сведений о партийности не предоставили. В Угличском уезде из 7 судей 5 были беспартийными, 1 не предоставил сведений, а 1 и вовсе оказался «эсером-максималистом». В Мышкинском уезде из 7 судей о своих политических взглядах умолчали 6, 1 записался как «сочувствующий». Лучше всех обстояло дело в самом отдалённом от губернского центра, «глухоманном» Пошехонском уезде, где из 7 судей 4 были коммунистами и 3 – «сочувствующими». В Ярославском уезде все 7 народных судей записали себя в «сочувствующие», не вступая, однако же, в большевистскую партию; в самом Ярославле из 5 городских судей партийными были 2 человека³¹².

Тем не менее, других людей, способных исполнять закон, найти было практически невозможно, поэтому новый нотариат комплектовали в основном старыми работниками. Так, 17 июня 1918 г. Пошехонский уездный комиссар юстиции проинформировал губернский комиссариат, «что постановлением пленарного заседания Пошехонского уездного совдепа на должность народного нотариуса в городе Пошехонье назначен бывший нотариус Алексей Павлович Ерёмин»³¹³.

К сентябрю 1918 г. формирование уездных нотариальных отделов было в основном завершено. В большинстве из них работали только три человека: народный нотариус, секретарь отдела (иногда та же должность называлась «помощник народного нотариуса» и курьер-машинист).

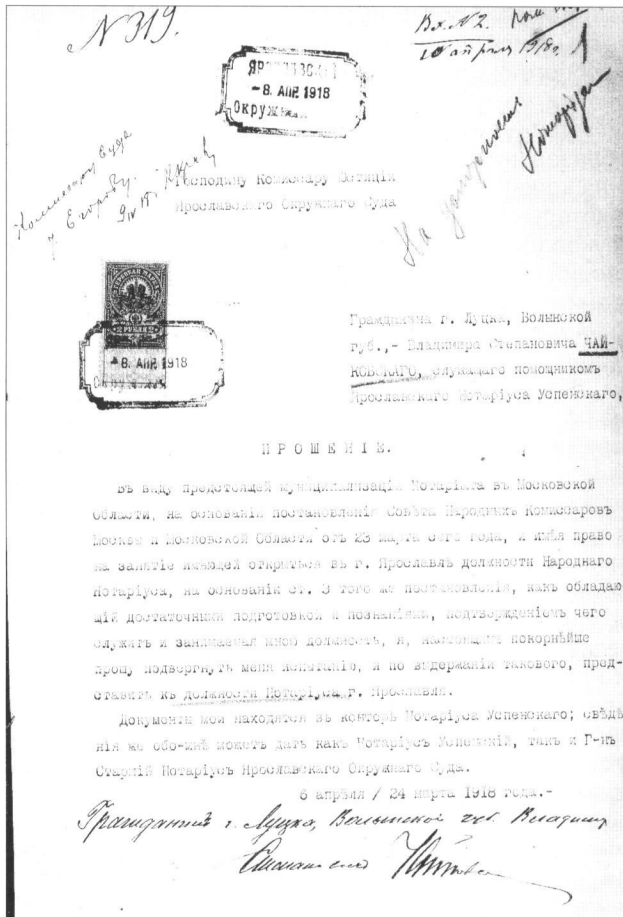
³⁰⁹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 68. Л. 3–3 об.

³¹⁰ Там же. Д. 77. Л. 519.

³¹¹ Там же. Д. 68. Л. 98.

³¹² Там же. Д. 9. Л. 17 об., 18 об., 19 об., 20 об., 23 об.

³¹³ Там же. Д. 18. Л. 48.



Прошение В. С. Чайковского о принятии на должность народного нотариуса г. Ярославля. 6 апреля 1918 г.

Так было, например, в Мышкине, где в уездном Нотариальном отделе трудились народный нотариус М. В. Анкудинов, секретарь отдела Н. Ф. Киселёв и курьер М. Ефимова. В Мологском уездном отделе Народного нотариата тогда же приступили к работе народный нотариус Е. Д. Яновская (что, кстати, является, пожалуй, первым случаем, когда в ярославский нотариат пришла работать женщина. Особенно же интересно, что перед революцией должность «нотариуса Ярославского окружного суда в г. Мологе» занимал, судя по уголовному штампу местных документов, П. К. Яновский³¹⁴ — весьма вероятно, его преемница на должности была его родственницей), помощник нотариуса Н. П. Бекетов и секретарь И. Ф. Новотельнов. Несколько больше был штат Даниловского нотари-

³¹⁴ См., например: ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

ального отдела, где трудились 5 человек: народный нотариус А. А. Соколов, его помощник Ф. А. Паченков, секретарь Н. В. Дёгтев, писец-машинист О. А. Ковалёва и курьер Д. Н. Шашин³¹⁵.

Не обошлось и без несуразиц: так, любимский народный комиссар юстиции письмом от 17 июля 1918 г. сообщал в Губюст, что «согласно постановлению Любимского уездного исполнительного комитета от 17 июля с. г. с 1 июля (курсив наш. – А. К.) открыт Народный нотариальный отдел при Любимском уездном исполнительном комитете. Народным нотариусом избран и утверждён секретарь Комиссариата юстиции Александр Гаврилович Кореневский»³¹⁶.

Столь скромные штаты нотариальных отделов объяснялись прежде всего тем, что первоначально работы у уездных нотариусов было немного. Когда вместо ожидавшейся смены власти (к которой, как мы видели выше, готовились в т. ч. и подтверждая у нотариусов права своей собственности на землю и дома) начался красный террор, т. е., по сути, беззаконие, вспоминать о гражданских правах жители Ярославщины стали гораздо реже. По некоторым уездам сохранилась статистика о работе нотариальных отделов, прямо свидетельствующая об этом.

Например, Ростовским нотариальным отделом с июля по сентябрь 1918 г. не было зарегистрировано ни одного брака, рождения и смерти; было заверено лишь 10 договоров и 54 доверенности, совершено 3 протеста векселей и заёмных писем и 566 «прочих» засвидетельствований, видимо, настолько мелких (можно предположить, например, засвидетельствования подписи под документом, которые до революции нотариусы ценили всего лишь в 10–20 коп.), что даже не стали уточнять – каких именно. За квартал Ростовский нотариальный отдел заработал 1589 руб. 50 коп., около 530 руб. в месяц. Если учесть галопировавшую инфляцию – это были копейки по сравнению с доходами дореволюционных уездных нотариусов. Пошехонский нотариальный отдел, открывшийся 17 июня 1918 г., до 1 июля зафиксировал 1 договор с суммой акта 3500 руб., совершил один протест 500-рублёвого векселя, заверил 2 доверенности и выдал 9 копий документов, в результате чего заработал 91 руб. 50 коп. и взял 28 руб. 50 коп. гербовых пошлин. Доходы отдела в июле составили 121 руб. 25 коп., в августе – 67 руб. 75 коп., в октябре – 92 руб. 75 коп.³¹⁷

В губернском центре первоначально были созданы 2 Нотариальных отдела – Центральный, расположившийся 13 мая 1918 г. «в помещении конторы бывшего нотариуса Успенского (Театральная площадь)», и Нотариальный отдел Закотлосельно-Тверицкого района (что-то вроде современной территории, в обиходе именуемой нынешними ярославцами «Заволга»). Любопытно, как «грамотно» большевики расположили этот отдел – сохранилось удостоверение, выданное бывшей купчихе, а ныне просто «гр. Ольге Ивановне Градусовой в том, что в принадлежащем ей доме по Большой Московской улице (ныне – Московский проспект. – А. К.), № 10, нижний этаж этого дома занят Губернским комиссариатом юстиции под помещение второго Нотариального народного отдела»³¹⁸. То есть жителям Твери куда проще и ближе было добираться до Центрального отдела.

³¹⁵ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 115, 129, 130–130 об.

³¹⁶ Там же. Л. 60–60 об.

³¹⁷ Там же. Л. 61–62, 72–73, 97–98, 139–140, 237–238.

³¹⁸ Там же. Л. 25, 43.

Первоначально предполагались довольно-таки большие штаты для каждой из ярославских нотариальных контор. Например, черновой вариант «Именного списка служащих в Ярославском центральном нотариальном отделе» включал 13 фамилий: предусматривались народный нотариус, его помощник, секретарь с помощником, старшая конторщица, 4 конторщика, регистраторша, двое секретарей-машинистов и курьер. Однако огромная «текучка кадров» привела к тому, что в список были внесены в общей сложности 11 поправок и он разросся до 15 фамилий. В отделе Закоторосльно-Тверецкого района первоначально работали 14 сотрудников: народный нотариус, его помощник, «секретарь и кассир», старший конторщик, «столоначальник по регистрации актов состояния», пятеро конторщиков, два курьера и две машинистки. Чуть позже штат сократили до 12 сотрудников³¹⁹.

И М Е Н Н О Й С П И С О К Ъ		
служащих въ Ярославскомъ Нотариальномъ Центральномъ Отдѣлѣ съ обозначеніемъ занимаемой должности.		
1. Александръ Антоновичъ КУМПИЦКІЙ	Народный Нотариусъ	
2. Павелъ Васильевичъ СОКОЛОВЪ	Помощникъ Нотариуса	
3. Болеславъ Антоновичъ ГЕДГОВЪ	Секретарь	
4. Александръ Семеновичъ КОРЕНЕНКІЙ	Помощникъ Секретаря	
5. Софія Іосифовна ВЕКЕНТЬЕВА	Старшая конторщица	
6. Иванъ Федоровичъ ИСАЕВЪ	Конторщикъ	
7. Василий Федоровичъ НОВИКОВЪ	Т о ж е	
8. Вѣра Николаевна СЪРИНА	Т о ж е	
9. Иванъ Константиновичъ КИСЕЛЕВЪ	Т о ж е	
10. Екатерина Дмитріевна ФОМИЧЕВА	Регистраторша	
11. Арсеній Константиновичъ ДРУЖИНИНЪ	Машинистъ	
12. Софія Михайловна РОГОЖИНА	Т о ж е	
13. Петръ Антоновичъ ШЕВЧЕНКО	Курьеръ	
НАРОДНЫЙ НОТАРИУСЪ 		
Секретарь 		

Первоначальный список сотрудников Ярославского центрального нотариального отдела с позднейшими исправлениями. 1918 г.

³¹⁹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 57–58, 118, 259–260 об.

Перед открытием Центрального нотариального отдела Губернский комиссар юстиции, видимо, не очень-то полагаясь на «не совсем правильного» с идеологической точки зрения народного нотариуса А. А. Кумпицкого, особым письмом напомнил ему: его работа заключается в том, чтобы «совершать все нотариальные действия согласно нового Нотариального положения, не совершая, однако, таких, которые не согласны с декретами и не нарушали бы завоеваний революции»³²⁰.

Иногда приходилось разъяснять и более простые вещи, которые, однако же, при неразберихе во множестве большевистских декретов стали гораздо сложнее. Например, мологский нотариус 10 мая 1918 г. запросил Губюст, как реагировать на требования местного Земельного отдела – ведь раньше «младшие нотариусы исполняли предложения и предписания правительственных учреждений только через Окружные суды в порядке служебной подчинённости». (Окружные суды, как мы видели, к тому же вполне благополучно сохранились при новом режиме.) Пришлось разъяснять: «Властью, коей Вы должны подчиняться, является власть Советов, а в частности, Земельный отдел Мологского совдепа»³²¹.

Все проблемы нового нотариата были вполне изложены в докладе А. А. Кумпицкого Ярославскому губернскому комиссариату юстиции, сделанном 3 октября 1918 г. по итогам поездки на Всероссийский съезд народных нотариусов.

«Богатую представителями на Съезде была и Ярославская губерния, так как присутствовали нотариусы от уездных городов: Ростова, Романово-Борисоглебска, Рыбинска, Мышкина и Данилова, но, к сожалению, бедною она оказалась по своей деятельности. Последнее явление объясняется тем, что до сих пор не приведены в исполнение декреты и постановления правительства, а также не вошли в жизнь прочие организации, с которыми нотариат так или иначе должен быть связан. Я поразился, когда слушал доклады с мест. За такое незначительное время существования нового нотариата почти везде зарегистрировано актов гражданского состояния несколько сот, в исполнении декрета об отмене наследования составлено описей имущества где 235, где больше, имеется на хранении несколько сот тысяч рублей, надписей о понудительном взыскании учинено большое количество и т. д. – между тем, как в Ярославском центральном нотариальном отделе зарегистрировано браков 24, рождений и смерти по одному, в уездах же этих событий вовсе ещё нет, а только теперь уездные нотариусы запрашивают, существуют ли какие формы для исполнения возложенных на них функций. Но слабой деятельностью Нотариата в нынешней программе удивляться нечего. Из слов докладчиков можно было вынести заключение, что работа в Нотариальных отделах в полном объёме выразилась там, где отняты уже из церквей книги актов состояния и проведены прочие постановления правительства»³²².

Вместе с тем, прозвучали в докладе и ободряющие сведения: «Постановлением Всероссийского съезда народных нотариусов в присутствии представителя от Народного комиссариата юстиции нотариат получил огромное государственное значение. Он будет считаться отдельным государственным органом и на него воз-

³²⁰ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.

³²¹ Там же. Л. 26–27.

³²² Там же. Д. 143. Л. 137–137 об.

ложены, кроме функций, указанных в существующем ныне Нотариальном положении, ещё и административные действия: распределение сумм между кредиторами и регистрация союзов, обществ и пр., не преследующих личной наживы и эксплуатации труда. Народные нотариусы будут подчинены Советам народных нотариусов, каковые обязательно должны быть в каждом губернском городе, а сии последние имеют находиться в непосредственном ведении Народного комиссариата юстиции, причём ответственны также пред губернским Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».³²³

Говоря о мерах по улучшению положения Нотариата в Ярославской губернии, докладчик обращал внимание прежде всего на материальные трудности: «Для оборудования Нотариата в Ярославской губернии вообще и для проведения в жизнь всех декретов и постановлений, к нему относящихся, необходимо в возмож-

Въ Ярославскій Губернскій Комиссариатъ Юстиціи.

Народнаго Нотариуса Ярославскаго Нотариальнаго (Центральнаго) Отдѣла А.А.К у м п и ц к а г о.

Д О К Л А Д Ъ.

Настоящимъ докладомъ и въ краткихъ чертахъ я хочу познакомить Комиссариатъ Юстиціи съ дѣятельностью Всероссійскаго Съѣзда Народныхъ Нотариусовъ, на который былъ делегированъ 15 сего сентября. Желаннымъ и радостнымъ явленіемъ оказалось то, что на взовъ къ объединенію откликнулись почти всѣ Народные Нотариусы Россійской Республики и съ жадностью принялись за основное устройство и проведение въ жизнь социальныхъ программъ и конституционныхъ законовъ Республики. Богатокъ представителями на съѣздѣ была и Ярославская губернія, такъ какъ присутствовали Нотариусы отъ уѣздныхъ городовъ: Ростова, Романово-Ворисоглабска, Рыбинска, Мышкина и Данилова, но, къ сожалѣнію, бѣдною она оказалась по своей дѣятельности; послѣднее явленіе объясняется тѣмъ, что до сихъ поръ не приведены въ исполненіе декреты и постановленія Правительства, а также не вошли въ жизнь прочія организаціи, съ которыми нотариатъ такъ или иначе долженъ быть связанъ. Я пораился когда слышалъ доклады съ мѣстъ. За та-

Доклад ярославского народного нотариуса А. А. Кумпицкого о прошедшем в Москве Всероссийском съезде народных нотариусов. Октябрь 1918 г.

³²³ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 143. Л. 137 об.

но скором времени снабдить все Нотариальные отделы книгами по установленной форме, а также ассигновать известные суммы на закупку руководств для исполнения каждым нотариусом своих обязанностей. Чтобы Нотариат получил процветание в тех рамках, какие намечены на Всероссийском съезде, прошу Комиссариат юстиции дать право Ярославскому центральному нотариальному отделу позаботиться заказом и отсылкой необходимых материалов для каждого Нотариального отдела во все уезды по мере надобности»³²⁴.

Уездные нотариусы также очень живо откликнулись на прошедший Всероссийский съезд и его решения. Например, пошехонский нотариус А. П. Ерёмин написал 14 октября 1918 г. в Ярославль: «Полагаю необходимым и неотложным установление правильного и однообразного делопроизводства Нотариата во всей губернии для проведения в жизнь и применения на местах декретов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства, а также организацию в Ярославле ответственного пред губернским Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Совета народных нотариусов, как органа, руководящего Нотариатом и подчиняющего себе всех народных нотариусов в губернии, ходатайствую о созыве Съезда народных нотариусов Ярославской губернии и прошу о последующем распоряжении Вашем не отказать поставить меня в известность»³²⁵.

Адресат – заведующий Губотделом юстиции – наложил на письмо резолюцию: «К сведению». Дело было в том, что, подтвердив новый статус Нотариата как государственного органа, центральные власти начали готовить его преобразование – как выяснилось позже, поспешное и непродуманное.

Второго декабря 1918 г., возвратившись из очередной командировки в Москву, народный нотариус Ярославского центрального нотариального отдела сделал очередной же доклад Губернскому отделу юстиции, где так обрисовал будущее нотариата: «...имел беседу 30 ноября с народным комиссаром юстиции Д. И. Курским и выяснил следующее: выработанный Съездом народных нотариусов новый проект Нотариального положения, в котором Нотариат вырисовывается как самостоятельное учреждение при Комиссариате юстиции, содержащее на государственные средства, уже был рассмотрен в Совнаркоме и не утверждён. Мало того, предположено: 1) отнять от Нотариальных отделов их функции по записи актов гражданского состояния, каковые будут сосредоточены в специальных отделах народного комиссариата внутренних дел, и 2) передать местным народным судьям право засвидетельствования копий, подписей, доверенностей и совершение ещё некоторых нотариальных действий. Таким образом, деятельность Нотариальных отделов будет значительно сужена и, по проекту Народного комиссара юстиции, на общегосударственные средства будет содержаться лишь один Нотариальный отдел на всю губернию, в виде Подотдела Губернского комиссариата юстиции со штатом: народный нотариус, секретарь, регистратор и 2 или 3 сотрудника. Нотариальные отделы как таковые совершенно упразднены или запрещены, однако, не будут, и если местные совдепы пожелают, чтобы в их городах были народные нотариусы, то их право содержать Нотариальные отделы на собственные средства у них отнято не будет»³²⁶.

³²⁴ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 143. Л. 137 об.

³²⁵ Там же. Д. 18. Л. 240.

³²⁶ Там же. Д. 143. Л. 113–113 об.

На практике такое разъяснение наркома юстиции привело к значительной путанице. 25 января 1919 г. в письме в Ярославский губотдел юстиции народный нотариус И. П. Казанский обрисовывал картину произошедших перемен так:

«1) при отношении от 26 декабря минувшего года за № 5986 Ярославский губернский отдел юстиции препроводил мне циркуляр Наркомюста за № 17661, в котором, между прочим, говорится: «допустимы также там, где в этом встречается ещё надобность, образования в Юридических отделах Нотариальных подотделов»;

2) отношением от 31 того же декабря за № 6041 Отделом юстиции было отдано распоряжение, чтобы работы в Нотариальном отделе и Отделе записи браков, рождений и смерти впредь до особого распоряжения производились в прежнем порядке;

3) 11-го сего января состоялось постановление Коллегии Губернского отдела юстиции о необходимости образования Нотариального подотдела, причём я был назначен Заведующим этим подотделом;

4) постановлением Коллегии Отдела юстиции от 18 сего января были утверждены штат и смета Нотариального подотдела, и

5) при отношении от 23 января за № 242 мне была препровождена телеграмма Народного комиссара юстиции о том, что в штат Юридического отдела Нотариальные подотделы введены не будут.

Так как последняя телеграмма идёт вразрез с вышеуказанным циркуляром, исходящим от того же Комиссариата юстиции, прошу Отдел Юстиции:

1) не найдёт ли он возможным выяснить, путём переговоров с Москвой по прямому проводу, будет ли утверждена смета и штат Нотариального подотдела при Ярославском губернском отделе юстиции и будут ли ассигнованы на содержание его необходимые средства;

2) уведомить меня, будет ли к 1 февраля выдано за весь январь жалованье служащим Нотариального подотдела, очень в деньгах нуждающимся, так как кроме личного заработка они никаких средств не имеют, и

3) продолжать ли работу в Нотариальном подотделе или таковой ликвидировать.

Должен прибавить, что работы в Нотариальном подотделе достаточно много, а впереди, с расширением действия декрета об отмене наследования, ввиду привлечения Нотариальных отделов к составлению описей и оценке имущества умерших, работы будет и ещё больше»³²⁷.

Необходимо отдать должное Губюсту – на этот раз вопрос был решён весьма быстро. За основу было взято постановление Коллегии Губюста от 11 января 1919 г.: «Обсудив вопрос о дальнейшем существовании Нотариата, Коллегия находит необходимым образовать Нотариальный подотдел при Губотделе юстиции, функции же Нотариатов в уездах должны быть исполняемы местными Народными судьями, Отделами социального обеспечения и Отделами записи браков и рождений, а также Отделами юстиции, где таковые существуют». 31 января бывший народный нотариус Ярославского центрального нотариального отдела, а ныне заведующий Нотариальным подотделом И. П. Казанский сообщил, что с 28 января бывший Нотариальный отдел прекратил «приём нотариальных работ» и предложил «имущество уездных Нотариальных отделов передать местным отделам записи

³²⁷ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 20. Л. 17–17 об.

актов гражданского состояния, имущество же Центрального нотариального отдела будет пока принято Окружным отделом гражданской регистрации». В тот же день в уезды был разослан циркуляр:

«Вследствие закрытия Нотариальных отделов, исполнявшиеся ими функции впредь будут исполняемы учреждениями, на которые они возложены декретами:

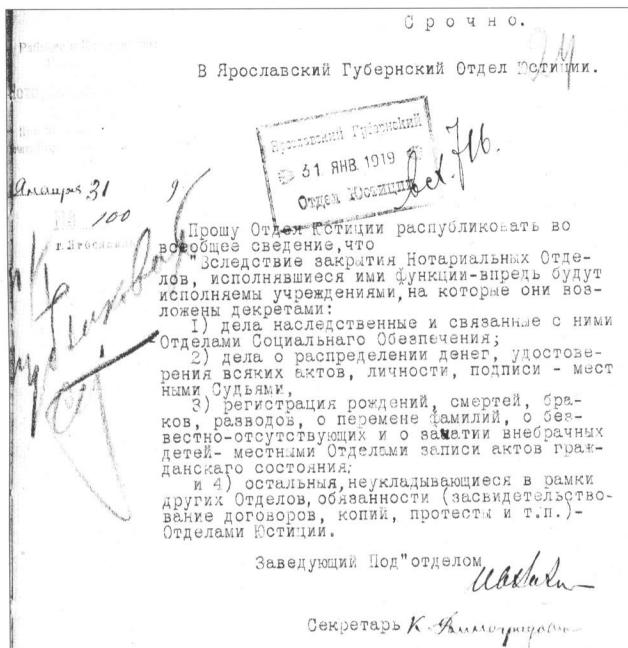
1) дела наследственные и связанные с ними – Отделами социального обеспечения;

2) дела о распределении денег, удостоверения всяких актов, личности, подписи – местными судьями;

3) регистрация рождений, смертей, браков, разводов, о перемене фамилий, о безвестно отсутствующих и о зачатии внебрачных детей – местными Отделами записи актов гражданского состояния; и

4) остальные, не укладываемые в рамки других отделов, обязанности (засвидетельствование договоров, копий, протесты и т. п.) – Отделами юстиции»³²⁸.

Преобразования в нотариальной сфере в целом были завершены к апрелю 1919 г., когда в своём отчёте в Москву Губернский отдел юстиции отметил: «ПО НОТАРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ. В виду распоряжения центра о закрытии нотариальных отделов при Ярославском губернском отделе юстиции, по постановлению Кол-



Сообщение народного нотариуса И. А. Казанского
о ликвидации в Ярославле Нотариального отдела.
31 января 1919 г.

³²⁸ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 20. Л. 3, 24, 29.

легии от 5 февраля 1919 года № 63 п. 1 учреждено особое нотариальное делопроизводство в составе трёх канцелярских работников под наблюдением Коллегии отдела, причём деятельность этого стола весьма продуктивна и интенсивна. Так, например, с 5 февраля по 3 апреля нотариальным столом выпущено 703 № № (видимо, подразумевается количество совершённых нотариальных действий. — А. К.) и поступило за нотариальные действия в доход республики (кроме гербового сбора) 2180 руб. 90 коп. Учреждение этого нотариального стола является весьма важным для нужд населения, которое постоянно нуждается в нотариальных действиях»³²⁹.

Население уездов Ярославской губернии нуждалось в нотариальных действиях не менее постоянно, да и «военный коммунизм», показавший свою полную нежизнеспособность, был сменён НЭПом — поэтому в конце концов нотариат вернул утраченные в конце 1918 года позиции. В отчёте Губюста за 1921 год сообщалось, что «в октябре и ноябре месяцах 1921 года при Губернском отделе и Уездных бюро юстиции организованы Нотариальные столы. Совершённые ими за время с 1 октября 1921 года по 1 апреля 1922 года акты касаются главным образом регистрации различных договоров и засвидетельствования верности копий и подписей, лишь незначительный процент относится к сделкам купли-продажи строений. Отсутствие за отчётное время сделок последнего рода объясняется исключительно тем, что ещё не произведена регистрация немуниципализированных строений. За отчётные полгода Нотариальным столом Губюста было зарегистрировано 133 договора и совершено 34 засвидетельствования, причём почти все указанные договоры заключены правительственными учреждениями и предприятиями»³³⁰.

* * *

Не менее интересным представляется рассмотреть и нотариальную практику тех лет.

На первом этапе становления советского нотариата основным видом деятельности нотариусов была, как и предписывал «Декрет № 2 о суде», работа с векселями и иными финансовыми документами. (16 декабря 1917 г. был издан, например, особый декрет «О запрещении сделок с недвижимостью»³³¹.) Если право частной собственности на недвижимость было отменено, а наследование крайне ограничено — то на векселя был введён лишь кратковременный мораторий. 10 (23) ноября 1917 г. было объявлено:

«1) Уплаты по векселям и исполнительным листам отсрочиваются.

2) Отсрочка платежей узаконяется с 25 октября 1917 г. вперёд на два месяца, считая со срока платежа по векселю, т. е. срочный платёж на 25 октября переносится на 25 декабря; платёж на 28 ноября переносится на 28 января 1918 г. и т. д.»³³².

После этого работа с векселями и иными документами на денежные средства была продолжена. Вот типичный образец нотариального акта 1918 г. — 1 июля 1918 г. народный нотариус Кумпицкий направил отношение в Губернский комиссариат юстиции: «Представляя при сём удостоверение за № 95 и сберегательную

³²⁹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–2 об.

³³⁰ Там же. Д. 105. Л. 33.

³³¹ Декрет о запрещении сделок с недвижимостью // Известия. 1917. № 255. 19 декабря. С. 1.

³³² Декрет о моратории по векселям и исполнительным листам // Известия. 1917. № 222. 11 ноября. С. 2.

книжку № 10613, прошу учинить на той книжке, согласно требования Директора Сберегательной кассы, надпись следующего содержания: „Ярославский губернский комиссариат юстиции учинил сию надпись в том, что, согласно удостоверения Центрального нотариального отдела от 21(8) июня с. г. за № 95, право на получение означенных в сей книжке денег в своё распоряжение в силу п. 9 Декрета об отмене наследования признано за дочерью умершего вкладчика Андриана Захаровича Шатского – Наталией Шатской, и что означенные деньги подлежат выдаче ей же или лицу, уполномоченному на то нотариальной доверенностью”»³³³.

Обсуждая в конце 1918 г. с Губюстом вопрос о закрытии Центрального нотариального отдела, народный нотариус И. П. Казанский просил отсрочить эту процедуру на 2 недели, «так как из Ярославского отделения Народного банка поступило для протеста векселей более чем на полтора миллиона рублей»; здесь же указывались и размеры дохода, приносимого Нотариальным отделом казне, – 32350 руб. 20 коп. за полгода работы; с операций по протесту вновь поступивших векселей рассчитывали получить ещё порядка 23000 руб.³³⁴.

Однако, отняв у нотариусов большинство прежних функций, советская власть поручила им дело, которым ранее занималась огосударствленная Русская православная церковь – регистрацию актов гражданского состояния и ведение текущего демографического учёта. Этот вопрос достоин отдельного рассмотрения.

До марта 1917 года текущий демографический учёт целиком находился в руках Русской православной церкви, являвшейся частью Российского государства. Февральская революция узаконила гражданский брак. Однако коренной переворот в вопросе о том, кому вести текущий демографический учёт, совершили большевики.

Первым в череде законодательных актов советской власти, касающихся этого вопроса, стал декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» от 18 (31) декабря 1917 г.³³⁵. Основные положения этого документа сводились к следующему.

В РСФСР признавались законными только гражданские браки, тогда как «церковный брак, наряду с гражданским, является частным делом брачующихся»; гражданский брак регистрируется в отделе записей браков и рождений.

Запись о рождении ребёнка совершается тем же отделом – по месту пребывания матери на момент рождения ребёнка.

Акт о смерти составляется в том же отделе – по месту смерти; священнослужителям «отныне запрещается препятствовать погребению в черте кладбищ по обряду гражданских похорон».

Всем духовным учреждениям, которые ранее вели текущий демографический учёт, требовалось немедленно передать регистрационные книги для дальнейшего хранения в соответствующие городские, уездные и волостные управы.

За два дня перед тем, т. е. 16 (29) декабря 1917 г., был опубликован декрет «О расторжении брака»³³⁶, который снимал большинство церковных ограничений

³³³ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 3. Л. 3–3 об.

³³⁴ Там же. Д. 20. Л. 2 об.

³³⁵ Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния // Известия. 1917. № 256. 20 декабря. С. 1.

³³⁶ Декрет о расторжении брака // Правда. 1917. № 218. 19 декабря. С. 1.

на развод; теперь для прекращения супружеских отношений достаточно было лишь «просьбы о том обоих супругов или хотя бы одного из них», которая подавалась «согласно правилам о местной подсудности в местный суд».

Завершающим актом, отстранившим Русскую православную церковь от учёта изменений демографической ситуации, стал декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятый СНК РСФСР 20 января 1917 (2 февраля 1918) г.³³⁷. Этот документ провозгласил, что «церковь отделяется от государства»; «из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность граждан устраняется», а «действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами и церемониями». Особо оговаривалось: «Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью: отделами записи браков и рождений». Отменялась «религиозная клятва или присяга».

Значение всех этих документов было очень противоречивым. Так, новыми декретами о браке и разводе большевики аннулировали очень многие правовые нормы, в прежнее время способствовавшие укреплению и сохранению института семьи. Например, в царской России расторжение брака было событием экстраординарным и могло совершиться только с согласия архиерея той епархии, где был ранее совершён обряд венчания, а общее количество допустимых браков ограничивалось тремя. Семья была здоровее в самом прямом смысле этих слов: не допускался брак с лицом старше 80 лет или с душевнобольным, допускался развод из-за бесплодия одного из супругов.



Обряд церковного венчания. Наши дни

³³⁷ Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах. // Известия. 1918. № 16. 21 января. С. 1.

Сняв все эти ограничения, новые законы по существу не дали никаких новых свобод брачующимся. Так, провозглашаемая новыми законами строгая добровольность вступления в брак юридически существовала в России ещё с 20-х гг. XVIII в.; с того же времени был введён и возрастной ценз для брачующихся – 17 лет для девушки и 20 для юноши. (Новые законы, кстати, снизили его, установив «нижнюю планку» в 16 лет для девушки и в 18 для юноши, что также не способствовало укреплению института семьи.)

Регистрация браков в дореволюционной России также была более чёткой и строгой, чем у большевиков. До 1917 года «закон обязывал священника быть особенно внимательным к совершению брака. Перед началом венчания требовалось представить в церковь документы, которые могли удостоверить священника, что возраст, вероисповедание, гражданское состояние жениха и невесты, отсутствие недопустимого родства между ними позволяют вступить в брак». При этом «бюрократическая волокита была сведена к минимуму, поскольку сам священник, на которого ложилась вся полнота ответственности за правильность брака, определял, какие документы для него будут достаточны». «Венчать молодых мог только приходской священник жениха или невесты, в крайнем случае – приходской священник родителей. Венчание прихожан из чужого прихода допускалось лишь при наличии веских оснований»³³⁸.

Теперь все завоевания, достигнутые Церковью в вопросе регистрации браков, подлежали уничтожению.

Однако ликвидация старой системы текущего демографического учёта, которая, согласно декретам, предполагалась «незамедлительно», на практике растянулась на несколько лет.

Причин для этого было множество, но главных было две, выше уже озвучивавшиеся нами: саботаж советской власти со стороны старых чиновников и безграмотность новых, советских управленцев.

Первые свидетельства готовности большевистской власти к воплощению в жизнь новых правил текущего демографического учёта в Ярославле относятся к концу июня 1918 года, когда был сформирован и заработал Нотариальный отдел при Ярославском совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 25 июня 1918 г. народный нотариус Закоторосльно-Тверицкого района А. Л. Адамчик препроводил в Ярославский губернский комисариат юстиции «для скрепы» (утверждения) ряд книг, в том числе и «две книги записи браков, две книги записи рождений, книгу записей смерти, алфавит умерших, два алфавита брачующихся, два алфавита родившихся». В сопроводительном письме нотариус просил «поспешить со скрепой означенных книг и возвратить их Нотариальному отделу»³³⁹.

Однако этот случай был одним из редких моментов, когда были проявлены оперативность и компетентность одновременно. Во всех же других случаях неизменно происходили какие-нибудь казусы. Например, первоначально предполагалось сделать процедуру регистрации брака, рождения и смерти в Нотариальных отделах бесплатной, однако экономическая ситуация внесла свои коррективы.

³³⁸ Подробнее см.: Венчание в церкви. (<http://www.agriya.info/prazdnik/venchanie.html>); Воробьёв М., священник. «Расписываться» или венчаться? Или: уж замуж неветерпнж...(<http://www.interfax-religion.ru/orthodoxy/?act=news&div=1704>).

³³⁹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 47.

19 октября 1918 г. на заседании Коллегии Губернского отдела юстиции было принято решение: «Ввиду того, что расходы по регистрации гражданских браков, рождения и смерти достигли значительных размеров, Губотдел юстиции находит справедливым привлечь к оплате этих расходов заинтересованных лиц, а потому и предлагает временно взимать следующую оплату:

– При регистрации браков за первоначальную выписку из книги актов – 10 руб., а за отметку в каждом паспорте – по 5 руб.;

– При разводах – за первоначальную выписку из книги актов – 30 руб., а за отметку в паспорте – по 5 руб.

– При регистрации рождений и смерти за первоначальную выписку – по 3 руб.»³⁴⁰.

Однако выяснилось, что взимать эту плату можно далеко не всегда – в частности, многие бездомные и нищие умирали в богадельнях. Губернский отдел социального обеспечения возбудил об этом ходатайство и Губюст дал ответ – настоящее «торжество» «юридической грамотности»: «Вследствие ходатайства Отдела социального обеспечения от 1 сего ноября за № 3418 о том, чтобы Нотариальный отдел не взимал с умерших в богадельнях и приютах плату в размере 4 рублей (первоначально запланированная такса в 3 руб. была увеличена. – А. К.), Губернский отдел юстиции сообщает что просьба таковая уважена и найдена основательной»³⁴¹. Видимо, не смогли установить адрес небесной канцелярии, куда можно было бы направлять претензии о взыскании 4 руб. с неплатёжеспособных покойников.

Такие случаи были не единичны. Губернский центр начал 16 сентября 1918 г. рассылать типовые директивы в уездные отделы юстиции. В каждой из них предписывалось тому или иному уездному отделу «немедленно организовать на местах отделы записи браков, рождений и смерти», т. е. «приступить к проведению в жизнь декрета 18. XII–1918 г. (курсив наш. – А. К.)». В том же «провидческом» документе предписывалось «где таковые (отделы ЗАГС. – А. К.) уже функционируют, немедленно отобрать от церковных общин все метрические книги и документы, относящиеся к вышеперечисленным актам»³⁴². То есть, приняв ещё в декабре 1917 г. ряд грозных декретов, требовавших «незамедлительной» секуляризации текущего демографического учёта, советская власть в реальности почти год была не в состоянии воплотить свои идеи в жизнь.

Почему так? Прежде всего – из-за непродуманности новой политики в сфере текущего демографического учёта и невежества её исполнителей. Например, сначала решили всё централизовать и свезти все изъятые из церквей губернии метрические книги в Ярославль. Однако в письме от 16 октября 1918 г. Центральный Нотариальный отдел просил Губюст этого ни в коем случае не делать: «Представление метрических книг из всех уездных приходских церквей в г. Ярославль неминуемо повлечёт за собою большие, а для многих, проживающих вдали от города Ярославля и ещё в ненастное осеннее время, и непреодолимые препятствия при получении справок, а таких справок теперь должно требоваться много о рождении детей, поступающих в учебные заведения». Поэтому было предложено «впредь до образования волостных регистрационных отделов, все церковные метрические книги и все имеющиеся у причтов бланки выписок из этих книг переда-

³⁴⁰ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 10. Л. 8–8 об.

³⁴¹ Там же. Д. 18. Л. 213.

³⁴² Там же. Д. 143. Л. 2.

вать не в Ярославль, а в волостные совдепы». А поскольку вопрос о том, кто же будет финансировать волостные регистрационные отделы «повис в воздухе», то и создавать их было предписано «по мере возможности»³⁴³.

Того же 16 октября 1918 г. ярославская газета «Известия» опубликовала статью заведующего Губюстом, где тот констатировал: «Несмотря на то, что прошло десять месяцев, как вышел декрет от 18/XII 1917 года о рождении, браке и смерти (заведующий Отделом юстиции даже не вспомнил правильное название акта. – А. К.), до сих пор на местах не организованы отделы записей рождений, брака и смерти. Это ненормально и нужно устранить всё то, что мешает проведению в жизнь всех революционных начал»³⁴⁴.

Если посмотреть на полукوميческую ситуацию, случившуюся две недели спустя, то напрашивается вывод, что для проведения декрета в жизнь устранить надо было советскую власть как таковую, ибо порядка не стало ни в чём. Второго ноября 1918 г. в тех же «Известиях» предполагалось опубликовать объявление Центрального Нотариального отдела о местах и порядке регистрации актов гражданского состояния в городе Ярославле. Но и этого сделать как следует не смогли – «цена за это объявление назначена конторой „Известий“ слишком высокая»³⁴⁵. В итоге текст всё-таки опубликовали, на одной из последних страниц газеты.

Всё это время вести текущий демографический учёт в губернии фактически продолжала Ярославская епархия РПЦ. Однако ненависть к церкви со стороны большевиков была чрезвычайно сильной, а идеология во многом побеждала здравый смысл. Так, в письме от 16 декабря 1918 г. заведующий Нотариальным отделом запросил Губюст – считать ли действительными церковные браки, заключённые после опубликования декрета от 18 декабря 1917 года? Отдел юстиции ответил категорически: «В данном случае применяется декрет как он есть и ни в коем случае не урезывается»³⁴⁶, т. е. церковные браки было необходимо перерегистрировать во вновь создаваемых отделах ЗАГС.

Это был в чистом виде политический акт – согласно новым тарифам на нотариальные услуги, установленным в начале 1919 г., регистрация брака, рождения и смерти были, пожалуй, единственными нотариальными действиями, совершавшимися для населения бесплатно³⁴⁷. Так что своим решением Губюст всего лишь добавил жителям губернии хлопот с документами и извёл почём зря некоторое количество бумаги, чернил и часов работы нотариусов, чей труд теперь оплачивался из казны.

Это особенно интересно заметить на фоне таких документов, как, например, письмо Ярославского губюста в Центральный отдел записи актов гражданского состояния (в Москву) от 3 декабря 1918 г. В этом документе констатировалось, что «с изданием кодекса законов об актах гражданского состояния прежняя форма книг (установленная декретом от 18 декабря 1917 г. – А. К.) существенно изменена». Однако книги по старой форме уже напечатаны, для чего пришлось даже закупать бумагу на рынке по «спекулятивным ценам» и заставлять типографских работников трудиться сверхурочно, за что им выплачивалась повышенная зарплата. «Уже изготовленные дорого стоившие книги и бланки невозможно выбросить как

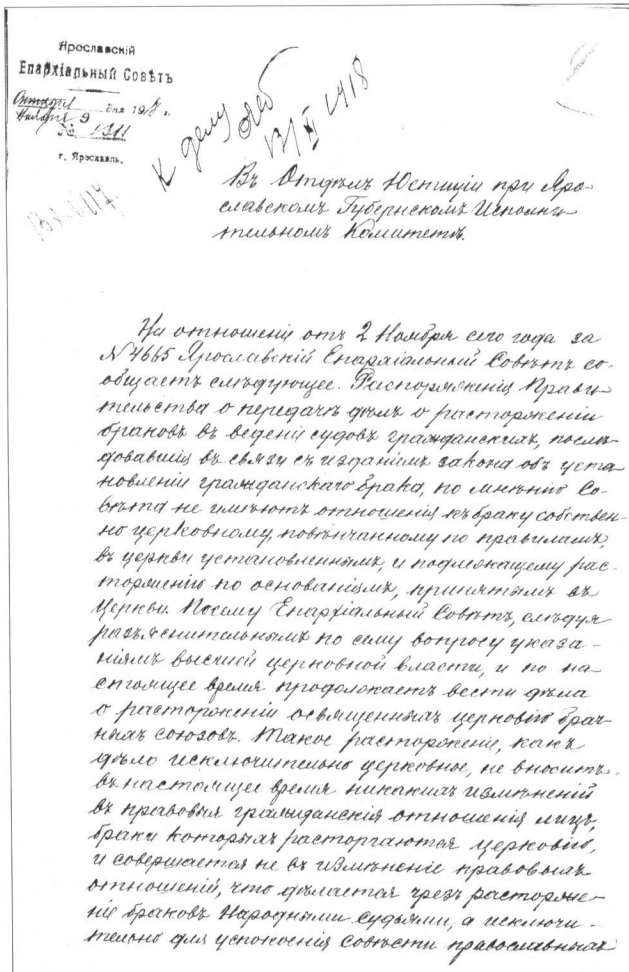
³⁴³ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 143. Л. 6–6 об.

³⁴⁴ Там же. Л. 8–8 об.

³⁴⁵ Там же. Л. 58.

³⁴⁶ Там же. Л. 123, 124.

³⁴⁷ Там же. Д. 20. Л. 34.



Ответ Ярославского Епархиального совета Губернскому
отделу юстиции по запросу о церковных разводах.
Ноябрь 1918 г.

негодные», – рассуждал Ярославский Губюст и просил Москву разрешить ими пользоваться, в нарушение новых норм законодательства³⁴⁸.

К церкви же подход был совершенно иным. В середине 1918 г. Губюст возбудил разбирательство по факту того, что в Ярославской епархии по-прежнему ведётся учёт церковных разводов. И надо отдать должное Ярославскому Епархиальному совету: если метрические книги были переданы новым светским властям без сопротивления (которое в любом случае было бы и напрасно, и вредно для

³⁴⁸ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 143. Л. 115–115 об.

РПЦ), то когда речь зашла о разводах, церковные власти возмутились. Девятого ноября 1918 г. председатель Епархиального совета протоиерей Д. Виноградов написал в Губюст: «Распоряжения правительства о передаче дел о расторжении браков в ведение судов гражданских, последовавшие в связи с изданием закона об установлении гражданского брака, по мнению Совета, не имеют отношения к браку собственно церковному, повенчанному по правилам, в Церкви установленным, и подлежащему расторжению по основаниям, принятым в Церкви. Посему Епархиальный совет, следуя разъяснительным по сему вопросу указаниям высшей церковной власти, и по настоящее время продолжает вести дела о расторжении освящённых церковью брачных союзов. Такое расторжение, как дело исключительно церковное, не вносит в настоящее время никаких изменений в правовые гражданские отношения лиц»³⁴⁹. Аналогичной позиции Ярославский Епархиальный совет придерживался и по вопросу о церковных клятвах.

Такую ситуацию следует объяснять прежде всего с точки зрения церковной морали. Отказ Ярославской епархии РПЦ передать в руки советской власти дела о клятвах и разводах обуславливался прежде всего нежеланием поощрять действия, считавшиеся, с точки зрения Церкви, безнравственными. Уместно вспомнить, например, что большинство красноармейцев начинали служить в царской армии, где давали церковную клятву на вечную верность Императору, убитому большевиками в Ипатьевском доме вместе с семьёй в августе 1918 г. Если бы Епархиальный совет отдал дела о клятвах в руки большевистских властей, все эти люди немедленно были бы освобождены от клятвы и от нравственной ответственности за совершённую измену. Аналогична и ситуация с разводами: даже в середине 1930-х гг. уровень религиозности населения, особенно в глубинке, был весьма высоким, т. е. для многих одного только развода по решению гражданского суда было недостаточно.

Тем не менее уже к февралю 1919 г. формирование новой системы текущего демографического учёта на законодательном уровне было завершено. В Ярославле с 31 января 1919 г. заработали отделы ЗАГС, самостоятельные структурные подразделения, изъятые из подчинения нотариальных отделов. В деревнях и сёлах заработали столы регистрации рождений, смертей и браков при сельских советах, а «если волость или уезд занимает слишком большое пространство, то она может быть разбита на районы», в каждом из которых создавался свой отдел регистрации рождений, смертей и браков³⁵⁰.

Нельзя сказать, что новая система оказалась хуже прежней с технической точки зрения. Она точно так же, как и дореволюционная церковная, вполне успешно регистрировала браки, рождения и смерти, выдавала гражданам справки и свидетельства об этих событиях. Интересен скорее моральный аспект проблемы: за годы советской власти понятие «гражданский брак» существенно трансформировалось. Если в начале под ним подразумевалась регистрация женитьбы в отделе ЗАГС или у нотариуса – в противовес церковному венчанию, то к концу советской эпохи «гражданским браком» стали называть свободные половые отношения, вообще никак не регистрируемые. Это стало неизбежным продолжением моральной деградации общества, начатой большевиками в 1917 году.

³⁴⁹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 143. Л. 98–98 об.

³⁵⁰ Там же. Л. 3–3 об.

* * *

Наконец, говоря о становлении советского нотариата, нельзя не сказать о социальном статусе нотариусов в те годы.

Как мы уже отмечали выше, дореволюционные нотариусы-профессионалы в наименьшей степени пострадали от репрессий новой власти и просто погромов, чем, скажем, бывшие полицейские или жандармы. Поэтому ярославский нотариат с самого начала комплектовался в основном специалистами своего дела. Многим из них преобразования в нотариальном труде сулили возможность карьерного роста, поэтому нашлась масса желающих работать в советском нотариате. Сохранилось, например, прошение в Ярославский Губюст, поданное бывшим помощником городского нотариуса Успенского В. С. Чайковским, который писал 8 апреля 1918 г.: «В виду предстоящей муниципализации нотариата в Московской области и имея право на занятие имеющей открыться в г. Ярославле должности Народного нотариуса, как обладающий достаточными подготовкой и познаниями, я настоящим покорнейше прошу подвергнуть меня испытанию и, по выдержании такового, представить к должности Нотариуса г. Ярославля»³⁵¹.

Его конкурентом выступил бывший секретарь Губернского ревтрибунала А. А. Кумпицкий, который 24 апреля подал похожее прошение: «Прошу зачислить меня *первым* (курсив наш. – А. К.) кандидатом на должность народного нотариуса в городе Ярославле». В качестве подтверждения своей «первоочерёдности» А. А. Кумпицкий указывал не только профессионализм («для занятия этой должности подготовку имею достаточную и испытание для занятия должности Нотариуса выдержал при Ярославском окружном суде»), но и оперативность в исполнении решений новой власти: «Мне поручено было принять от бывших Нотариусов г. Ярославля все их книги, бланки, дела, штампеля, печати и всю обстановку их контор. Последнее мною в точности исполнено, всё принятое находится под моим наблюдением в занятом мною помещении бывшего Нотариуса Успенского»³⁵².

(В дальнейшем А. А. Кумпицкий действительно «обошёл» В. С. Чайковского: он возглавил Центральный нотариальный отдел, а Чайковский стал помощником нотариуса Закоторосльского отдела.)

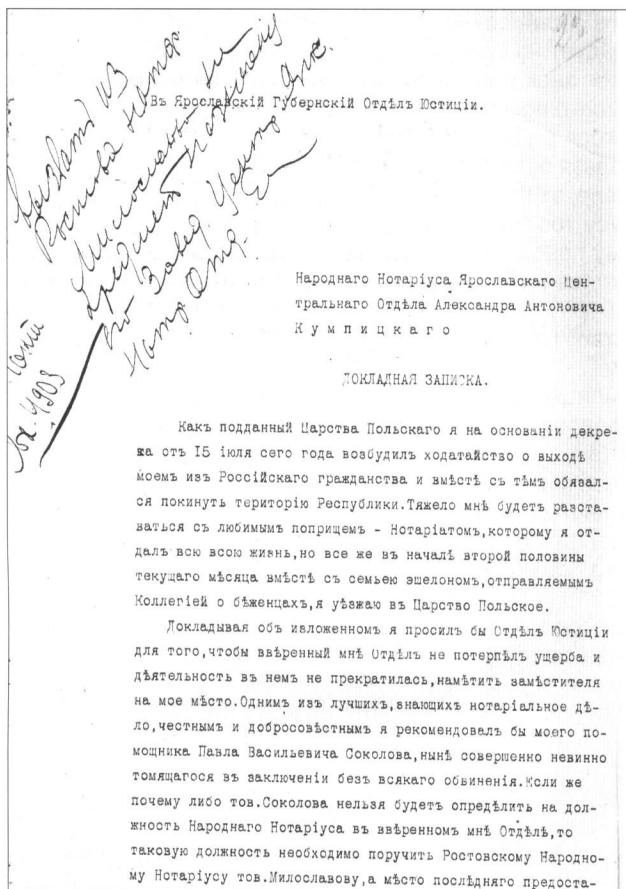
«Низшие канцелярские служащие» шли работать в органы Губюста чаще всего исключительно от крайней нужды. Сохранились, например, заявления двух кандидатов на должность машинистки. Жительница Ярославля О. А. Николаева писала 22 апреля 1918 г.: «Имею честь просить Губернский комитет юстиции (так в тексте, хотя ведомство называлось комиссариатом. – А. К.) принять меня на должность писца или машинистки при вновь открывающихся канцеляриях. Я сирота, у меня нет отца. Материальное положение крайне затруднительное. Окончила гимназию». Ей вторила «слушательница 2-го курса Петроградских сельскохозяйственных курсов» Л. К. Фаворитова: «Не имея ни отца, ни братьев, могущих поддержать моё существование и находясь в крайне бедственном положении, осмеливаюсь просить Губернский комиссариат юстиции о предоставлении мне места при вновь организованном отделе мировых судей. При сём имею честь сообщить, что я знакома с канцелярской работой»³⁵³.

³⁵¹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

³⁵² Там же. Л. 9.

³⁵³ Там же. Д. 128. Л. 1, 14.

Однако столь благополучное начало вскоре сменилось огромной «текучкой кадров» в нотариальном ведомстве. Поняв, что представляет собой новая власть, многие ярославские нотариусы предпочли покинуть РСФСР. Так, А. А. Кумпицкий, в апреле 1918 г. столь рьяно добивавшийся должности Народного нотариуса, в октябре того же года собрался на этническую родину. В докладной записке в Губюст от 4 октября он писал: «Как подданный Царства Польского я возбудил ходатайство о выходе моём из Российского гражданства и вместе с тем обязался покинуть территорию Республики. Тяжело мне будет расставаться с любимым поприщем – Нотариатом, которому я отдал всю свою жизнь, но всё же в начале второй половины текущего месяца вместе с семьёю, эшелонам, отправляемым Коллегией о беженцах, я уезжаю в Царство Польское»³⁵⁴.



Докладная записка народного нотариуса А. А. Кумпицкого с сообщением об отъезде в Польшу. 1918 г.

³⁵⁴ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.

Дело в том, что в Ярославле к тому времени уже начали формироваться новые места заключения, пополнявшиеся арестантами по новым же принципам. Традиционные тюрьмы, куда сажали за преступные деяния, начали сменяться «эксплуатационным полком» и концентрационными лагерями, куда отправляли за «неправильное» «классовое происхождение». Ярославский историк А. Р. Хаиров написал об этом в популярной статье, весьма эмоционально, но в целом верно: «В эпоху „красного террора“ (1918–1919 гг.) перед правительством молодой Советской республики встала „агхисложная“ проблема: куда девать большие группы людей, считавшихся потенциально опасными для режима большевиков. Непомерно же многочисленными такие группы оказались потому, что при определении степени опасности того или иного „буржуя“ применялся надёжнейший инструмент социалистического суда и следствия – классовое чутьё»³⁵⁵.

Это отметил в своей докладной записке и А. А. Кумпицкий: говоря о лицах, которых он рекомендует на освобождающееся место народного нотариуса, он писал: «Одним из лучших, знающих нотариальное дело, честным и добросовестным, я рекомендовал бы моего помощника Павла Васильевича Соколова, ныне совершенно невинно томящегося в заключении без всякого обвинения. Если же по чему-либо тов. Соколова нельзя будет определить на должность Народного нотариуса во вверенном мне Отделе, то такую должность необходимо поручить Ростовскому народному нотариусу тов. Милославу»³⁵⁶. Начальник Отдела юстиции наложил резолюцию по этому поводу: «Вызвать из Ростова нотариуса Милославова». С судьбой же П. В. Соколова разбираться он счёл, видимо, излишним.

15 октября 1918 г. был составлен акт, по которому А. А. Кумпицкий сдавал все дела и имущество Центрального нотариального отдела своему преемнику – И. П. Казанскому³⁵⁷.

Примеру Кумпицкого последовал и ещё ряд нотариальных работников. 19 ноября 1918 г. последовало распоряжение об увольнении в связи с неявкой на службу двух его соотечественников: секретарь Центрального нотариального отдела Б. А. Гедговд уведомил, что «по семейным обстоятельствам не может явиться в срок из разрешённого ему отпуска», а помощник секретаря Корженецкий просто «выехал из пределов России» во время предоставленного ему отпуска и не вернулся. Последовал примеру своего «конкурента» А. А. Кумпицкого и В. С. Чайковский – 9 ноября 1918 г. он подал заявление в свой нотариальный отдел: «Потеряв во время бывшего белогвардейского мятежа почти всё своё имущество, которое сгорело, и не имея средств к приобретению нового, а также ввиду слабого здоровья моего ребёнка, я вынужден отвезти свою жену с ребёнком к её родителям, живущим на Украине»³⁵⁸. После чего отбыл в эту страну, где тогда действовало суверенное национальное правительство Скоропадского.

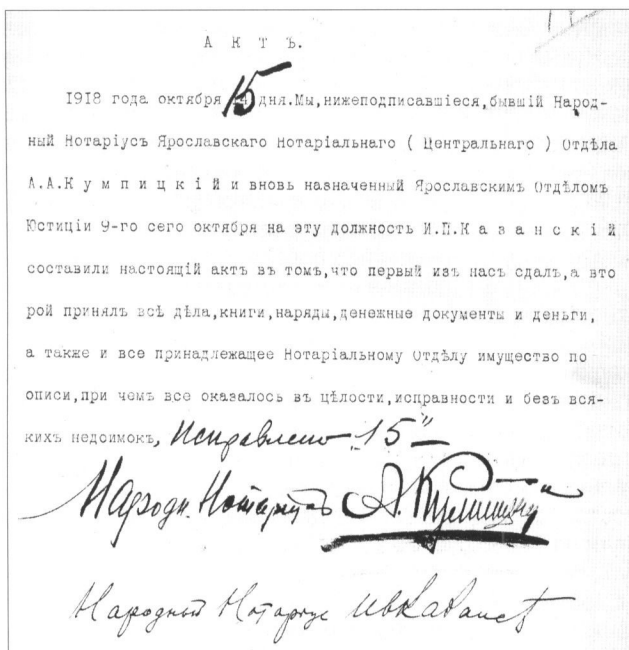
Советские органы власти попытались ответить ужесточением требований к партийной и классовой принадлежности юридических работников. С 15 января 1919 г. предлагалось «немедленно предоставить сведения о состоящих на службе в самом Отделе (Губюсте. – А. К.) и подведомственных ему учреждениях бывших офице-

³⁵⁵ Беляков М., Хаиров А. Спасо-Преображенский концлагерь // Караван-Рос (Ярославль). 1999. № 3. 20 января. С. 11.

³⁵⁶ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.

³⁵⁷ Там же. Л. 170.

³⁵⁸ Там же. Л. 6, 231–231 об.



Акт передачи имущества и документов Ярославского
нотариального отдела А. А. Кумпицким И. П. Казанскому.
15 октября 1918 г.

рах»³⁵⁹. Кроме того, всем Губернского отдела юстиции были разосланы для заполнения анкеты, в которых из 31 опросного пункта 8 относились к партийной деятельности и 2 были призваны выяснить социальное происхождение³⁶⁰.

К счастью, попытка «чистки» по сути, завершилась ничем. Сохранился доклад о деятельности Ярославского губюста за первое полугодие 1922 г., где есть очень примечательный эпизод: «В Любимском уезде юрисконсульт, бывший нотариус Дудко-Карпенко, бывший член кадетской партии, совершал незаконные сделки по продаже недвижимости за большую мзду, повлекшие весьма тяжёлые последствия для разорённых им несчастных крестьян. Заместитель его, нынешний юрисконсульт Владимирский, также, по моему убеждению (заведующего Губюстом. — А. К.) человек невысокой нравственности (бывший что-то вроде «стряпчего»), но заменить его нечем за отсутствием юристов, желающих работать при скверной оплате труда»³⁶¹. (О том, что в 1918–1921 гг. «родная советская власть» разоряла «несчастных крестьян» продрозвёрсткой так, что не справилась бы вся бывшая партия кадетов в полном составе — руководитель ярославской юстиции, разумеется, «запамятовал». Как и о том, что моральный облик человека далеко не в первую очередь определяется местом его работы и должностью.)

³⁵⁹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 2. Д. 2. Л. 16.

³⁶⁰ Образец анкеты см.: ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 106. Л. 16–16 об.

³⁶¹ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 105. Л. 119 об.

Вопреки подобным «идейным», но абсолютно безграмотным руководителям, профессионалы, за отсутствием достойных конкурентов, продолжали делать карьеру. Например, упоминавшийся нами бывший костромской нотариус С. А. Полинский, организатор ярославской Коллегии правозаступников, 24 апреля 1919 г. возглавил Губюст и, хотя и недолго, им руководил³⁶². Бывший народный нотариус Ярославского центрального нотариального отдела И. П. Казанский после расформирования этой структуры возглавил Отдел записей актов гражданского состояния³⁶³. В целом 23 декабря 1918 г. было объявлено, что «лица со специальными знаниями, каковыми являются бывшие Народные нотариусы, могут быть приглашаемы в Юридические отделы на службу»³⁶⁴.

Момент же, который был подмечен в докладе его безграмотно-идейного преемника абсолютно точно, касался «скверной оплаты труда» нотариальных служащих всех уровней.

Здесь необходимо вспомнить тот факт, что, открыв, по словам известного современного исследователя российского криминала А. Константинова, эпоху «революционного беззакония»³⁶⁵, большевики резко снизили интерес населения к нотариальному оформлению своих прав, которых всё равно фактически не было. Практически все уездные Нотариальные отделы были убыточны, а ярославские – едва-едва выходили на самоокупаемость. Так, Центральный отдел за полгода работы получил от населения платы за услуги на 32350 руб. 20 коп. и планировал заработать в ближайшее время ещё 23000 руб., тогда как его содержание в тот же период, согласно смете на 1-е полугодие 1919 г., обходилось в общей сложности в 40799 руб. 31 коп.³⁶⁶

Соответственным было и отношение новой власти к нотариальным органам. Первоначально большевики даже не знали, кто и как будет финансировать нотариат; единственное, что они знали точно – это то, что «народные нотариусы не имеют права ни брать, ни обращать в свою пользу никаких сборов» и что «народным нотариусам безусловно воспрещается всякая частная практика»³⁶⁷.

Вопрос же о государственной оплате первоначально просто «повис в воздухе»: 16 мая 1918 г. народный нотариус А. А. Кумпицкий, например, запросил в Губюсте денег «на глазок» – столько, сколько показалось минимально необходимым лично ему: «В виду того, что служащим вверенного мне Отдела ещё не определено жалованье, а некоторые из них прослужили более двух недель, то прошу Комиссариат юстиции об отпуске мне аванса в размере 800 руб. на частичное удовлетворение служащих, находящихся в затруднительном материальном положении»³⁶⁸. Просьба была удовлетворена, а 17 мая последовало разъяснение: «Вопрос об окладах содержания как народным нотариусам, так и служащим их канцелярий окончательно будет разрешён на съезде уездных комиссаров юстиции, созванном Губернским комиссариатом юстиции на 17 число сего мая». 25 мая было установлено, что «все расходы, связанные с введением в действие народных нотариусов, будут производиться из сметных расписаний Народного комиссариата юстиции согласно выработанным на съезде уездных комиссаров окладам жалованья»³⁶⁹.

³⁶² ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 31. Л. 6.

³⁶³ Там же. Д. 20. Л. 46.

³⁶⁴ Там же. Л. 1.

³⁶⁵ Константинов А., Дикселиус М. Бандитская Россия. – М., СПб., 1997. С. 56.

³⁶⁶ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 20. Л. 2 об., 11.

³⁶⁷ Там же. Д. 2. Л. 4.

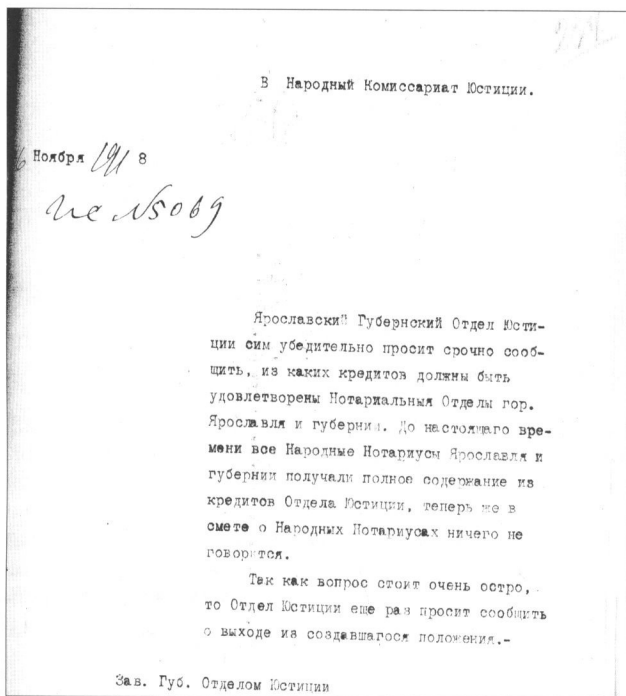
³⁶⁸ Там же. Д. 18. Л. 32.

³⁶⁹ Там же. Д. 1. Л. 107; Д. 18. Л. 38–38 об.

Решение этого вопроса затянулось – ставки жалования нотариусов были выработаны лишь 23 августа 1918 г.: народные нотариусы получали содержание по 2-й категории из расчёта 630 руб. ежемесячно. К решению прилагалась и сводка Продо-вольственного комитета, призванная, видимо, показать, как хорошо должен жить нотариус: согласно ей, пуд мяса первого сорта в тушах стоил 60 руб., столько же стоил пуд сахара, картофель – «не дороже 20 руб. за пуд», ящик яиц в 1440 шт. – 380 руб., табак-махорка – 5 руб. за фунт и т. д.³⁷⁰

Проблема была в том, что это были государственные цены, по которым ничего нельзя было купить. В реальности в конце 1918 г. ситуация была такой, что 630 руб. в месяц были суммой, на которую можно было лишь владеть жалкое существование. Ярославец И. Я. Рызов, отбывший в конце декабря 1918 г. в командировку в г. Елец, писал оттуда: «Хлеб стоит 5–6 рублей, гостиница – 20 рублей в сутки, сало – 35 рублей. Торговля вся национализирована, все частные магазины закрыты. Цены спекулятивные. Чай без сахару стоит 2 рубля»³⁷¹.

В начале 1919 г. зарплату нотариусов проиндексировали – например, народный нотариус Закоторосльно-Тверицкого нотариального отдела в феврале 1919 г.



Письмо Ярославского губернского отдела юстиции в Москву с вопросом о порядке оплаты труда нотариусов. Ноябрь 1918 г.

³⁷⁰ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 2. Л. 13, 18.

³⁷¹ ГАЯО. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 58. Л. 2-А.

согласно штатному расписанию получал уже 893 руб. ежемесячно, а его помощник – 788 руб. 50 коп. После образования Нотариального подотдела его заведующий И. П. Казанский по-прежнему получал 893 руб. в месяц³⁷².

Во-первых, следует отметить, что на эти деньги можно было купить ещё меньше. Например, простой карандаш весной 1919 г. стоил 20 руб., химический – 35, а «нотариусская книга» – от 75 до 130 руб. в зависимости от листажа (от 100 до 200 листов)³⁷³.

Но и это было не главным – в ходе реорганизации нотариальных отделов их служащим вообще перестали платить жалование: снова стало непонятно, кто же должен это делать. 16 ноября 1918 г. Ярославский губюст обратился с этим вопросом в Москву, в Наркомат юстиции, прибавив в конце: «Так как вопрос стоит очень остро, то Отдел юстиции просит сообщить о выходе из создавшегося положения»³⁷⁴. Центр с ответом не торопился: 9 января 1919 г. в Ярославский губюст поступил запрос из Совета народных судей г. Ярославля по тому же вопросу: «В виду поступающих в Губернский совет требований Нотариальных отделов на жалование, Губсовнарсуд просит сообщить, каким порядком и откуда эти требования должны быть удовлетворяемы»³⁷⁵. Заведующий Нотариальным подотделом И. П. Казанский 31 января констатировал: «Жалования никто из служащих до сих пор не получал и, по словесному сообщению Заведующего Отделом юстиции, средств для этого отдела не имеется»³⁷⁶.

Когда сам И. П. Казанский был назначен Губернским инструктором-организатором нотариальных отделов и отделов записи браков, рождений и смерти, что отнимало у него ежедневно «часов 5–6 каждый вечер» и попросил за это прибавку к жалованию в 800 руб., Губюст ему отказал под предлогом «выдача такого вознаграждения не предусмотрена штатами»³⁷⁷. В отличие, надо полагать, от новой дополнительной должности И. П. Казанского...

Средств нередко не хватало даже на должное содержание нотариальных контор: так, народный нотариус А. А. Адамчик в письме от 24 октября 1918 г. просил Губюст срочно отпустить 1700 руб. на закупку 10 сажень дров, необходимых для отопления здания Закоторосльного нотариального отдела в зимнее время³⁷⁸.

Результаты были закономерны – многие действительно профессиональные специалисты уходили с госслужбы на работу в кооперативные организации и на крупные (а следовательно, и богатые) заводы и фабрики. Сохранилось, например, заявление члена Коллегии правозаступников М. Ф. Шаповаленко, поданное в Губюст 10 августа 1919 г.: «В виду сложившихся личных обстоятельств с одной стороны и невозможности совмещать обязанности члена Коллегии с другими лежащими на мне обязанностями как юрисконсульта целого ряда предприятий, с другой – я прошу Коллегию освободить меня от обязанностей члена Коллегии и из числа членов Коллегии исключить с 10-го августа»³⁷⁹.

³⁷² ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 49. Л. 1 об., 13 об.

³⁷³ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 143. Л. 115 об.

³⁷⁴ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 18. Л. 234.

³⁷⁵ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

³⁷⁶ Там же. Л. 25.

³⁷⁷ Там же. Д. 18. Л. 245–245 об., 246.

³⁷⁸ Там же. Л. 191.

³⁷⁹ Там же. Д. 26. Л. 49.

Когда в 1920–1921 гг. денежный компонент практически перестал играть роль в трудовых отношениях, т. к. деньги катастрофически обесценились³⁸⁰, положение нотариата также осталось плачевным. Например, согласно спискам Губюста 1920–1921 гг., ни один нотариальный работник или правозаступник не пользовался правом освобождения от мобилизации в армию и не получал т. н. «ответственный паёк» – усиленную норму питания для работников, «незаменимых на должности». В то время, как обеими этими льготами пользовались, например, члены Ревтрибунала, обвинители и следователи³⁸¹.

Это положение не спешили менять и после введения новой экономической политики: 16 июня 1922 г. вернувшийся из командировки в Москву сотрудник Губюста Петров сообщил в своём докладе, что «улучшения положения ожидать раньше сентября, до реализации урожая и хлебного займа – нечего»³⁸².

Работники ведомства, кстати сказать, реагировали на происходящее адекватно. Так, 24 апреля 1919 г. «председатель Ярославского Губисполкома тов. Цветков, обходя в 10 1/2 час. утра учреждения, подведомственные Губотделу юстиции, заметил, что служащие делом не занимаются, полулежат на столах, ведут беседы и вообще ведут себя не так, как подобает на службе»³⁸³.

Впрочем, это были всё же в большей степени исключения. Воспитанные в дореволюционной России, привыкшие к честному и порядочному исполнению своих обязанностей, нотариальные и судейские работники прежних окружных судов гораздо чаще подавали пример самоотверженности в исполнении своих обязанностей. Сохранилось, например, заявление кандидата в члены Коллегии правозаступников А. А. Степанова: «Прилагая при сём удостоверение Бюро Ростовского уездного Съезда народных судей об утверждении меня в должности правозаступника, сим прошу перечислить меня в члены Губернской Коллегии без жалования с откомандированием в г. Ростов, в каком-то городе, состоя одновременно в звании юрисконсульта при Ростовском союзе сельскохозяйственных производственных кооперативов на жаловании последнего, я мог бы отдавать своё свободное время обязанности члена Губернской Коллегии»³⁸⁴. Любопытно отношение Губюста к бескорыстному юристу: единственная наложенная на заявление резолюция гласит:

«В Совет.

Истребовать от Степанова 2 гербовые марки».

Юрист забыл наклеить их на подаваемое заявление...

* * *

В марте 1921 г. на X съезде РКП(б), В. И. Ленин провозгласил переход к «новой экономической политике». Она «до известной степени означала сознательную уступку капитализму»³⁸⁵: даже мелкие и некоторые средние предприятия передавались в частные руки.

³⁸⁰ Об этом см., напр.: Подчуфаров Е. ...И НЕ обеспечиваются НИЧЬИМ достоянием // Техника – молодёжи. 1994. № 11. С. 12–15.

³⁸¹ См., напр., один из списков на получение «ответственного пайка»: ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 77. Л. 42.

³⁸² ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 105. Л. 122.

³⁸³ Там же. Д. 31. Л. 6-об.

³⁸⁴ Там же. Д. 26. Л. 44.

³⁸⁵ Ванюков Д. А. Становление советского государства. – М., 2007. С. 132.



*Советский плакат, посвящённый введению нэпа.
1930-е гг.*

Ещё больше свобод было провозглашено в сфере частной собственности на недвижимость: в 1922 г. был принят Гражданский кодекс РСФСР, 54-я статья которого провозглашала право частной собственности на немunicipализированные строения, а 416-я статья восстанавливала наследование по завещанию и по закону³⁸⁶. Разрешалась аренда земли и других объектов недвижимого имущества вплоть до предприятий, являвшихся государственной собственностью.

В этой связи вновь возник интерес к нотариату, а нотариальные конторы и столы стали приносить значительную прибыль. Сохранился, например, отчёт «О движении денежных сумм в нотариальных конторах Ярославской губернии» за первое полугодие 1923 г.³⁸⁷. Из него следует, что, например, за I квартал 1923 г. нотариусы

³⁸⁶ Гражданский кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. — М., 1950. С. 32–33, 151.

³⁸⁷ См.: ГАЯО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 452.

Ярославской губернии заработали для государства 174307 руб. 96 коп. при совокупных расходах на содержание нотариальных контор в 49559 руб. 99 коп.³⁸⁸. При этом интерес граждан к нотариальным услугам неуклонно рос: так, уже в апреле 1923 г., т. е. за 1 месяц, а не за квартал, они оставили в нотариальных конторах 132575 руб. 89 коп. (при расходах на содержание контор в 51286 руб. 50 коп.); в мае доход от работы нотариусов составил 172523 руб. 89 коп., в июне – 208548 руб. 47 коп. при совокупных расходах на содержание нотариальных контор в том месяце в 72761 руб. 13 коп.³⁸⁹.

Из того же документа мы узнаём и о количестве нотариальных контор в крае – их было 12. В губернском центре действовали Нотариальное отделение Ярославского губернского суда и две Государственные нотариальные конторы; по одной такой же конторе было в уездах – Ростовском, Рыбинском, Тутаевском (бывший Романово-Борисоглебский. – А. К.), Любимском, Даниловском, Мологском, Мышкинском, Угличском и Пошехоно-Володарском (бывший Пошехонский уезд. – А. К.). Там нотариальные конторы располагались в уездных центрах.

Такое положение вещей вполне согласовывалось с новыми узаконениями центральных властей. Совнарком, откликаясь на введение нэпа, уже 12 августа 1921 г. принял декрет, по которому вводились, помимо нотариальных столов при Губернских отделах юстиции, также и нотариальные столы при аналогичных уездных отделах («Убюстах»), а дополнительным циркуляром от 13 августа было разъяснено, что отныне нотариусы уполномочиваются свидетельствовать все сделки и договоры, «совершение которых не противоречит советскому законодательству»³⁹⁰. Вместе с тем последовали и руководящие указания В. И. Ленина, который потребовал в первую очередь «не выпустить из рук ни малейшей возможности расширить вмешательство государства в „гражданские отношения“»; «не угодить Европе, а продвинуться дальше в усилении вмешательства государства в „частноправовые отношения“, в гражданские дела». Главной задачей советского нотариата Ленин считал «соблюсти грань между тем, что является законным удовлетворением любого гражданина, связанным с современным экономическим оборотом, и тем, что представляет собой злоупотребления нэпом, которые во всех государствах легальны и которые мы легализовать не хотим»³⁹¹.

Четвёртого октября 1922 г. было принято новое Положение о нотариате, собственное, и определившее порядок учреждения нотариальных контор. «Предусматривалось учреждение государственных нотариальных контор во всех городах Российской Федерации, а также и в более значительных пунктах сельской местности, на узловых станциях, пристанях, временно на ярмарках и т. п. Там, где контор не было, исполнение функций, за исключением совершения актов и засвидетельствования договоров, возлагалось на народных судей. Дислокация нотариальных контор устанавливалась исполкомами местных Советов и утверждалась Народным комиссариатом юстиции». Были учтены и пожелания В. И. Ленина – кодекс составили так, что «нотариальные функции, предусмотренные Положением о нотариате от 4 октября 1922 г., были весьма характерны для периода нэпа. Большое значение имели удостоверение договоров

³⁸⁸ См.: ГАЯО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 452. Л. 1–2 об.

³⁸⁹ Там же. Л. 3 об.– 4 об., 6, 8.

³⁹⁰ Зацепина С. А. Очерк истории советского нотариата. (<http://mirnot.narod.ru/sovetsk-och.html>).

³⁹¹ Ленин В. И. Письмо Д. И. Курскому от 22 февраля 1922 г. / Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 33. – М., 1978. С. 177; *Его же*. Речь на 4-й сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. / Там же. С. 356.

между госорганами и частными предпринимателями, протесты векселей при наличии оживленного вексельного оборота, удостоверение по требованию должностных лиц различных фактов, имевших значение для осуществления правоотношений между государственными организациями и представителями частного капитала»³⁹².

Возвращение вексельного оборота стало одним из наиболее ярких признаков НЭПа, олицетворявшего уступку капитализму ввиду нежизнеспособности коммунистических идей. Даже сами векселя первоначально свидетельствовали об этом: «Оригинальной актовой бумаги ни РСФСР, ни СССР не выпускали, а пользовались запасами бланков 1905–1917 годов, на которую типографским способом наносились советские надпечатки. Сначала старую актовую бумагу огрифовали виньеткой с текстом: „Р.С.Ф.С.Р. Постановление коллегии Н.К.Ф. 15 июня 1922 г.“. Через год с небольшим в обращение поступила актовая бумага с гербом СССР и текстом в виньетке: „С.С.С.Р. Постановление Совета труда и обороны от 27 октября 1923 года. Указанная в актовой бумаге цена считается в золотом исчислении“»³⁹³. Позже освоили и выпуск вексельной бумаги нового образца.

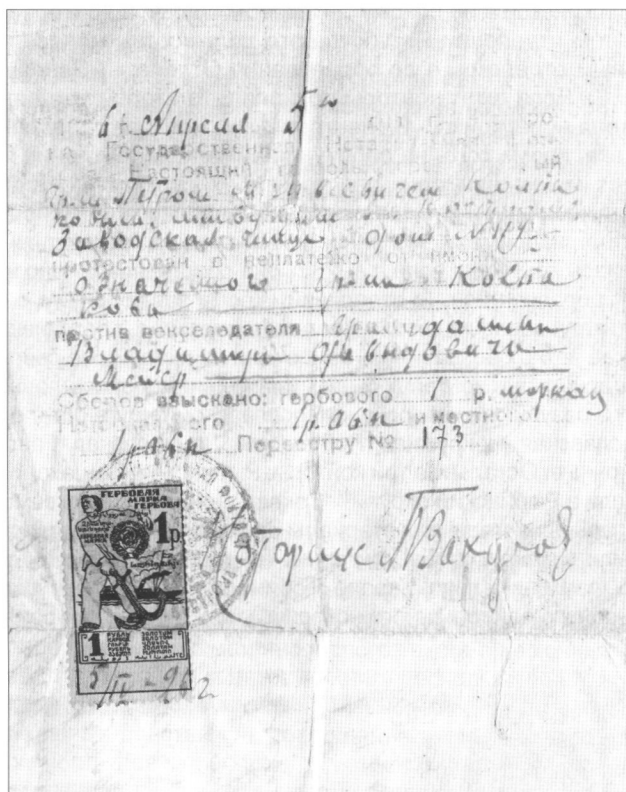


Вексельная бумага царского образца с советским штампом. 1922 г.

Операции по протесту векселей заняли значительное место в работе нотариусов. На обороте протестуемых бумаг ставился штамп нотариальной конторы с текстом о заявлении протеста; указывались имена векселедателя и векселедержателя и номер протестовочной операции по реестру нотариальной конторы. Любопытно, что вернули даже дореволюционный тариф на операции по протесту векселя – один протест стоил рубль, теперь взимавшийся путём наклеивания на протестуемый вексель гербовой марки соответствующего номинала и её гашения печатью нотариальной конторы.

³⁹² Зацепина С. А. Указ. соч.

³⁹³ Теремов В. Н. Вексельная и актовая бумага РСФСР и СССР (1922–1930). – Саранск, 2009.



Печать нотариуса о протесте векселя на обороте этого документа. 1926 г.

«Банки, совершая учётные операции с векселями, оказывали влияние не только на организацию денежного оборота, но и на постепенное вытеснение частного сектора из хозяйственной жизни»³⁹⁴. Когда сталинская система посчитала эту миссию выполненной, учёт частных векселей был прекращён в 1927 г., а в 1930 г. в ходе кредитной реформы вексельный оборот был запрещён.

* * *

Численность штата нотариальных контор определялась в зависимости от численности населения в уезде/городе и степени востребованности этим населением нотариальных услуг. Так, в 1926 г. в Нотариальном отделении Ярославского губернского суда трудились 8 сотрудников (включая и «ученицу»); в Ярославской нотариальной конторе № 1 – 11 чел.; во 2-й конторе – 8; в Ростовской и Рыбинской уездных конторах – по 7; в Даниловской и Угличской – по 2; в Тутаевской, Пошехонской, Мологской,

³⁹⁴ Вексель. (<http://www.rusconsult.ru/glossary/?word=%C2%E5%EA%F1%E5%EB%FC>).

Любимской и Мышкинской – по одному³⁹⁵. В любом случае в конторе имелся нотариус (в Нотариальном отделении Яргубсуда эта должность именовалась «Заведующий Нотариальным отделом», а до образования Отдела – «Заведующий Нотариальным столом»³⁹⁶). Если штат конторы позволял, то второй вводилась должность делопроизводителя-приёмщика. В центральных конторах делопроизводителей было 2–3 человека, кроме того, на работу принимались помощник нотариуса, секретарь, машинист или машинистка, реестрант, бухгалтер или счетовод, курьер.

На всём протяжении 1920-х гг. наблюдалась тенденция к расширению штатов нотариальных контор: например, численность работников Нотариального отделения Яргубсуда удвоилась за 2 года: если в 1926 г. она составляла 8 человек, то, согласно отчёту суда от 24 апреля 1924 г., в отделении «кроме заведующего работают три сотрудника: заместитель заведующего, секретарь и счетовод, поступивший недавно»³⁹⁷. Когда в 1929 г. уже чётко обозначилась тенденция на скорейшее свёртывание НЭПа, сокращения в нотариальных конторах были минимальны: произошло лишь «районирование» губернии, в результате которого «в Ярославском округе осталось 5 нотариальных контор: Ярославская – окружная, Ростовская, Даниловская, Гаврилов-Ямская и Тутаевская – районные. Остальные три конторы: Рыбинская, Пошехоно-Володарская и Угличская – отошли в Рыбинский округ»³⁹⁸. Сокращения коснулись самого губернского центра (где осталась единственная нотариальная контора при Ярославском окружном суде), а также были ликвидированы конторы в тех районах, где и до этого нотариальная активность была минимальной, вроде Любимской нотконторы, для обслуживания которой хватало одного-единственного нотариуса, даже без делопроизводителя.



Ярославль строится: выгрузка кирпича с барж. 1931 г.

³⁹⁵ ГАЯО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 1527. Л. 71–72.

³⁹⁶ ГАЯО. Ф. Р-1947. Оп. 1. Д. 105. Л. 23.

³⁹⁷ ГАЯО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 742. Л. 20.

³⁹⁸ Там же. Д. 1925. Л. 3.

В целом на протяжении всех 1920-х гг. сохранялась тенденция, впервые обозначенная в циркуляре председателя Ярославского губернского суда № 8 за 1924 год: «Вследствие увеличивающегося гражданского оборота, по имеющимся в Яргубсуде статистическим данным, имеется полная возможность полагать, что количество поступлений гражданских дел за 1924 год выразится несомненно большей цифрой, чем за 1923 год»³⁹⁹. В плане работы Гражданского отдела Губернского суда на 1926 год отмечалось, что ожидается очередное увеличение числа рассматриваемых гражданских дел «в связи с оживлением хозяйственной жизни страны и тем самым расширением правооборота»⁴⁰⁰.

Когда в 1920-х гг. в Ярославле попытались начать реализовывать программу строительства «города-сада» с принципиально новой планировкой домов и кварталов, проектами было предусмотрено, что «вся территория города разбивалась на 10 районов по 30 тысяч жителей в каждом; предусматривались административный центр, почта, телеграф, нотариат, кинематограф, рабочий клуб, пункт „скорой помощи“»⁴⁰¹.

* * *

Работы у нотариусов было много: «Совершение акта состояло в записи его в нотариальную актовую книгу. Подлинником считалась запись в актовой книге, а стороны могли получить выписку из неё. Запись актов в актовую книгу чрезвычайно затрудняла работу нотариальных контор, так как должна была производиться от руки, и каждый акт переписывался с машинописного текста в несколько страниц. Обычно реестрант успевал записывать в актовую книгу несколько печатных страниц в течение рабочего дня. Естественно, что стали появляться решительные протесты против деления нотариальных действий на совершение актов и засвидетельствование договоров. Поэтому большое одобрение практических работников вызвало постановление „Об основных принципах организации государственного нотариата“ от 14 мая 1926 г., которое упразднило различие между совершением актов и засвидетельствованием договоров. Вместо этих двух форм нотариальных действий было установлено единое нотариальное удостоверение сделок. Упразднены всякого рода актовые книги и установлено, что нотариальное удостоверение сделок состоит в надписи о том на самом акте за подписью государственного нотариуса с приложением печати нотариальной конторы. Акты, подлежащие по закону нотариальному удостоверению, представляются нотариусу не менее чем в двух экземплярах, один из которых (основной) должен остаться в делах конторы»⁴⁰².

Новое «Положение» разъяснило многие моменты в работе нотариусов, тогда как предыдущие подобные документы были весьма неопределёнными. Например, «Положение о государственном нотариате издания 1923 г.»⁴⁰³ очень расплывчато говорило об обязанности нотариусов: «На нотариальные конторы возлагается: совершение всякого рода актов, для которых Гражданским кодексом и другими дей-

³⁹⁹ ГАЯО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 756. Л. 8.

⁴⁰⁰ Там же. Д. 1526. Л. 1.

⁴⁰¹ Егорова Т. А мог быть город-сад... (<http://yarcenter.ru/content/view/706/1/>).

⁴⁰² Сидоренко Д. В. Эволюция нотариального акта в России. (<http://mirnot.narod.ru/istnotactrus.html>).

⁴⁰³ См.: Положение о государственном нотариате издания 1923 года // Собрание узаконений РСФСР 1923 г. № 75. Ст. 726.

ствующими узаконениями установлен нотариальный порядок совершения», а также «совершение и засвидетельствование, по желанию сторон, таких сделок, которые могут быть совершены и без участия нотариуса». «Положение» же 1926 г.⁴⁰⁴ предельно чётко, в 17 пунктах ст. 9-й, определило «предмет ведения государственных нотариальных контор».

Фактически с конца 1920-х гг. происходило свёртывание нотариальной деятельности. Помимо упоминавшегося выше запрета векселей, в 1929 г. была, например, отменена обязательная нотариальная регистрация сделок на сумму свыше 20000 руб.⁴⁰⁵ Новое Нотариальное положение 1930 г.⁴⁰⁶, изданное после создания колхозов, разрешило удостоверение сделок в Коммунальном отделе соответствующего Совета; к 1935 г. на весь СССР имелось лишь 135 нотариальных контор. «Гражданский оборот той эпохи был неразвит, экономика регулировалась преимущественно административными актами, не было частной собственности, в силу чего компетенция нотариусов была узкой; основной объем работы включал в себя удостоверение копий, доверенностей, оформление наследственных прав; сделки между гражданами заключались крайне редко, практически только по купле-продаже и иным формам отчуждения жилых домов»⁴⁰⁷.

* * *

Не менее важной проблемой была кадровая. «В силу существовавшего тогда законодательства нотариус был не заинтересован в конечных результатах своей работы, что приводило порой к очередям, нарушению прав граждан и другим недостаткам»⁴⁰⁸.

Одним из первых документов, говорящих о наличии такой проблемы в Ярославской губернии, можно считать «Доклад о ревизионно-инструкторском обследовании Народного суда 1-го района г. Ярославля» от 15 апреля 1923 г., когда ревизор заметил, что «работники в достаточной степени грамотны, но их отношение к правильной постановке делопроизводства в значительной степени индифферентное, вследствие чего состояние Нарсуда с технической стороны оказалось довольно слабым»⁴⁰⁹. В следующем 1924 г. в работе Ярославского губернского суда было выявлено «неправильное применение декретов и статей Гражданского и Земельного кодексов, в особенности неуяснение норм, регулирующих права собственности и обязательственные правоотношения»⁴¹⁰. Иногда нарушения были грубыми: в отчёте Гражданского отдела Ярославского губсуда за 1927 г. указано, что «направлено Прокурору копий решений для привлечения к ответственности за нарушения ст. 137 Гражданского кодекса (о незасвидетельствовании договоров нотариальным порядком): 1924 год – 8 дел, 1925 – 19 дел, первая четверть 1926 г. – 2 дела»⁴¹¹.

⁴⁰⁴ См.: Положение о государственном нотариате РСФСР // Собрание узаконений РСФСР 1926 г. № 74. Ст. 576.

⁴⁰⁵ Сидоренко Д. В. Указ. соч.

⁴⁰⁶ См.: Положение о государственном нотариате РСФСР, утверждённое 20 июля 1930 г. // Собрание узаконений РСФСР 1930 г. № 38. Ст. 476.

⁴⁰⁷ Сидоренко Д. В. Указ. соч.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ ГАЯО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 438. Л. 14.

⁴¹⁰ Там же. Д. 744. Л. 5.

⁴¹¹ Там же. Д. 1527. Л. 8.

Причиной этого чаще всего были действия самих органов советской власти. Так, осуществляя в апреле 1924 г. «обследование делопроизводства во всех отделах, отделениях и частях Губсуда», ревизорская комиссия установила, что в Нотариальном отделе «все наряды в порядке, запрещения регистрируются в порядке или ведётся подвижной алфавит и сборник запрещений по каждому уезду, делопроизводство в порядке». Однако недостаток всё же нашли: по Нототделу «циркуляров было издано 13, по большей части касающихся отчётности Нотконтор; циркуляры необходимо нумеровать и вести список циркуляров. Обращает на себя внимание отсутствие циркуляров по существу нотариального дела». Было предложено «войти в Наркомюст с представлением о введении кроме отчётности, установленной НКЮ, ещё отчётности по американской системе»⁴¹². Вместо реальной помощи в работе нотариусы получили «ценное указание» о срочном создании некоторого количества никому не нужных циркуляров «по существу нотариального дела» (которое вообще-то вполне излагалось в разных редакциях «Положения о государственном нотариате»), а также попадали под двойную систему отчётности.

Другим коренным недостатком советской системы нотариата сталинской эпохи стало доминирование партийной принадлежности над степенью профессионализма. Например, в 1926 г. Нотариальное отделение Яргубсуда возглавлял заведующий А. А. Румянцев – с «низшим» образованием, зато член ВКП(б). А инструктором при нём работал беспартийный П. И. Флаг – с высшим юридическим образованием (и даже более того – как мы помним, в 1912 г. одним из 5 ярославских нотариусов был И. Н. Флаг; логично предположить, что П. И. Флаг был его сыном, т. е. в каком-то роде «наследственным» нотариусом). Ярославскую нотариальную контору № 2 в то же время возглавлял член ВКП(б) с «низшим» образованием Б. А. Ясюкевич, его заместителем был обладатель среднего образования комсомолец В. В. Заборов, а М. А. Маркграф – обладатель высшего юридического образования, в 1918–1920 гг. получивший огромный опыт работы в Коллегии правозаступников, – удостоился лишь должности реестранта; напротив его фамилии значится «беспартийный»⁴¹³. Члены ВКП(б) с «низшим» образованием возглавляли Ростовскую, Даниловскую и Любимскую уездные нотариальные конторы; рыбинский нотариус, тоже партийный, успел окончить «областные юридические курсы». Единственным исключением из этого правила стал нотариус Ярославской конторы № 1 Н. П. Дмитриев – беспартийный, но с высшим юридическим образованием⁴¹⁴. Впрочем, объяснять этот факт надо скорее исходя из того, что, видимо, ещё одного партийца, способного возглавлять нотконтору, в Ярославле не нашлось: на местах ситуация была и того хуже. Например, на должность мышкинского нотариуса смогли найти в 1926 г. только беспартийного М. В. Анкудинова с образованием «6 классов гимназии дореволюционного типа»⁴¹⁵.

Такая ситуация не менялась годами: например, к 1929 г. в Ярославской губернии было 9 нотариусов. С их партийностью теперь было всё в порядке – беспартийным был лишь 1, а 8 – члены ВКП(б). Социальное происхождение тоже было подходящим –

⁴¹² ГАЯО. Ф. Р-64. Оп. 1. 742. Л. 20, 24.

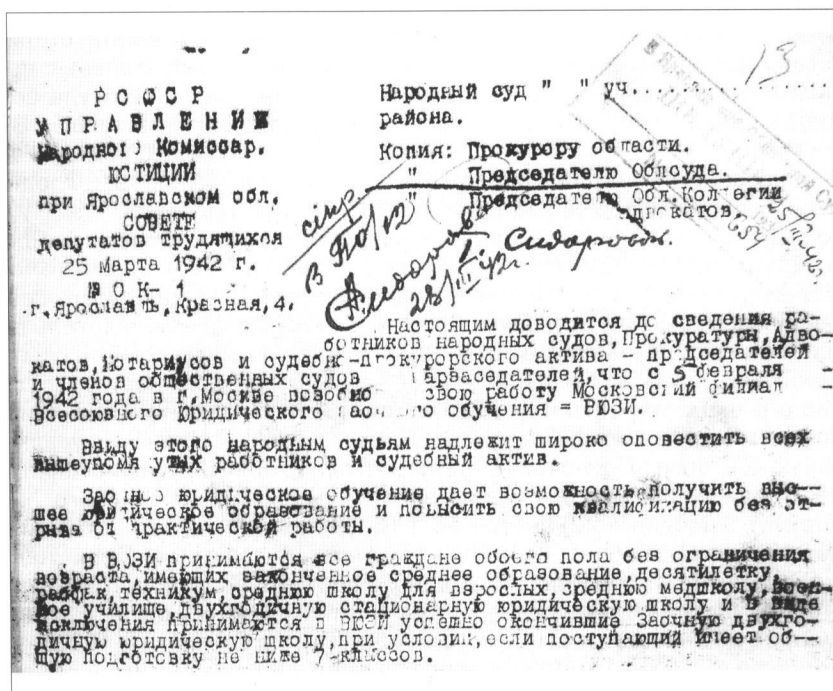
⁴¹³ Там же. Д. 1527. Л. 71.

⁴¹⁴ Там же. Л. 71–71 об.

⁴¹⁵ Там же. Л. 72.

2 человека из рабочих и 7 из служащих. Не удалось победить только их безграмотность: высшее образование было у 1 нотариуса, ещё у 1 – среднее и у 7 – «низшее». После «районирования» и создания Ярославского судебного округа при губернском центре осталось 6 нотариусов – все партийные, зато 5 «без специального юридического образования», а 1 закончил «краткосрочные юридические курсы»⁴¹⁶.

Хотя на ситуацию можно посмотреть и иначе: «В 20–40-е годы проблемы советского нотариата не подвергались глубокому научному анализу. Природа нотариата находилась на „периферии“ юридической научной мысли. Все исследования сводились, как правило, к рассуждениям о необходимости нотариата вообще или к частным проблемам нотариальных органов. Чёткой позиции по отношению к нотариату не было ни у учёных, ни у государства. В 30-е годы его ликвидировали, потом восстанавливали, вновь сворачивали и т. д. В 20–50-е годы нотариат рассматривался как технический орган Наркомата юстиции. Только в 40-е годы стала постепенно распространяться идея о необходимости повысить статус органов нотариата»⁴¹⁷.



Письмо Наркомюста РСФСР о возобновлении работы системы Всесоюзного юридического заочного обучения и о необходимости повышать правовую грамотность юридических работников. 25 марта 1942 г.

⁴¹⁶ ГАЯО. Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 1925. Л. 3 об., 4 об.–5.

⁴¹⁷ Козинцев А. Я. История и природа советского нотариата в трудах советских и российских учёных. (http://www.notariat.ru/bulletinarchive/press_2617_23.aspx).

* * *

Великая Отечественная война «явилась тяжёлым испытанием для всего судебного-следственного и прокурорского аппарата СССР, не остался в стороне и нотариат. Это важно и в связи с тем, что накануне войны, в феврале-марте 1941 г., количество нотариальных контор в РСФСР и в целом в СССР было сокращено. Так, Наркомат юстиции РСФСР 12 февраля 1941 г. издал приказ о сокращении количества нотариальных контор. Деятели Наркомюста посчитали, что в условиях сокращения государственного аппарата, экономии бюджетных средств нотариат выполняет дублирующие функции, например по регистрации документов, которые с успехом могут выполнять местные сельские и поселковые Советы, тем более что закон это допускает»⁴¹⁸.

Ярославская область, к счастью, сумела избежать резкого сокращения числа нотариальных контор и в годы войны, и после неё. Так, «План работы управления Министерства юстиции РСФСР при Ярославском областном совете депутатов трудящихся на апрель-июнь 1946 г.» подразумевал, помимо прочего, ещё и ревизию районных нотариальных контор: Некоузской, Рыбинской, Ростовской, Пошехон-Володарской и Угличской. Планировалось провести совещание областных нотариусов, а также «вызвать на практику в Ярославскую областную нотконтору» нотариусов Гаврилов-Ямской и Тутаевской районных нотариальных контор⁴¹⁹. Т. е. структура областного нотариата незначительно изменилась по сравнению с 1920-ми годами.

Изменения в обязанностях нотариусов также не представляются значительными: пожалуй, единственным изъятием из той нотариальной практики, которая разрешалась «Положением о государственном нотариате» 1930 года, стало распоряжение от 25 октября 1943 г. В соответствии с ним, в исключительное ведение судов передавалось восстановление и заверение дубликатов утраченных документов о браке с «генералами и лицами старшего начальственного состава Красной армии, погибшими, пропавшими без вести или умершими». Выдать дубликат свидетельства о браке с таким лицом (дающий право на значительное денежное пособие) отныне мог только суд, факт брака устанавливался в судебном заседании, в ходе которого предписывалось «тщательно проверить представленные заявительницей, а в случае надобности и затребованные судом документы, которыми устанавливается наличие брака, не ограничиваясь одним лишь допросом свидетелей»⁴²⁰.

Безусловным периодом упадка нотариата стали только два первых, самых тяжёлых, года войны, а начиная с 1943 г. происходило его постепенное восстановление. В 1943 г. нотариальные конторы страны «провели значительную работу: было удостоверено и засвидетельствовано около 3,5 млн нотариальных действий; сумма государственной пошлины, взысканной конторами, составила 33,5 млн руб., что на 75 % больше, чем в 1942 году»⁴²¹.

Единственное кардинальное изменение, произошедшее в структуре нотариальных органов за годы Великой Отечественной войны, заключалось в том, что нотариат стал почти исключительно женским делом, тогда как даже в конце 1920-х гг.

⁴¹⁸ Смыкалин А. С. Нотариат СССР в годы Великой Отечественной войны. (http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2759_23.aspx).

⁴¹⁹ ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 132. Л. 13.

⁴²⁰ Там же. Д. 26. Л. 24.

⁴²¹ Буднев Н. Больше внимания нотариальным органам // Социалистическая законность. 1944. № 3–4.

нотариусами были почти исключительно мужчины. «Изменился и состав посетителей. По мнению очевидцев того времени, большинство обращавшихся были инвалидами или являлись членами семей фронтовиков. Естественно, что при работе с такими посетителями требовались особая забота и внимание к ним»⁴²².

Восстановленный в 1942 г. после недолгого перерыва Нотариальный отдел Народного комиссариата юстиции РСФСР с тех пор не прекращал своей работы. Его основная деятельность сводилась к ежеквартальным ревизиям нотариальных контор в том или ином регионе республики. Обычно раз в квартал ревизии подвергались 2–3 территориальных образования; чаще всего одновременно ревизовали какую-нибудь национальную автономию и «русскую» область Европейской России – так, например, в I квартале 1946 г. проверке подвергли нотариальные конторы Владимирской области и Башкирской АССР⁴²³. Ревизия нотариата Ярославской области произошла в июне 1943 г., каких-либо существенных нареканий работа ярославских нотариусов не вызвала⁴²⁴.

Обычно одновременно с итогами ревизий проводилось и «кустовое совещание» по какому-либо одному вопросу нотариальной практики, наиболее актуальному в данный момент: так, летом 1943 г. такое совещание собралось в Москве, чтобы «обобщить практику нотариальных действий для военнослужащих», а в мирном 1946 г. в IV квартале обсуждали «практику по выдаче исполнительных надписей». На одном из первых послевоенных совещаний, пришедшемся на июнь 1945 г., был поднят вопрос «по удостоверению договоров отчуждения строений и права застройки»⁴²⁵, весьма актуальный – воины-победители и эвакуированные возвращались теперь на свою «малую родину», в т. ч. и разорённую оккупантами, когда дома приходилось восстанавливать из пепла, заново нарезать земельные участки и т. д.



Военный быт. 1943 г.

⁴²² Смыкалин А. С. Нотариат СССР в годы Великой Отечественной войны...

⁴²³ ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 132. Л. 4.

⁴²⁴ Там же. Д. 63. Л. 8.

⁴²⁵ Там же. Д. 106. Л. 30.

Планировалось также «составление сборника по нотариату»⁴²⁶, т. е. какого-то обобщающего справочника для нотариусов. Эта работа была завершена публикацией в 1950 г. «Сборника официальных материалов» по нотариальной деятельности, составленного ученым-юристом Н. С. Будневым⁴²⁷.

План работы Ярославского областного суда во многом копировал планы республиканского Наркомата, а позже – Министерства юстиции: он составлялся по-квартирно, а «по нотариальной части» каждый раз предусматривалась ревизия нескольких районных нотариальных контор и обсуждение какого-либо актуального вопроса. Так, во II квартале 1946 г. нотариусов привлекли к «обобщению судебной практики по делам о расторжении брака» (война разъединила сотни тысяч семей по всей стране, и не только по причине гибели мужей на фронте, но и из-за многочисленных «военно-полевых романов»), а кварталом ранее обсуждался вопрос о правильной выдаче свидетельств на право наследования⁴²⁸.

К сожалению, за 1930-е годы не был изжит один из основных недостатков – юридическая безграмотность многих нотариальных работников, особенно тех, кого брали на работу за «правильное» социальное происхождение и партийность. «План работы НКЮ РСФСР на апрель–июнь 1943 г.» предусматривал, помимо прочего, и составление проекта «записей нотариальных действий в реестр нотариальных контор»⁴²⁹, т. е. даже таким простейшим действиям иногда приходилось обучать дополнительно. Получение юридического образования очень надолго затягивалось. Так, Народный комиссар юстиции при Ярославском областном совете ещё 25 марта 1942 г. разослал «до сведения работников народных судов, прокуратуры, адвокатов, нотариусов и судебного-прокурорского актива» извещение, что «с 5 февраля 1942 года в г. Москве возобновил свою работу Московский филиал Всесоюзного юридического заочного обучения»⁴³⁰. Однако вопрос «о состоянии юридической подготовки и учёбе работников Ярославского областного суда» (которому подчинялся и нотариат) был поднят только 31 июля 1946 г.⁴³¹.

Впрочем, на эту проблему следует смотреть ещё и с точки зрения материального благосостояния судебных работников. Сохранились очень показательные заявления об отставке сотрудниц Ярославского областного суда военной поры. Так, инспектор по специальным делам А. И. Козлова писала Председателю суда 15 февраля 1944 г.: «Прошу Вас освободить меня от занимаемой должности ввиду тяжёлых материальных условий, а также тяжёлой моей болезни – бронхиальной астмы и дистрофии, которые продолжают прогрессировать, а поддержки впереди никакой не предвидится». Козловой вторила молодая сотрудница Соколова: «Прошу меня уволить с работы ввиду того, что мне 15 лет и приходится работать вечером, а карточки (продуктовые. – А. К.) я потеряла, есть мне нечего, сижу голодная – или поставить меня экспедитором, а то курьером, а может уволить совсем, я пойду работать на другое производство, где есть помощь рабочим (курсив наш. – А. К.), а сейчас я не могу работать [в связи с] голодом и холодом»⁴³².

⁴²⁶ ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 132. Л. 33 об.–34.

⁴²⁷ См.: Нотариат. Сборник официальных материалов / Сост. Н. С. Буднев. М., 1950.

⁴²⁸ ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Л. 9, 21.

⁴²⁹ Там же. Д. 63. Л. 8.

⁴³⁰ Там же. Д. 46. Л. 13.

⁴³¹ Там же. Д. 131. Л. 13.

⁴³² Там же. Д. 83. Л. 11, 24.

Ещё хуже были условия работы в районах. Когда Председатель Ярославского областного суда в ноябре 1943 г. проводил ревизию народного суда в дер. Антропово, то выяснилось, что суд занимает всего лишь 3 комнаты в деревянной избе, требующей капитального ремонта. И можно только поражаться ответственности судьи, которая за 11 месяцев одних только гражданских дел рассмотрела 252, а вообще оказывала услуги (в т. ч. и многие нотариальные) населению «19 сельсоветов, 59 колхозов, 5 лесопунктов, железнодорожного депо и 1 промкомбината»⁴³³.

Скандалы в связи с некачественной работой судебных служащих возникали, как правило, лишь тогда, когда дело пахло «антисоветчиной». Например, на плохую работу секретарей канцелярии Ярославского областного суда обратили внимание лишь в октябре 1946 г., когда одна из них «допустила безобразное отноше-

Министр Юстиции РСФСР

Адрес: Москва, ул. Боровского, д. 13. Тел. К-92-94

В номер и дата

Н. номер и дата

Для отправки

Председателю Ярославского областного суда тов. Гришину И.Г.

Вопрос

Копия: Председателю Верховного Суда РСФСР тов. Нестерову А.М.

По данным кассационной практики Верховного Суда РСФСР за 2 полугодие 1945 года качество работы Ярославского областного суда по рассмотрению гражданских дел по первой инстанции является неудовлетворительным.

Верховным судом РСФСР отменены и изменены решения областного суда по 38,6% дел, рассмотренных по кассационным жалобам и протестам.

Обсудите практику работы областного суда по рассмотрению гражданских дел по первой инстанции на оперативном совещании с членами суда и примите меры к устранению недостатков в работе областного суда, вызывающих отмену и изменение его решений.

Заместитель министра юстиции РСФСР (И. Перлов)

Отп. 3 экз. Адресатом 3 экз. делоп. 10.14-46р.мд карт. 5.0

Письмо заместителя министра юстиции РСФСР И. Д. Перлова в связи с неудовлетворительной работой Ярославского областного суда. 1946 г.

⁴³³ Подробнее см.: ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 93.

ние к работе: в одном из определений, сданных ей на отпечатку, она напечатала вместо „колхоз Рабочее Знамя” — „Собачье знамя”»⁴³⁴.

* * *

Невнимание со стороны советской власти как общегосударственного, так и регионального уровня к нуждам нотариусов и шире — к нуждам работников юстиции не могло не привести рано или поздно к плачевным результатам. И они последовали: 17 апреля 1946 г. председатель Ярославского областного суда получил письмо от заместителя министра юстиции РСФСР И. Перлова, где тот отмечал: «По данным кассационной практики Верховного Суда РСФСР за 2-е полугодие 1945 года качество работы Ярославского областного суда по рассмотрению гражданских дел по первой инстанции является неудовлетворительным. Верховным Судом РСФСР отменены и изменены решения Областного суда по 38,8 % дел»⁴³⁵. В послесталинский период ярославский нотариат вступал, находясь в определённом кризисе: сказались многолетнее неуважение к труду нотариуса, низкая оплата труда, насаждение в нотариальные конторы «идейно близких», но юридически безграмотных работников. Однако на фоне общего сокращения числа нотариальных контор в целом по РСФСР нотариат Ярославской области показал настоящие чудеса профессионализма и выживаемости.

⁴³⁴ ГАЯО. Ф. Р-2297. Оп. 1. Д. 130. Л. 1.

⁴³⁵ Там же. Д. 131. Л. 14.

«ПРИДАЁТ БЕССПОРНОСТЬ ДОКУМЕНТАМ И ФАКТАМ»

Ярославский нотариат в 1947–1991 гг.

31 декабря 1947 г. Совет министров РСФСР своим Постановлением № 980 ввёл в действие новое «Положение о государственном нотариате РСФСР». Оно вполне отразило тенденцию, явно наметившуюся после Победы 9 Мая 1945 г.: Сталин «себя самого считал уже не просто „генсеком“, а очередным российским самодержцем – в чём, собственно, и состояла для него „историческая преемственность“»⁴³⁶. В частности, когда после войны наметилась необходимость в проведении обмена денег, их внешний вид Сталин определил, задав риторический вопрос: «А чем были плохи царские деньги?»⁴³⁷.

Новое нотариальное положение⁴³⁸ также не избежало подобных веяний времени. Одной из его важных особенностей по сравнению с «Положением о государственном нотариате РСФСР» от 20 июля 1930 года стало возвращение должности старшего нотариуса: п. 3 главы I акта 1947 г. предписывал: «Нотариальные действия в государственных нотариальных конторах, расположенных в республиканских, краевых, областных центрах и городах республиканского подчинения совершают старшие нотариусы, а в остальных нотариальных конторах – нотариусы». Содержание должности старшего нотариуса, как видим, существенно изменилось по сравнению с дореволюционными временами, но внешне это очень напомнило период империи: старший нотариус в губернском центре и «просто» нотариусы – в уездах.

Новое нотариальное положение несколько возвысило статус нотариуса: например, сельские и иные местные Советы согласно ему могли регистрировать договоры с ценой акта не свыше 500 руб. и «договоры купли-продажи строений на снос» на сумму не свыше 600 руб., а более дорогие сделки подлежали регистрации только в нотариальной конторе. Эти и иные ограничения на деятельность местных Советов (в целом перечень нотариальных действий, которые могли совершать эти органы, составлял в новом положении 8 пунктов, тогда как перечень действий нотариуса – 19 позиций) и привели к тому, что интерес населения к деятельности нотариусов начал понемногу увеличиваться. «Нагрузка (на нотариусов. – А. К.), особенно в послевоенное время, возрастала. Обычным явлением стали многочисленные очереди в нотариальные конторы». Однако при этом в нотариальных конторах проходили «постоянные сокращения штатов, которые проводи-

⁴³⁶ Киселёв В. На службе кесаря и Аполлона // Техника – молодёжи. 1994. № 11. С. 8.

⁴³⁷ Крылков И. «Образцы послевоенных денег предложил сам Сталин» // Техника – молодёжи. 1994. № 11. С. 16.

⁴³⁸ См.: Положение о государственном нотариате РСФСР. 31 декабря 1947 г. // Собрание постановлений и распоряжений Правительства РСФСР. 1948. № 4. Ст. 15.

лись прежде всего потому, что нотариат не приносил прибыль государству»⁴³⁹. Примечательно, что, например, изданный в 1952 г. «Краткий словарь иностранных слов» не содержал слово «нотариат» – при том, что его читатели могли узнать толкование столь узкоспециальных терминов, как «антоциан» (красящее вещество), «гиппология» (наука о разведении лошадей) или «рабатка» (длинная узкая грядка для высадки декоративных растений)⁴⁴⁰.

После смерти Сталина в СССР прошла первая дискуссия юристов по вопросам организации нотариального производства. В 1954 г. заместитель министра юстиции СССР Д. С. Карев в ряде работ конкретизировал понятие «судебное управление», при этом «нотариат был механически отнесён к органам, „содействующим суду“, а управление им – к судебному управлению»⁴⁴¹. «На органы судебного управления в ряде случаев возлагается выполнение и других обязанностей, непосредственно вытекающих из функций организации и контроля за деятельностью судов, а именно – надзор и руководство нотариальной деятельностью», – писал Д. С. Карев⁴⁴².



«Хрущевки» в Ярославле, 1950-е гг. Сюда переезжали из коммуналок и барачков

⁴³⁹ Смыкалин А. С. Нотариат Челябинской области. XVIII–XXI века. – М., 2007. С. 68.

⁴⁴⁰ Краткий словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лёхина и Ф. Н. Петрова. Изд. 7-е. – М., 1952. С. 36, 96, 272, 325.

⁴⁴¹ Кодинцев А. Я. История и природа советского нотариата в трудах советских и российских учёных. (http://www.notariat.ru/bulletinarhiv/press_2617_23.aspx).

⁴⁴² Карев Д. С. Организация суда и прокуратуры в СССР. – М., 1954. С. 182.

Ему возражал тоже заместитель министра юстиции И. Д. Перлов, по мнению которого «нотариат не может быть отнесён к органам, содействующим суду в осуществлении правосудия. Связь между судами и нотариальными органами исчерпывается лишь возможностью обжалования некоторых нотариальных действий судом в установленном законом порядке»⁴⁴³.

Указ от 4 августа 1956 г. возложил на краевые и областные суды организацию и руководство нотариальными конторами, но при этом нотариат не входил в судебную систему, «нотариусы осуществляют самостоятельную задачу в органах юстиции»⁴⁴⁴.

С конца 1950-х, а особенно с середины 1960-х гг., когда советская власть, вынужденная отказаться от массового террора как метода управления страной, перешла к политике повышения благосостояния граждан (авторитетный современный исследователь А. В. Шубин назвал эту эпоху «золотой осенью» социализма⁴⁴⁵), нагрузка нотариусов стала возрастать быстрыми темпами. «После 1953 года формально „социалистическая“ и „общенародная“ страна поворачивается к более-менее реальной заботой к своему народу и становится в современном понимании государством социальным. Вместо сталинской политики шока и трепета, кнута и пряника утверждаются стандарты политики, которую скорее можно назвать „пряник и трепет“. Капиталовложения в социальную сферу к 1980 году выросли в пять раз, что позволило значительно повысить уровень жизни советских людей»⁴⁴⁶. Люди стали жить лучше, у них появились недвижимость и ценное имущество, а соответственно, и необходимость документально фиксировать свои права собственности, оставлять завещательные распоряжения на случай смерти и т. д.

Однако новое «Положение о государственном нотариате РСФСР» от 30 сентября 1965 г.⁴⁴⁷ было, по сравнению с аналогичным актом 31 декабря 1947 г., значительно менее конкретным. Так, если «Положение» 1947 г. прямо указывало, что «сеть государственных нотариальных контор в краях, областях и городах республиканского подчинения утверждается Советом министров РСФСР по представлению министра юстиции РСФСР», то новый документ просто указывал, что «для совершения нотариальных действий организуются государственные нотариальные конторы». Расширились и нотариальные права местных Советов: были сняты ограничения на суммы сделок, которые они могли регистрировать; в 4-й ст. «Положения» 1965 г. говорилось просто: «Исполнительные комитеты районных, городских, поселковых и сельских Советов /.../ удостоверяют сделки, кроме доверенностей на совершение действий за границей».

Подобное отношение к нотариату объяснялось отчасти и той социальной структурой, которая сложилась в СССР в годы «застоя»: собственности, нажитой абсолютно законным путём, было очень немного, всюду работала т. н. «теневая экономика». «Ещё в начале 1960-х гг. по стране прокатилась волна крупных судебных процессов над „цеховиками“, но теневая экономика оказалась живучей и смогла приспособиться к новым условиям». Уже к концу 60-х гг. «теневая эконо-

⁴⁴³ Перлов И. Д. До конца завершить реформу судебного управления в СССР // СГИП. 1957. № 1. С. 24.

⁴⁴⁴ Козинцев А. Я. Указ. соч.

⁴⁴⁵ Подробнее см.: Шубин А. В. Золотая осень или период застоя. — М., 2008.

⁴⁴⁶ Ваниюков Д. А. Эпоха застоя. — М., 2008. С. 69.

⁴⁴⁷ См.: Положение о государственном нотариате РСФСР. 30 сентября 1965 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 40. Ст. 991.

мика была своеобразной формой не только экономического, но и социально-политического консенсуса между руководством и населением страны. В рамках теневой экономики действовал негласный императив: „Раз государство мне недоплачивает, я возьму с него натурой”. Теневая экономика была тем клапаном, через который выпускались излишки массового недовольства трудящихся всей страны»⁴⁴⁸.

Положение нотариата – правового института, регулировавшего именно вопросы законного владения собственностью, становилось в таких условиях незавидным. Тем более, что доходы от деятельности нотариальных контор были минимальными. В период «застоя» во многих нотариальных конторах нотариусы не только готовили проекты документов и совершали нотариальные действия, но и сами выполняли всю техническую работу: печатали подготовленные документы на машинке или писали их от руки, регистрировали нотариальные действия в реестре. Многочисленные очереди в нотариальные конторы были обыденным явлением. Собственно нотариус был «малооплачиваемым государственным служащим, находившимся на самом низу бюрократической лестницы»; ставка зарплаты нотариуса составляла всего 120 руб. в месяц (что примерно соответствовало средней зарплате рабочего не самой высокой квалификации). В годы перестройки юрист Р. Лукашевич так охарактеризовал положение, в котором оказался нотариат к концу эпохи застоя: «Нотариус – древняя профессия, престижная за рубежом и до крайности униженная у нас, хотя носит гордое название „государственный”. А ведь нотариусами работают квалифицированные юристы из чистой любви к своему делу»⁴⁴⁹.

Чаще всего нотариусу приходилось быть не только умелым юристом, но и психологом. Например, один из ветеранов нотариальной службы вспоминал, как однажды пришлось давать консультацию сотруднику МВД, пришедшему узнать о порядке оформления наследства: „Вы же юрист, можете разобраться сами”. А он отвечает: „Да, но родителей не каждый день хоронишь»»⁴⁵⁰.

И, тем не менее, несмотря на все трудности и сложность работы нотариусов, развитие нотариата остановить было уже нельзя. 19 июля 1973 г. был принят уже не республиканский (уровня РСФСР), а всесоюзный закон «О государственном нотариате»⁴⁵¹, по которому был расширен перечень нотариальных действий, детальнее регулировался порядок их совершения; был повышен профессионально-образовательный ценз – нотариусом мог стать только обладатель высшего юридического образования, либо, в исключительных случаях, лицо без такого образования, но имеющее стаж работы по юридической специальности не менее 3 лет. В этой связи в РСФСР был принят республиканский закон «О государственном нотариате» от 2 августа 1974 г.⁴⁵², заменивший собой «Положение» 1965 г.

Новый акт был значительно более четким, чем предшествующий – и в этом смысле отчасти повторял «Положение» 1947 г. Например, вновь был детально прописан порядок организации нотариальных контор: «В столице РСФСР городе Мос-

⁴⁴⁸ Ванюков Д. А. Эпоха застоя... С. 39, 40–41.

⁴⁴⁹ Лукашевич Р. Падчерица юстиции // Советская юстиция. 1989. № 19. С. 23–24.

⁴⁵⁰ Нотариат Удмуртии: Прошлое, настоящее, будущее. – Ижевск, 2004. С. 71.

⁴⁵¹ См.: Закон СССР «О государственном нотариате». 19 июля 1973 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 30. Ст. 393.

⁴⁵² См.: Закон РСФСР «О государственном нотариате». 2 августа 1974 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1974. № 32. Ст. 852.

кве, городе Ленинграде, в столице автономной республики, краевом, областном центре одна из государственных нотариальных контор утверждается в качестве Первой государственной нотариальной конторы для совершения наиболее сложных нотариальных действий»; руководители таких контор – старшие нотариусы – назначались на должность и снимались с неё только лично министром юстиции РСФСР.

«В связи с развитием внутреннего гражданского оборота и внешних экономических связей, неуклонным подъёмом материального и культурного уровня жизни советского народа», отчего «постоянно растёт количество договоров, завещаний, доверенностей и других сделок, оформляемых в государственных нотариальных конторах», Министерство юстиции СССР издало 19 октября 1976 г. приказ «О дальнейшем совершенствовании работы государственного нотариата»⁴⁵³ – пожалуй, первый за все годы советской власти документ, прямо поднимавший проблему качества условий работы нотариусов. В приказе отмечались отсутствие во многих нотариальных конторах множительной техники и даже пишущих машинок, несвоевременное обеспечение нотариусов «законодательными материалами и другими необходимыми документами, а также реестровыми книгами, бланками нотариальных свидетельств, образцами удостоверительных надписей». Предписывалось «установить удобный для населения распорядок работы государственных нотариальных контор и обеспечить строгое его соблюдение», а также «принять меры к оборудованию помещений, предназначенных для приёма посетителей, витринами или стендами с образцами нотариально оформляемых документов, обеспечить нотариальные конторы памятками для граждан с перечислением документов, необходимых для совершения нотариальных действий». Проблемы нотариата были столь значительны, что приказ предписал улучшать даже внешний вид документов, выходящих из-под пера нотариусов.

Между тем, занимая одно из последних мест по объёмам финансирования, нотариат в РСФСР выполнял одну из важнейших правовых задач: благодаря деятельности нотариусов в сфере гражданского права «чётко определяются содержание правоотношения, права и обязанности его участников, предупреждаются необоснованные споры и притязания, облегчается осуществление прав, пресекается их нарушение»⁴⁵⁴.

* * *

Одним из наиболее высококачественных в РСФСР было нотариальное обслуживание населения Ярославской области. В 1983 г. журнал «Советская юстиция» особо отметил деятельность Первой нотариальной конторы г. Ярославля: «Нотариусу граждане доверяют сугубо личное, не предназначенное для посторонних. Доверяют, будучи убеждены в том, что тайна нотариальных действий будет непременно сохранена. Идёт ли речь о составлении завещания или об оформлении наследства,

⁴⁵³ Приказ Министерства юстиции СССР от 19 октября 1976 года № 22 «О дальнейшем совершенствовании работы государственного нотариата». (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16138>).

⁴⁵⁴ Советский закон и гражданин. Юридический справочник / Под ред. Б. М. Бабия, Н. И. Козюбры. В 2 ч. Ч. 1. – Киев, 1987. С. 134.

2 октября 1982 года

СЕВЕРНЫЙ Р

*Советскому
нотариату — 60 лет*

НА СЛУЖБЕ НАРОДУ

НОТАРИУС. Профессия эта возникла в глубокой древности. Рабовладельцы, феодалы, а потом и представители буржуазии по известным причинам не доверяли, да и не могли доверять друг другу в процессе совершения имущественных сделок и избирали третьих лиц посредниками в фиксировании договоров купли-продажи, дарения, займа, хранения, составления завещаний и т. п. Так возник институт нотариата. В условиях эксплуататорского государства задача такого учреждения состоит в том, чтобы любыми средствами содействовать имущим классам, юридически надежно закреплять приобретаемые ими права.

Великая Октябрьская социалистическая революция отменила частную собственность на орудия и средства производства, ликвидировала государственный аппарат, стоявший на страже буржуазных общественных отношений. Как составная часть этого аппарата был упразднен и стоявший на службе имущих классов нотариат. С установлением и развитием новых социалистических общественных отношений возникла потребность в новых, демократических формах обеспечения защиты и охраны интересов граждан, государственных учреждений, социалистических организаций и предприятий в гарантированном закреплении приобретаемых законных прав. Первоначально выполнение нотариальных функций осуществлялось местными Советами. В ряде городов также были созданы нотариальные столы при губернских отделах юстиции, а в уездах — при местных народных судах. Деятельность нотариальных органов этого периода фактически ограничивалась засвидетельствованием верности копии документов, полноты подписей и т. п.

Статья в ярославской областной газете «Северный рабочий» (первоначально и в настоящее время — «Северный край») по случаю 60-летия советского нотариата. 1982 г.

о получении доли в общем имуществе либо об удостоверении договора купли-продажи – во всём этом поможет нотариус. Вот с таким доверием относятся ярославцы к нотариусам Первой ярославской нотариальной конторы. Люди приходят сюда не только чтобы совершить какое-то нотариальное действие, но и проконсультироваться по юридическим вопросам, а то и по житейским делам. Слово нотариуса – доброго советника и стража законных интересов граждан, звучит в стенах этой конторы авторитетно, весомо»⁴⁵⁵.

Ветеран ярославского нотариата В. Ф. Ладанова вспоминает, что, когда в 1962 г. она пришла на работу в нотариальное ведомство, в Ярославле работали три нотариальные конторы: собственно, Первая, Вторая и Третья. Первая контора была главной, поэтому только в ней совершались акты купли-продажи жилых помещений и оформление наследства. Вторая и Третья нотариальные конторы занимались оформлением завещаний, удостоверением копий и доверенностей, совершением исполнительных надписей на документах.

Несмотря на это, работы хватало всем. Основанная в 1954 г. Третья нотариальная контора, позднее называвшаяся Государственной нотариальной конторой Дзержинского района Ярославля, в год совершала до 15 тысяч нотариальных действий, иногда проявляя настоящие чудеса трудового героизма – нотариус мог обслуживать до 6 посетителей за 20 минут работы.

В исключительных случаях приходилось и покидать рабочее место, выезжая на дом к людям, нуждающимся в нотариальной помощи. Например (пишет государственный нотариус Г. А. Титова): «В нотариальную контору пришла девушка. Она была в недоумении: зачем дедушка-сосед послал её за нотариусом? Когда мы вошли в комнату больного, он попросил девушку выйти и, с трудом подбирая слова, рассказал мне о сыне и своей молодой соседке. Оказалось, сын его забыл, а девушка и печь ему топит, и воду носит, и в магазин ходит.

– Нельзя ли составить завещание на её имя? – попросил больной.

Его воля была исполнена: завещание было составлено на имя девушки. Позднее мне довелось встретиться и с сыном, явившимся в нотариальную контору с претензией на наследство. В просьбе ему было отказано»⁴⁵⁶.

В Первой нотариальной конторе Ярославля сначала трудились 5 человек: старший нотариус, два его заместителя, секретарь и бухгалтер; во Второй конторе – нотариус и его помощник, а в Третьей – один только нотариус. Поощрения за их труд, по воспоминаниям В. Ф. Ладановой, были минимальными: чаще всего это были благодарности, объявлявшиеся, к тому же, как правило «к дате», особенно часто – к празднику 7 ноября. Очень редко производились премирования – в основном на сумму 10 руб., причём их ещё и чередовали: премировали, как правило, только одного нотариуса, а остальные ждали своей очереди, до следующего года и следующего праздника. (Если учесть, что в Ярославле работали 5 нотариусов и помощник – десятирублёвая премия перепадала каждому из них раз в 5–6 лет.)

А вот нагрузки на нотариусов были огромны: «Работа государственного нотариуса требует большого внимания, сосредоточенности, знания нормативного материала, причём не только касающегося порядка совершения нотариальных дей-

⁴⁵⁵ Государственный нотариус // Советская юстиция. 1983. № 16. С. 2.

⁴⁵⁶ Титова Г. Нотариат на страже закона // Северный рабочий (Ярославль). – 1984. – 3 ноября. – С. 3.

ствий, но и гражданского, брачно-семейного, земельного, административного и других отраслей права». Ярославские нотариусы вполне отвечали этим высоким требованиям: это «добросовестные, квалифицированные работники, имеющие высшее юридическое образование или обучающиеся в вузах»⁴⁵⁷.

Кроме того, невзирая на все трудности, ярославский нотариат продолжал развиваться: в 1982 г. на территории области действовали уже 17 нотариальных контор (в т. ч. 4 в самом г. Ярославле), в которых работали 29 нотариусов, а в 1988 г. — уже 20 нотариальных контор. В 1982 г. совокупный сбор государственных пошлин за нотариальные услуги составлял по области порядка 250 тыс. руб., а к 1988 г. одна только Первая государственная нотариальная контора г. Ярославля приносила казне ежегодно 95 тыс. руб.⁴⁵⁸.

Отдельные действия по облегчению нагрузки на нотариусов и улучшению работы нотариальных контор всё же предпринимались. Так, в целях противодействия случаям «обращения в нотариальные конторы по вопросам засвидетельствования копий, которые могли быть удостоверены непосредственно администрацией предприятия, организации или учреждения, где работает гражданин», Президиум Верховного Совета СССР 4 августа 1983 г. принял указ «О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан»⁴⁵⁹. Однако в реальности подобные обращения продолжались. В 1988 г. журналист Н. Камаева приводила прямую речь В. Ф. Ладановой — к тому времени уже много лет старшего нотариуса Первой государственной нотариальной конторы Ярославля: «Опять из Кировского райисполкома человека к нам отправили, хотя сами были обязаны заверить копию. Но не отказывать же, и без того сколько времени и нервов потеряно. И ведь знают в организациях, что права их значительно расширены. Но, видно, крепко засел кое в ком бюрократизм, не хотят взять на себя даже минимальную ответственность. А всего-то хлопот — сличить копию с подлинником и поставить свою подпись... Тут однажды телефонная станция принялась посылать к нам участников войны: заверять копию документов для установки телефонных аппаратов. Мы несколько раз взывали: перестаньте людей гонять, они ведь инвалиды, им ходить трудно! Лишь тогда ярославские связисты к нам прислушались, когда мы письмо об их перестраховке направили в Министерство связи СССР!»⁴⁶⁰.

Рабочей нормой для нотариальной конторы в те годы стали 100 обращений граждан в день. Впрочем, дело было уже не только в бюрократизме ведомств, отказывавшихся заверять копии — в стране явно обозначился отказ от коммунистического эксперимента. 26 мая 1987 г. был принят закон о кооперативах, который фактически разрешил вести в СССР предпринимательскую деятельность⁴⁶¹. Спустя 4 с небольшим года, в сентябре 1991 г., Президент СССР М. С. Горбачёв совершил небольшой, но очень символический акт — приказал заменить портрет В. И. Ленина,

⁴⁵⁷ Чаввич В. На службе народу // Северный рабочий (Ярославль). — 1982. — 2 октября. — С. 3.

⁴⁵⁸ Камаева Н. Наследство из Австралии // Северный рабочий (Ярославль). — 1988. — 6 мая. — С. 3; Её же. Нотариус против волокиты. Заботы и проблемы нотариальной конторы // Неделя. — 1988. — № 24. — 13–19 июня. — С. 4; Чаввич В. Указ. соч.

⁴⁵⁹ Ладанова В. Для экономики времени // Северный рабочий (Ярославль). — 1985. — 12 сентября. — С. 4.

⁴⁶⁰ Камаева Н. Нотариус против волокиты...

⁴⁶¹ Аннотация к Указу Президента РФ от 18 октября 2007 г. № 1381 «О Дне российского предпринимательства». (<http://base.garant.ru/6381522/>).

висевший в его кабинете, «нейтральным полотном», а за год до этого ту же операцию проделал бывший главный идеолог КПСС А. Н. Яковлев⁴⁶².

В декабре 1991 г. СССР прекратил своё существование, а вместе с тем фактически закончились и эксперименты над российским нотариатом, начатые в 1917 г. Началась выработка нового законодательства о нотариате – теперь уже нотариате Российской Федерации.

⁴⁶² Зенькович Н. А. Новости из Кремля. – Смоленск, 1999. С. 15.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«В Россию вернулся свободный нотариат – с 1993 года действует новый закон о нотариате „Основы законодательства РФ о нотариате“.

Таким образом, российский нотариат за всю свою историю терпел и взлёты, и падения, прекращал своё существование и вновь возрождался. С 1993 года, после проведения реформы нотариата, в одном экономическом пространстве работают два нотариуса: один в государственной конторе, другой – в частной. Разница между ними лишь в том, что первый, передавая всю пошлину за совершение нотариальных действий государству, получает от него гарантированную заработную плату, другой, занимающийся частной практикой, взимает тариф, который остаётся у него полностью (за исключением налоговых и других выплат, предусмотренных законом). Кроме того, российский нотариат вступил в Международный союз латинского нотариата, и наши нотариусы получили возможность обмениваться опытом со своими зарубежными коллегами»⁴⁶³.

Наступила эпоха современного российского нотариата – правопреемника и наследника дореволюционного и советского.

История дореволюционного нотариата говорит нам главным образом о том, что он возник естественным путём, в ходе развития Русского государства. Возникновение на Руси сначала культуры письменного договора, затем протонотариата, а позже и развитой, законодательно оформленной нотариальной системы было исторически предопределено и неизбежно. Наибольших успехов нотариат в России достиг в тех регионах, где раньше остальных сформировались культура и национальные традиции – в их число входит и Ярославский край.

История же советского нотариата важна в первую очередь для осознания того, что устраивать социальные эксперименты по «идейной переделке» людей – не только жестоко, но и бессмысленно. Богатейший архивный материал Ярославского края вполне отразил все попытки советской власти всячески принизить в сознании людей право частной собственности и нотариата – института, охраняющего это право. Равным образом, сохранились и бесспорные свидетельства того, что все эти попытки закончились крахом. А ярославский нотариат в советский период не только выжил, но и сохранил лучшие традиции, заложенные дореволюционными нотариусами: ответственность и порядочность в работе, внимание к нуждам посетителей нотариальных контор, готовность нотариусов постоянно повышать свой профессиональный уровень и трудиться, не жалея сил.

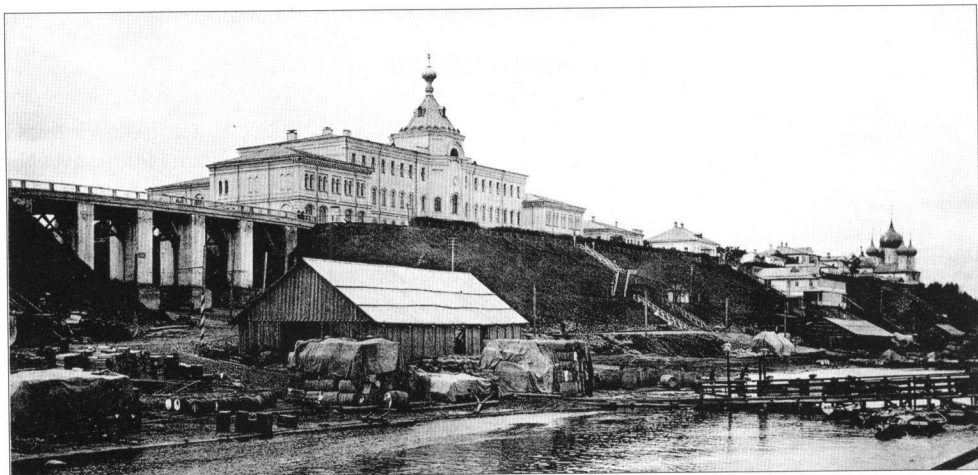
⁴⁶³ Из истории российского нотариата: вся правовая информация (http://www.valee.ru/lz_istorii_rossiyskogo_notariata).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
«Из мрачной глубины веков»	
«Дела давно минувших дней»	
«Сю грамоту подписати на царёво имя»	
«Все бумаги зело исправны быть должны»	
«Дабы губерния порядочно могла быть управляема»	
«Вот тебе моя инструкция»	
«Дней Александровых прекрасное начало»	
«Между двух империй»	
«Придаёт бесспорность документам и фактам»	
Заключение	

СТАРЫЙ ЯРОСЛАВЛЬ

Ярославль в начале XX века



Ярославль в начале XX в. Вид с Волги



Ярославль.

Набережный бульвар в верх по р. Волге.

№ 118 Изд. И. Д. Микерина по работам А. И. Никаноровой

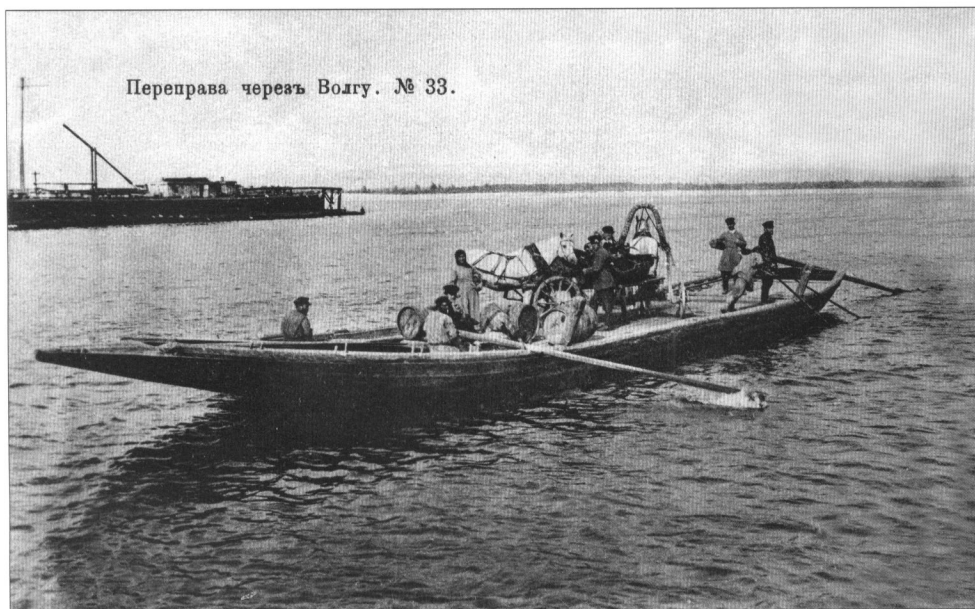
Набережный бульвар



Ярославль.

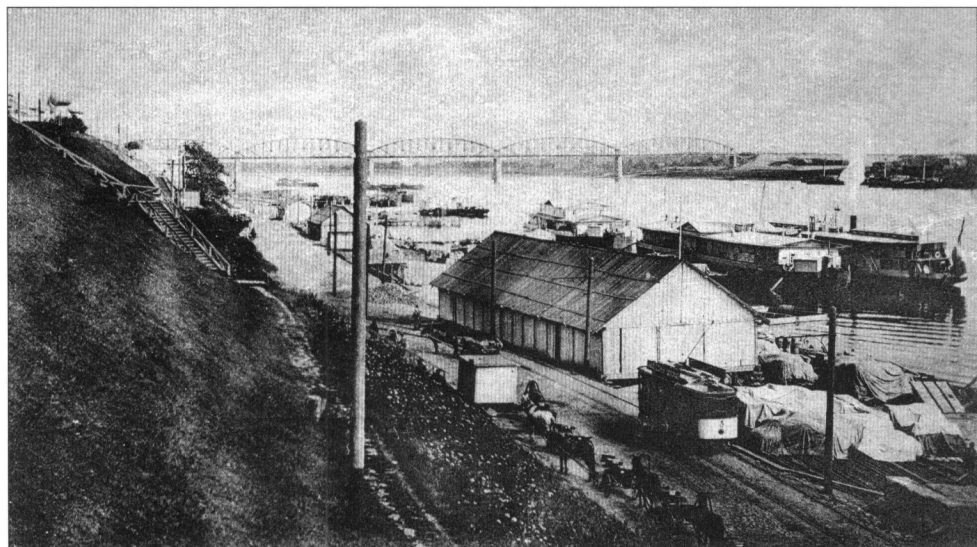
IX.

Волжская набережная



Переправа через Волгу. № 33.

Переправа через Волгу



г. Ярославль. Пристань на р. Волгѣ.

Пристань на реке Волге



г. Ярославль. Кашинская пристань на Волгѣ. № 23.

Кашинская пристань на реке Волге

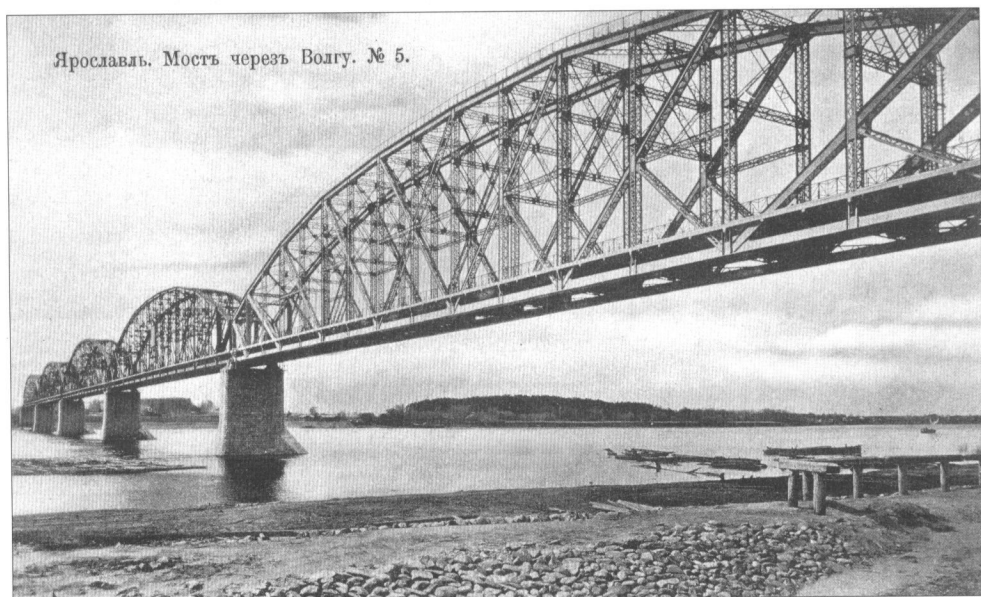


Набережная Волги



Ярославль. Дачная пристань

Ярославль. Дачная пристань



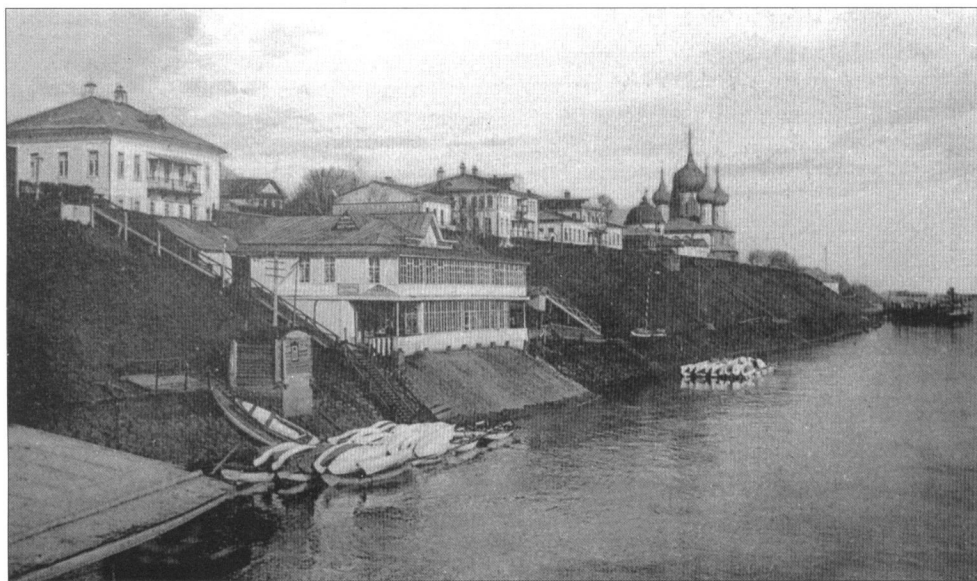
Мост через реку Волгу



Ярославль.

Берегъ р. Волги, Стрѣлка, Демидовскій Лицей.

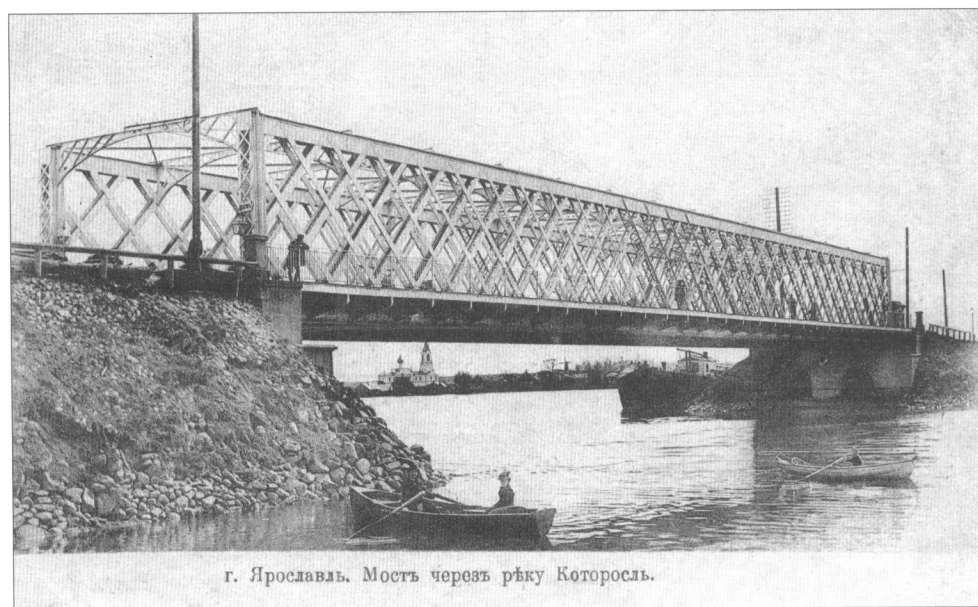
Берег реки Волги. Демидовский лицей



Волжская набережная



Река Которосль



Мост через реку Которосль



Общий вид закаторосльской фабричной стороны города



Вид из-под арки



г. Ярославль. Семеновский спускъ. № 14.

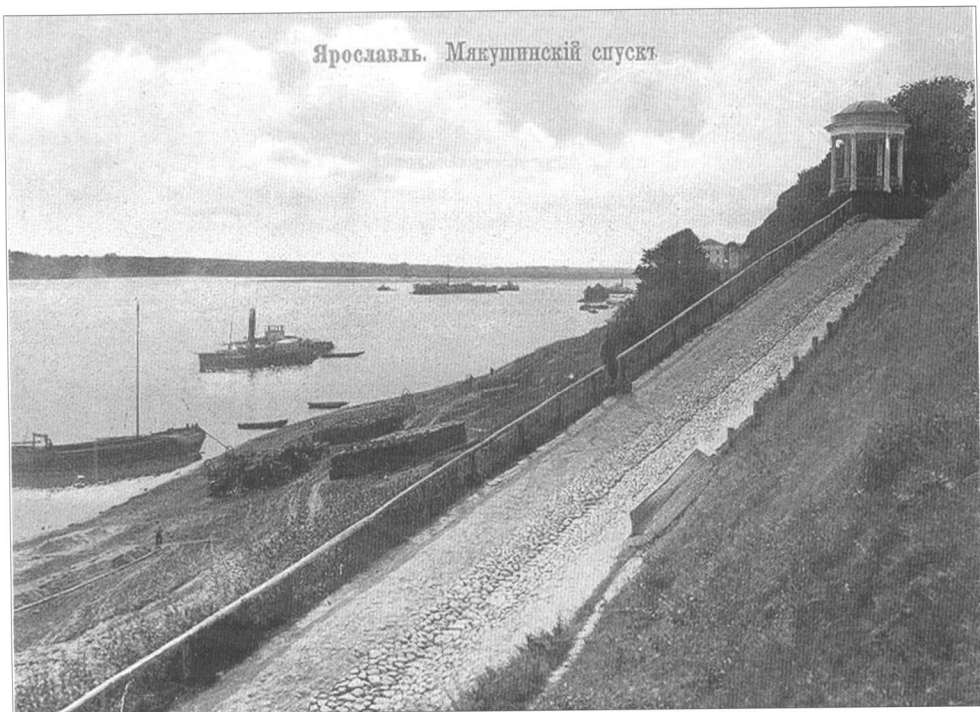
Семеновский спуск



Ярославль. Мостъ черезъ Семеновскій спускъ

Мостъ черезъ Семеновский спуск

Ярославль. Мякушинский спуск



Мякушинский спуск



Афанасьевский монастырь, городская дума



Успенский монастырь



Толгский монастырь



Ярославль.

Спасо-Преображенский мужской монастырь.

Спасо-Преображенский мужской монастырь



г. Ярославль. Спасский монастырь. № 10.

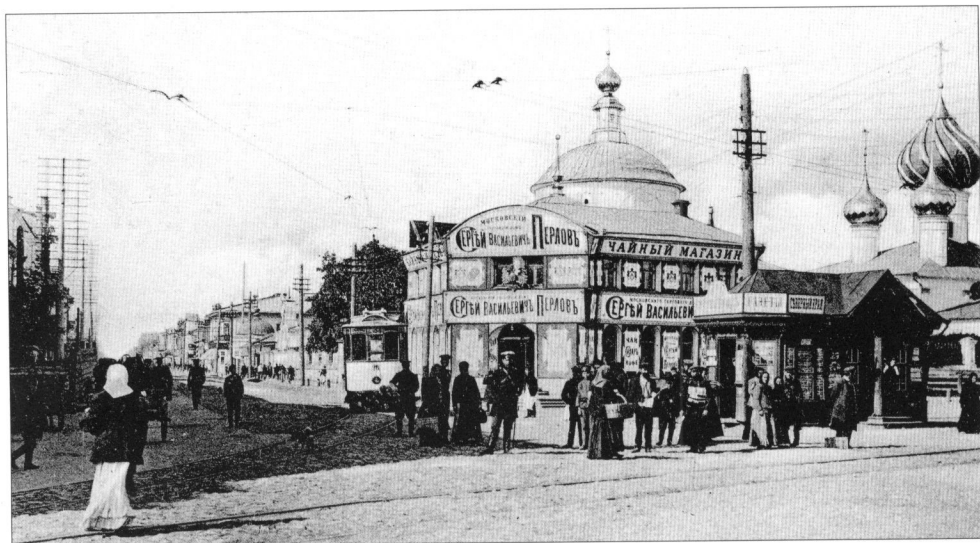
Спасский монастырь



Богоявленская площадь



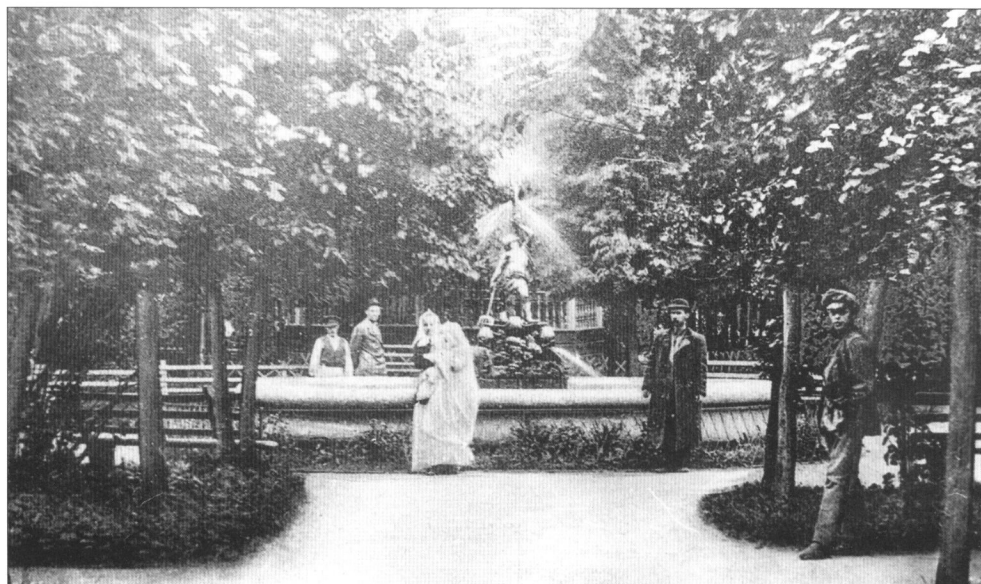
Московская улица



Власьевская (ныне – Свободы) улица



Власьевская улица



Ярославль.

Городской Власьевский садъ.

Власьевский городской парк



Ярославль. Дворянская улица

13

Дворянская улица



Ярославль.

Ильинская улица бульваръ.

Ильинская улица. Бульвар



Ярославль. Ильинская площадь и присутственные мѣста

Ильинская площадь



Голубятная улица



Театральная площадь



Театр им. Ф. Г. Волкова



Городская управа



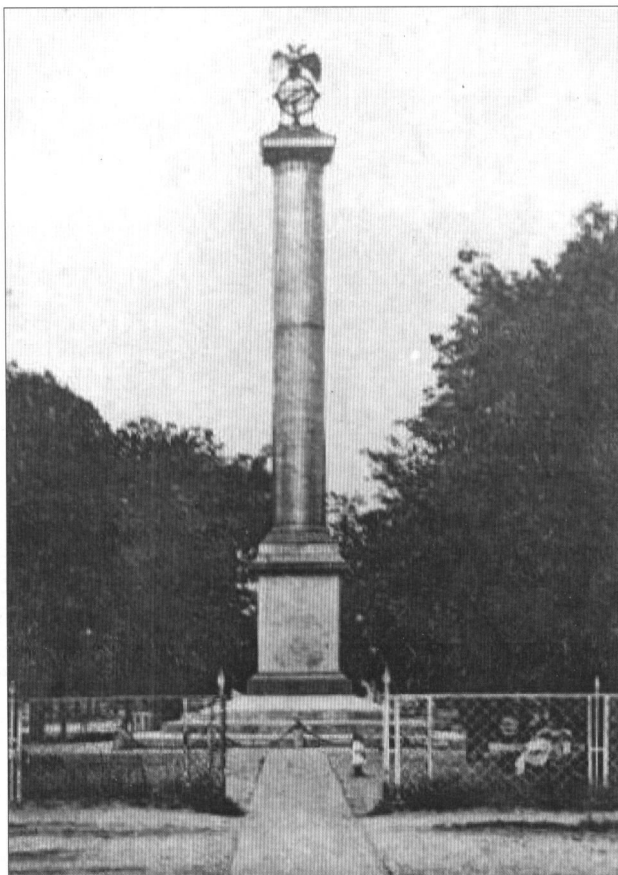
Большая линия и гостиный двор



Ярославль.

Знаменская башня. Храмъ Знаменія Б. М.

Знаменская башня

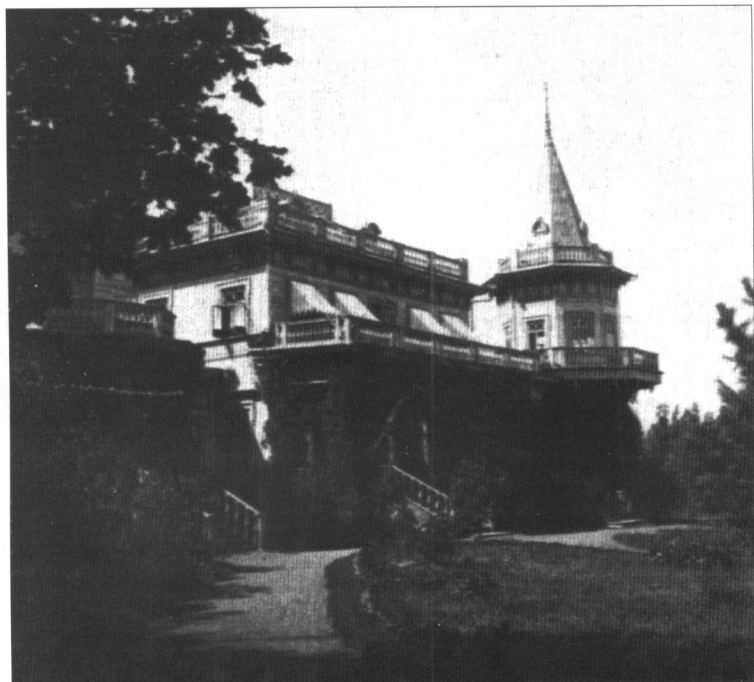


Городской Ильинский сад. Памятник П. Г. Демидову



г. Ярославль. Губернаторский домъ.

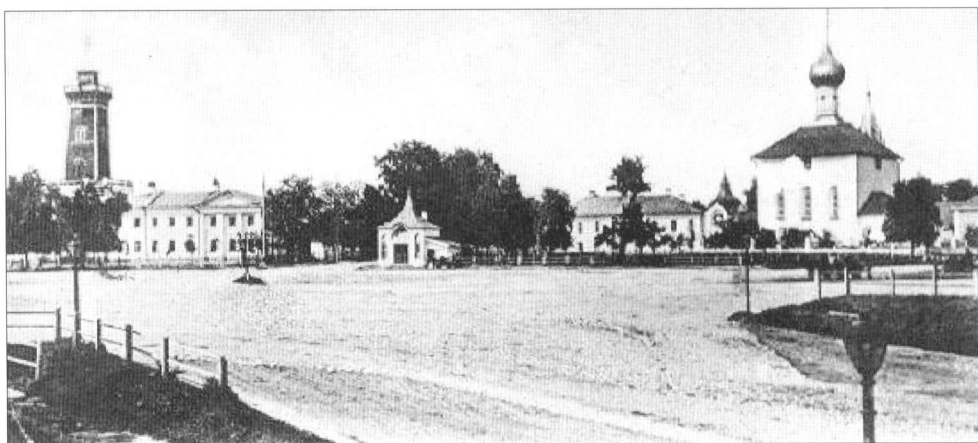
Губернаторский дом

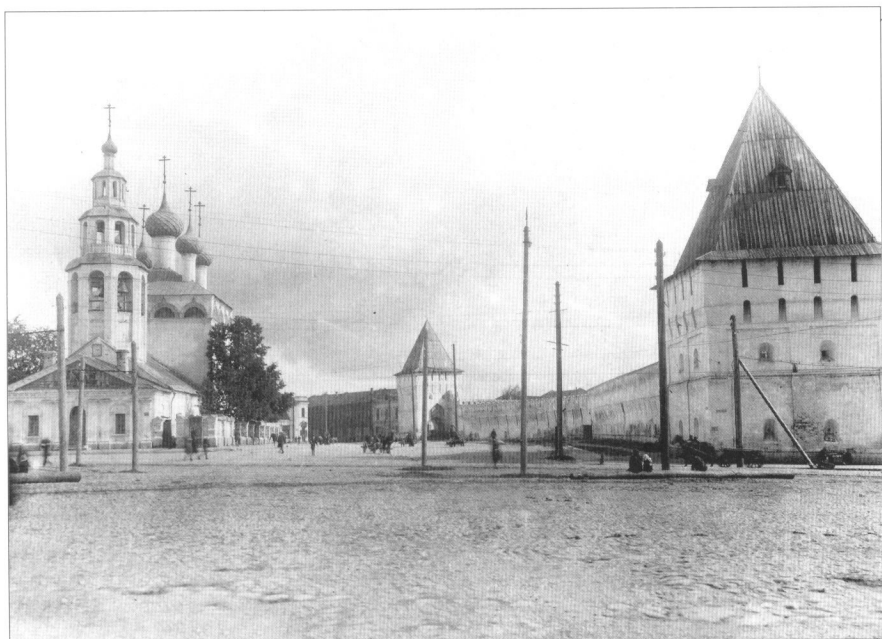


Дача Пастухова



Семеновская площадь







Церковь Дмитрия Солунского 1671 — 1673 гг.

Церковь Дмитрия Солунского



Ярославль

Романовская застава. Загородный садъ

№ 86. Изд. Н. Д. Минерина по грав. А. Н. Никаноровой

Романовская застава

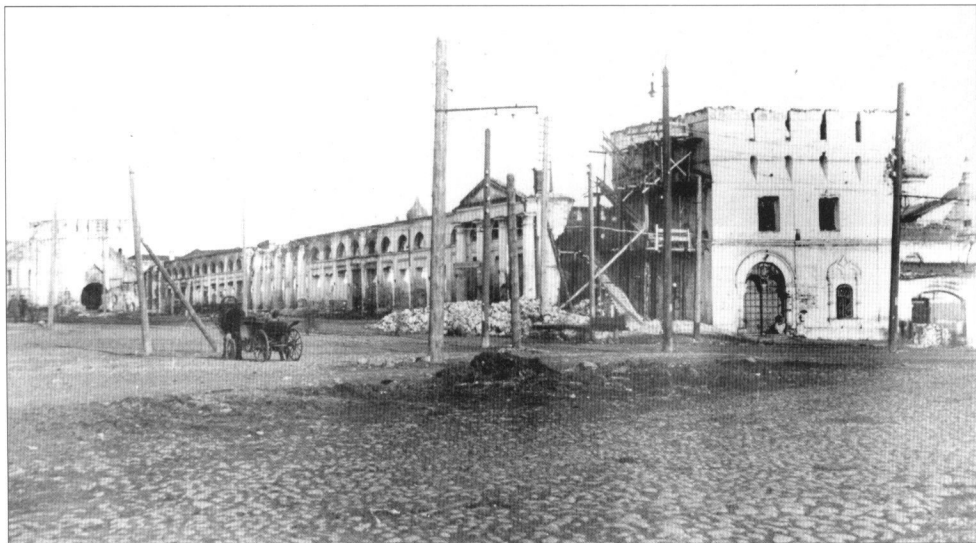
Ярославль после белогвардейского мятежа 1918 года



Церковь Дмитрия Солунского



Гостиный двор



Торговые ряды



Дом Иванова



Здание педагогического института

**Коняев
Александр Евгеньевич**

История нотариата Ярославского края

Технический редактор *Кудрина Н. В.*
Компьютерная верстка: *Улитина Е. С.*
Корректоры: *Александрова В. Ю., Виноградова В. А.*

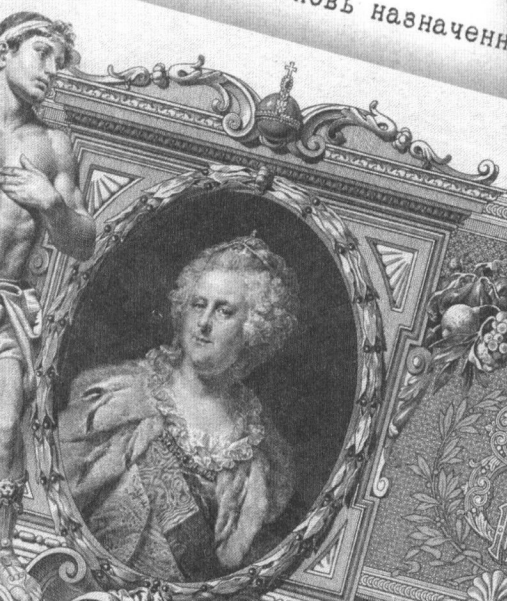
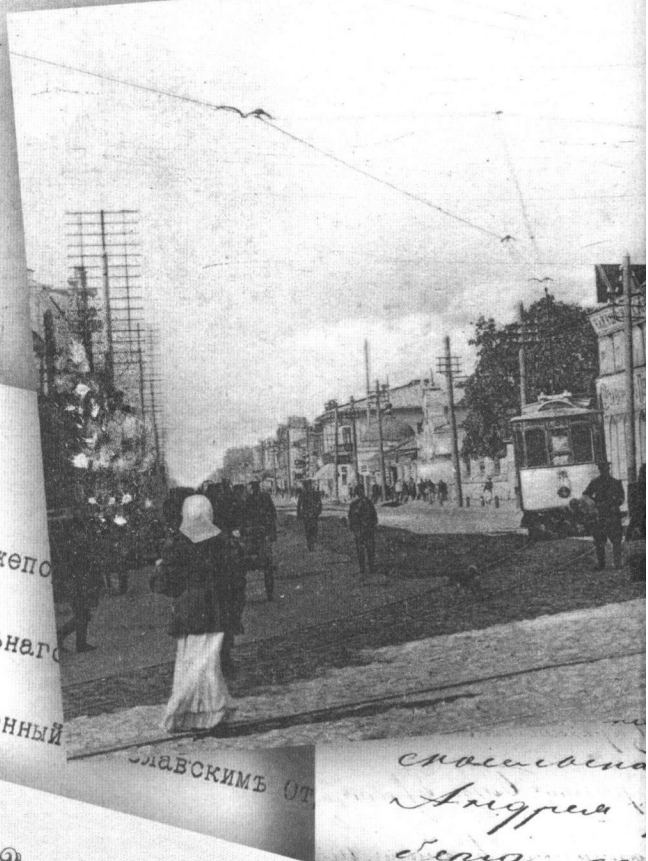
Подписано в печать . Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Helios. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,77. Тираж 400 экз. Заказ № 2964.

Отпечатано в ООО ГК «Бизнес-Групп»
603157, Россия, г. Нижний Новгород,
ул. Березовская д.101
Тел./факс: 8(831)429-04-54
e-mail: kommmerc@inbox.ru
www.business-group52.ru

Убедившись, что данная квартира
 расположена в удобном для
 жизни месте, условия
 проживания в ней
 соответствуют
 всем требованиям

Получивши от
 10-ти лет
 мбурга, на заводе,
 бывшего дворянина
 на добротном
 и прочном

А К Т Ъ.
 1918 года октября 15 дня. Мы, нижепо
 селенный Ярославского Нотариального
 у м п и ц к и й и вновь назначенный



славскимъ от
 славскимъ от
 Агидрия
 бера со
 и лаар
 прав
 ить
 сенин
 и еп
 сенин
 ча пр
 сенин

[illegible]

на савану бар-
тунгис кунса
мараса бини-
оагич то Брама
и С. Грамаса
С. Рад. Сав. и кун
и тавъ гоня
бавлененн на
а памени и
и прематра
визанова думи
омъ кунга и

[illegible]